

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (39) 2020

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (39) 2020

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2020
© Tomsk State University, 2020

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (39) 2020

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2020
© Томский государственный университет, 2020

CONTENTS

No 4 (39) 2020

Marina V. Kutsaeva. Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow Region Mari	7
Delyash N. Muzraeva. Syntactic features of Late Oyirat translated monuments (based on the manuscript with the translation of Tugmud-Gavji <i>Oülgurun Dalai</i> "The sea of parables")	24
Rimma T. Muratova. Analytical forms of color-signifying lexemes in the modern Bashkir language (on materials of electronic corpus of prose, folklore and publicism)	41
Elena M. Napolnova. Semantics of the verbs "eat" and "drink" in Turkish	54

REVIEWS

Aleksey A. Burykin. <i>A. A. Petrov. Istoriya izucheniya tunguso-manchzhurskih yazykov v Rossii</i> (Ocherki i issledovaniya) [The history of the study of the Tungus-Manchu languages in Russia (sketches and researches)]	67
Uldanay Jumabay. <i>Düysenälj Äbdiläšim. Eskü Kazak ĵazba tili</i> [The Old Kazakh written language]	71
Style sheet	77

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (39) 2020

М. В. Куцаева. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий мариЙцев Московского региона	7
Д. Н. Музраева. Синтаксические особенности поздних ойратских переводных памятников (на материале рукописи перевода Тугмюд-гавджи <i>Oülgurun dalai</i> «Море притч»).....	24
Р. Т. Муратова. Аналитические формы цветообозначающей лексики в современном башкирском языке (на примере материалов электронных корпусов прозы, фольклора и публицистики)	41
Е. М. Напольнова. Семантика глаголов «есть» и «пить» в турецком языке	54

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Бурькин. <i>А. А. Петров.</i> История изучения тунгусо-маньчжурских языков в России (очерки и исследования).....	67
Uldanay Jumabay. <i>Düysenâlj Âbdilâšim:</i> Eskj Kazak Jazba tîlj [Дюйсенали Абдулашим: Староказахская письменность]	71
Требования к оформлению статей.....	77

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва); moscoop@yandex.ru

В статье рассматривается один из узких, однако важных с лингвистической точки зрения аспектов языковых биографий представителей марийской диаспоры Московского региона — вопрос языковых контактов, которые респонденты в выборке или представители старшего поколения в семье поддерживали в прошлом с татарами, и, соответственно, особенности бытовавшего в их среде марийско-татарского двуязычия и марийско-татарско-русского трехязычия. Основываясь на свидетельствах и воспоминаниях респондентов, автор статьи изучает, с одной стороны, предпосылки, благоприятствовавшие указанным языковым контактам, с другой стороны, причины угасания марийско-татарского языкового взаимодействия и постепенного вымывания татарского компонента из языковых биографий марийцев.

Среди экстралингвистических факторов, способствующих становлению и поддержанию языковых контактов, выявлены: историко-географический (чересполосное расположение марийских и татарских деревень или одна общая деревня); хозяйственно-экономический (тесные торговые и хозяйственные отношения между марийцами и татарами, ведение общей трудовой деятельности в советское время в колхозе); культурно-досуговый (совместная культурно-досуговая деятельность). Несмотря на то что марийцы использовали татарский язык преимущественно в бытовой сфере, он выполнял целый ряд функций: коммуникативную, символическую, эмоциональную и функцию тайного языка. Возможной причиной угасания марийско-татарских языковых контактов стало, согласно полученным данным, ослабление торгово-хозяйственных связей: постепенная замена гужевого транспорта автомобильным; ухудшение в 1990-х гг. материального благосостояния на селе и как следствие — отток населения в более крупные населенные пункты, распад колхозов и вымирание отдельных деревень. Рассмотрены также языковые контакты, возникающие при совместном обучении детей в школе (на разных этапах школьного обучения) или во внутрисемейном общении.

Ключевые слова: внутренняя диаспора, марийский язык, татарский язык, языковые контакты, многоязычие, марийско-татарское двуязычие, марийско-татарско-русское трехязычие

MARI-TATAR LANGUAGE CONTACTS AS REFLECTED IN THE LANGUAGE BIOGRAPHIES OF MOSCOW REGION MARI

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); moscoop@yandex.ru

The article deals with a narrow, yet important from the linguistic point of view aspect of the language biographies of representatives of the Mari Diaspora in the Moscow region — the issue of language contacts that the respondents in the sampling or senior members of their family used to maintain in the past with Tatars, and, accordingly, the Mari-Tatar bilingualism and Mari-Tatar-Russian trilingualism that existed among them. Basing herself on the testimonies and recollections of the respondents in the sampling, the author examines the prerequisites for these types of language contacts, on the one hand, and on the other hand, studies the causes that led to the extinction of Mari-Tatar language interactions and the gradual washing out of the Tatar component from the language biographies of Mari people. Among the extralinguistic factors that contributed to the development and maintenance of these language contacts, the following ones were identified: historical and geographical (the alternating location of Mari and Tatar villages or one common village); economic (close trade and economic relations between Mari and Tatars, common labor activities on a collective farm in the Soviet period); cultural (joint cultural and leisure activities). Despite the fact that Tatar was hardly ever used by Mari people outside their day-to-day communication, it performed a number of functions, though: communicative, symbolic, emotional, and that of a secret language. A possible reason for the decline of the language contacts was, according to the data obtained, the weakening of trade and economic ties: the gradual replacement of horse-drawn transport by automobile; poor welfare in rural areas in the 1990s and, as a result, the outflow of population to city areas, the collapse of collective farms and the extinction of a great number of villages. Mari-Tatar language contacts that developed at school (at various stages of school education) or in intra-family communication were equally considered in the paper.

Keywords: internal Diaspora, Mari language, Tatar language, language contacts, multilingualism, Mari-Tatar bilingualism, Mari-Tatar-Russian trilingualism

1. Введение

Марийцы являются одним из автохтонных финно-угорских народов Среднего Поволжья.

На территории Российской Федерации проживают 547 605 марийцев, из них в Республике Марий Эл — 290 863 чел., остальные марийцы (46,9% от всего марийского населения РФ) проживают как компактными группами (в Республиках Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, в Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, в Пермском крае), так и дисперсными группами во многих других регионах страны, в том числе в Московском, где численность марийцев достигла в 2010 г. 4655 человек [ВПН 2010].

Марийцы отличаются сильной диаспоризацией и занимают второе место среди всех финно-угорских народов РФ после мордвы по количеству представителей этноса, проживающих за пределами своей исторической родины¹ [Кондрашкина 2016: 746].

С одной стороны, внутреннюю диаспору² на территории Российской Федерации образуют марийцы, компактно проживающие в Башкортостане, на северо-востоке Татарстана, в Удмуртии и Приуралье. Данный ареал расселения марийцев сформировался в середине XVI — первой четверти XVIII вв. вследствие усиления социального, религиозного и национального гнета, вызвавшего разного рода протесты податного населения, одной из форм которых было массовое бегство, миграции в Прикамье и Приуралье [Сепеев 2006: 188].

На новых местах марийцы вступали в определенные взаимоотношения с местным населением — татарами и башкирами; со временем язык пришлого марийского населения претерпел значительные изменения под влиянием тюркских языков и в настоящее время считается восточным наречием марийского языка [Коведяева 1976: 7].

Вместе с тем после присоединения Среднего Поволжья к России, в середине XVI — XVIII вв., значительные изменения коснулись и поволжского ареала: этническая территория марийцев несколько сузилась (известно, что в первой четверти XVIII в. в некоторых поволжских волостях численность марийцев сократилась вдвое), в рамках единого государства этнические границы размывались и расширялось чересполосное расселение народов региона, русские активно селились в нерусской среде, в том числе и на территории расселения марийцев [Сепеев 2006: 187—188].

Очевидно, что необходимость общения между представителями разных этнических и языковых групп, вступающих друг с другом в интенсивные хозяйственные, культурные и иные связи, не только влечет за собой изменения одного или нескольких языков на разных языковых уровнях, но также приводит к смешению языков и возникновению различных видов билингвизма [ССТ 2006: 278].

С другой стороны, внутреннюю диаспору образуют марийцы, дисперсно расселенные в многонациональной среде во многих других регионах страны. Почти все они являются мигрантами советского и постсоветского периода (подробнее см. [Сепеев 2006]).

Автором статьи проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре Московского региона. Материалом послужили анкетные данные, полученные в результате опроса 100 представителей марийской диаспоры — уроженцев Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийского этноса (Республика Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская обл.). В рамках социолингвистического анкетирования респондентам, в частности, задавались вопросы о языках, которыми владели родители или представители самого старшего поколения в их семье, а также о языках, которыми владеют сами опрошиваемые. Как выяснилось, в 34% случаев в языковой биографии респондентов оба или один из родителей или представители самого старшего поколения в семье достаточно активно владели — наряду с марийским и русским — татарским языком³, тогда как свое собственное владение

¹ При этом следует отметить, что исторической родиной марийцев является не только территория Республики Марий Эл, но и некоторые древние, исконные места обитания этноса, не входящие в ее территориально-административные границы (Нижегородская и Кировская области, Татарстан в приграничье с Марий Эл), — места интенсивной колонизации, где проживают остатки аборигенного населения марийцев, оказавшиеся в окружении более поздних татарских и русских поселенцев [Сануков 2000: 15].

² Под диаспорой мы подразумеваем совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающих за пределами основного традиционного места расселения данного народа (в том числе в рамках многонационального государства, образуя на его территории так называемую внутреннюю диаспору), объединенных общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющих свой этнический язык в качестве одного из средств общения [ССТ 2006: 57].

³ Носители марийского языка, как правило, двуязычны: по данным переписи 1989 г., свободно владеют русским языком 69,9%. Многие марийцы пользуются для общения с местным населением и третьим языком — татарским, башкирским или удмуртским [Коведяева 1993: 149]. По данным переписи населения 2010 г., в Республике

татарским языком (в разной степени — вплоть до пассивного восприятия отдельных высказываний) респонденты отмечали лишь в 15% случаев.

Основываясь на свидетельствах и воспоминаниях респондентов, автор статьи предпринял попытку, с одной стороны, рассмотреть условия, благоприятствующие возникновению языковых контактов между марийцами и татарами в прошлом, с другой стороны, изучить причины, повлекшие угасание марийско-татарского языкового взаимодействия и постепенное вымывание татарского компонента из языковых биографий марийцев.

В разделе 2 определены экстралингвистические факторы, такие как историко-географический, хозяйственно-экономический и культурно-досуговой, способствующие становлению и поддержанию марийско-татарского языкового взаимодействия. В разделе 3 отмечены предпосылки для угасания данного типа языковых контактов (в частности, сокращение общей хозяйственно-практической деятельности). В разделе 4 рассмотрены языковые контакты, возникающие при совместном обучении детей в школе (на разных этапах обучения) или во внутрисемейном общении. Раздел 5 содержит выводы по материалам статьи.

2. Предпосылки для возникновения марийско-татарских языковых контактов

Среди экстралингвистических факторов, способствующих возникновению и поддержанию марийско-татарских языковых контактов, по данным языковых биографий, следует отметить историко-географический, хозяйственно-экономический и культурно-досуговой.

В таблице 1 приводятся сведения о месте рождения респондентов, а также число лиц, указавших на владение их родителями или представителями самого старшего поколения в семье татарским языком. Данные о месте рождения представляются крайне важными в силу того, что наряду с делением марийцев на диалектные группы существует и деление на этнографические группы⁴ «с выделением в составе этнической территории марийцев нескольких этнографических районов, из которых каждый в недавнем прошлом отличался специфическими особенностями этнографического уклада, наречия и этнических связей населения» [Козлова 1978, цит. по Коведяева 1987: 19].

Таблица 1. Место рождения респондентов (выборка составила 100 человек, в подавляющем большинстве случаев родители респондентов являются уроженцами тех же мест, исключение составили выходцы из городской среды РМЭ и уроженцы ПГТ, родители которых родились в сельской местности)

Место рождения респондента	Доля респондентов в выборке	Число респондентов, указавших на владение татарским (родителями, самым старшим поколением и/или самими респондентами)
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58%	13
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13%	—
Республика Башкортостан	18%	17
Республика Татарстан	3%	2
Кировская область	5%	—
Свердловская область	2%	2
районы дисперсного расселения марийцев	1%	—

17% респондентов в выборке, отметивших владение старшим поколением в их семье татарским языком, являются, как и их родители, уроженцами Мишкинского и Калтасинского районов Республики Башкортостан. Марийцы расселены в северо-западной части республики. В Башкортостане более 240 марийских деревень, преимущественно в Мишкинском, Калтасинском, Бирском, Краснокамском и неко-

Марий Эл из 289840 марийцев, указавших владение языками, 285722 чел. владеют русским, из 23397 горных марийцев — соответственно 22600 чел.

⁴ Марийцы подразделяются на три основные субэтнические группы: горные, луговые и восточные. Горные марийцы населяют правобережье Волги, луговые — Ветлужско-Вятское междуречье, восточные марийцы живут к востоку от р. Вятка, главным образом на территории Башкирии, куда переселились в XVI—XVIII вв. [Петров 1994: 229].

торых других районах. Самая большая часть мари компактно живет в Мишкинском (более 18 тысяч человек, около 72% населения) и Калтасинском (более 13 тысяч человек, или 46% населения) районах. От конкретного района зависит, с кем проживают в соседстве марийцы — с татарами, башкирами, чувашами, удмуртами или русскими [Марийцы 2013: 140]. *«Мишкинский наш район — там в основном живут марийцы, но есть и татарские деревни. А вот там, где я живу, это граница с Бураевским районом. А Бураевский район — это полностью татарский район, получается»* (С. А., 38)⁵. *«У нас вся деревня разговаривала либо на марийском языке, либо на татарском языке. Потому что у нас были рядом татарские деревни, и вся жизнь проходила в общении между этими деревнями. С одной стороны были татары. С другой стороны были марийские деревни. То есть был такой разнобой»* (Г. И., 61). *«Как и все нормальные чи мари⁶ мои родители знали: родной язык — марийский, язык соседей — татарский, язык оккупантов — русский!»* (улыбается) (Д. Я., 63).

В 13% случаев опрошенные — выходцы из сельской среды Моркинского (7 чел.), Мари-Турекского (2 чел.), Волжского (2 чел.) и Параньгинского (2 чел.) районов Республики Марий Эл. По наблюдению этнографов, состав населения Кокшайско-Приволжского района издавна был этнически разнородным: наряду с марийцами здесь жило много русских и татар. На юго-востоке тогдашнего Царевококшайского уезда марийцы тесно соприкасались с татарским населением Кшкловской и Кулле-Киминской волостей, где татар было большинство и где мари, как правило, знали татарский язык. Некоторое количество татар размещалось среди марийцев Моркинской, Себе-Усадской и Сотнурской волостей [Козлова 1978, цит. по Коведяева 1987: 19—21]. *«В Мари-Турекском районе марийские деревни чередуются с татарскими деревнями»* (И. Г., 28). *«У нас же в Параньгинском районе — татаров много живут, ну и марийцев много. Но и сам центр Параньга — там татары. Ну так и все марийский, русский и татарский знают там. Даже вот взять нашу деревню Ильпанур. Как в школе говорили, в чистом поле встретились мариец и татарин и решили они здесь построить первый дом. И они начали спорить, кто будет строить этот дом. У кого стрела, когда будут стрелять, пройдет насквозь это дерево — тот и начнёт. Ну ладно, с утра и начнем. А мариец хитрее был — вечером, ночью, пришел, дырку насквозь дерева просверлил, заделал. С утра пришли, начали стрелять, у татарина стрела не прошла, а мариец попал точно. И стрела вылетела насквозь. Вот так и появилась наша деревня. Ильпа — это имя того человека, нур значит “поле”»* (Ю. Ф., 38). И в наши дни в республике некоторые этнические группы, в том числе татары, проживают в определенной местности (в соответствии с давним сельским расселением): так, основная масса татар (60%) сосредоточена в приграничных с Татарстаном районах: Параньгинском, Мари-Турекском и Моркинском, где имеется значительное число татарских поселений, и в г. Волжск [Народы Поволжья и Приуралья 2000: 196]. *«Родители владели татарским, потому что мы жили рядом с Татарстаном, татары от нас очень недалеко»* (А. Ч., 49, Моркинский район, РМЭ⁷).

2% опрошенных — уроженцы сельской местности в Свердловской области (Красноуфимский район) и в Республике Татарстан (Агрызский район), также проживающие в тесном соседстве с татарами. *«И еще родители оба знали татарский, потому что очень плотное окружение татар»* (О. С., 50).

В указанных выше районах следует различать два типа расселения марийцев и татар в сельской местности: во-первых, смешанная в этническом отношении одна общая деревня, во-вторых, чересполосное расположение марийских и татарских деревень.

В случае непосредственного проживания с татарами в одной «смешанной» деревне респонденты часто упоминали тот факт, что татары и марийцы занимали разные концы деревни, отдельные улицы: *«Мы жили в деревне, где жили марийцы, мордва, татары. А мы, получается, живем в том месте, где наша улица — марийская, а следующая — татарская. Целыми улицами жили. Поэтому они знали марийский и татарский. А вот мордва, когда она там жила, уже укоренялась, в этом Красноуфимском районе, она уже больше владела нашим марийским. Потому что их было малочисленно, а нас, марийцев, было больше»*. (А. Т., 51, Свердловская область). *«У нас деревня такая, что есть татарский конец, есть марийский конец. У нас на татарском конце по-татарски разговаривают, на марийском — по-марийски. Проходишь метров пятьсот и уже переключаешься на татарский»* (Э. М., 47, Башкортостан). *«Мама у меня родилась, где большинство жителей были татары. Там одна такая большая деревня, но их было большинство все равно. И жили причем, одна сторона — марийцы, другая — татары жили. У меня бабушка по маминой линии, так как она родилась в этой деревне, знала очень хорошо татарский язык. У них был дом, они рядом жили со второй половиной татарской. Татары общались на татарском языке. С моей бабушкой. Она прямо с татарами очень даже общалась!»* (Р. Н., 29, Мор-

⁵ В скобках приводятся инициалы респондентов и их возраст.

⁶ Чи мари — некрещеные марийцы, соблюдающие древнемарийскую веру [Марийцы 2013: 297].

⁷ Здесь и далее в скобках указано место рождения респондента на малой родине.

кинский район, РМЭ). В некоторых случаях проживание было действительно смешанным, и в непосредственном соседстве с респондентом и его семьей на одной улице жили татарские семьи.

Чересполосное расположение марийских и татарских деревень также способствовало установлению марийско-татарских языковых контактов и овладению марийцами татарским языком — как в Башкортостане, так и в РМЭ, в районах с высокой плотностью татарского населения: *«Мать и отец знают татарский, потому что у нас в соседней деревне живут татары. И они всю жизнь раньше общались, получается, с татарами. Поэтому они на татарском легко разговаривают. Да они татарский знают даже лучше, чем русский!»* (Э. З., 47, Башкортостан)⁸.

Немаловажным кажется расстояние между деревнями. Например, дистанция в несколько километров (от одного до трех километров, по свидетельству респондентов) не была преградой для естественного общения между деревнями: *«Знаете, у нас соседняя деревня была. Наш район граничит с Татарией, три километра от нас. Раньше, когда я маленькая была, помню, наши родители очень хорошо общались, дружили с татарами. И они тоже к нам ходили, и наши родители ходили. Я очень хорошо помню, они как бы... родственники как бы, как родня — так тетя считала. Я в семье была старшей дочкой, она иногда раз в месяц всегда меня брала, и мы с ней в татарскую деревню ходили в гости»* (Т. М., 51, Моркинский район, РМЭ). *«Родители мои татарский не знали, дело в том, что татарские деревни находятся далеко от нашей, примерно на расстоянии шести километров. А вот деревни — марийская Усола и татарская Поле-Кугунур — в километре друг от друга, там татары до сих пор очень хорошо разговаривают на марийском, а марийцы на татарском»* (Ю. Л., 56, Параньгинский район). Между тем изолированное положение деревни даже в густонаселенной татарами местности служило препятствием для возможного усвоения марийцами языка соседей: *«Люди жили целой деревней и разговаривали только на марийском. Все мое окружение были только марийцы, потому что деревни — следующая и другие — были марийские, до поселка, до райцентра было тридцать километров. Это такая глушь-глушь! В Моркинском районе, чтобы ко мне доехать, нужно было три дня на оленях! Только недавно дорогу сделали асфальтовую! В поселке нам встречались татары, но с ними уже общались на русском»* (В. К., 37).

Кроме того, важным моментом для поддержания языковых контактов следует считать также и наличие хороших, добрососедских отношений между представителями данных этнических общностей, проживающих как в пределах одной деревни, так и в соседних населенных пунктах. *«Жил я с бабушкой, татарским она владела в совершенстве, потому что у нее все подруги в деревне — татарки, они к ней постоянно заходили, естественно, очень много подруг, под старость уже заходили. Поэтому она владела в совершенстве татарским»* (Ю. М., 60). *«Вот раньше, как было? Мы же на границе с Татарией живем, наши родители дружили с другими татарскими семьями, они друг к другу в гости приезжали. Ихние вот уже тоже многие ушли из жизни, там уже мало осталось, ну, вот они раньше общались, друг к другу в гости, и обычно, они к нам когда приезжают, мои родители с ними только на татарском»* (И. И., 56).

В отсутствие дружеских или приятельских отношений, как следует из приведенных ниже примеров, члены этнической группы еще в недавнем прошлом придерживались каждый своего языка, даже при условии проживания в одной деревне или в соседних деревнях, и языком общения выступал русский как язык межнационального общения: *«Деревня марийская у нас. Соседние деревни, да, тоже марийцы. Татарские деревни тоже рядышком, но оттуда никто не приходил, не приезжал. С татарами мы общались по-русски уже. Работали как-то раз в татарской деревне. Мы на русском общались. Они между собой на татарском, а мы — на марийском»* (Р. А., 25, Татарстан).

Вторым фактором, благоприятствующим возникновению и поддержанию марийско-татарского двуязычия, следует считать хозяйственно-экономический и производственный.

Исстари, по замечанию респондентов, марийцы поддерживают достаточно тесные торговые и хозяйственные отношения с татарами. По воспоминаниям опрошенных, *«много связей было»*, среди прочих респондентами были отмечены следующие: *«татары валенки нам везли», «в Татарстан гнали лес, ягоды, грибы, всякое добро», «татары к нам приезжали покупать гусей, всякую живность — баранов, например», «у татар была мельница, к ним часто наше старшее поколение ездили», «приезжают татары, допустим, привозят что-то продавать, зерно или что-то еще, у них же закупают поросят», «татары всегда приезжали, покупали скот», «бабушка с дедушкой по отцовой линии торговали в основном*

⁸ Приведем выдержки из описания языковых ситуаций в тюркоязычных республиках Российской Федерации, в частности в Башкортостане и Татарстане: *«Национально-тюркское двуязычие также более распространено в сельской местности ввиду более длительного совместного проживания контактирующих народов, их общей трудовой деятельности и худшего, чем у горожан этих же народов, владения русским языком»* [Баскаков, Насырова 2000: 70—72].

крупным рогатым скотом, гуси, мед — продавали татарам, покупали у них одежду, там — галоши, сапоги. Есть даже такое выражение “суас⁹ галоши”, так как у них там завод производства резиновых изделий. Дед по маминной линии продавал туда смолу и мед, у нас был смоляной завод» (А. В., 29). «Дедушка у меня знал татарский, он был более склонен к общению с татарами на татарском, чем бабушка. Она не знала, а вот он выраивал лошадей, поэтому, думаю, это тоже повлияло. Татары интересовались, чем он занимается, и наверное, покупали. Знаю, что к нему приходили, интересовались» (И. Г., 28).

Естественно, марийцы, поддерживающие торговые отношения с татарами, владели в той или иной степени татарским.

Кроме того, через марийские и татарские деревни в прошлом проходили торговые пути на Казань, товары перевозились гужевым транспортом, путь был долгим и занимал несколько дней, отсюда возникла необходимость остановки на ночлег у знакомых. «Люди на лошадях ездили, останавливались в деревнях у знакомых. И там ночевали. То есть это не одного дня был путь. И соответственно, так повелось из поколение в поколение. И старшее поколение — тем больше они знали, и на татарском абсолютно точно также разговаривали, как на родном своем марийском языке» (В. Н., 67).

Отдельное замечание стоит сделать относительно необходимости посещать один и тот же магазин. В том случае если торговая точка оказывалась в силу обстоятельств общей и располагалась на татарской стороне, марийцы, согласно данным языковых биографий респондентов, осваивали татарский: «Вот как раньше было? Марийцы жили бедно, так было. А татары были как-то зажиточнее. (...) Марийцы ходили к ним в деревню» (Т. М., 51). «Татарский знают только мои родители. Раньше вот, если родителям приходилось ездить в те же магазины или куда-то. Они чаще с ними общались. И поэтому им надо было как-то друг друга понимать, и они... Как мама рассказывала. Что-то надо купить, например, в нашем магазине нет, а у них есть. И мы, говорит, ездили туда, в соседнюю деревню, к татарам. Как-то вот так! То есть у них частое было общение» (Э. З., 47). Однако, если магазины были у каждого свои, кажется, отпадала и необходимость выстраивания марийско-татарских языковых контактов: «Татарский в моей семье никогда не знали. То есть чисто какие-то слова отдельные знали, но не так, чтобы татарский в целом. Они не понимали, о чем они говорят. Просто наша деревня, она подразделяется на две части, так скажем. Одна часть, она ближе к Татарии, другая — она просто разделена речкой. В какой-то степени так было всегда. У каждой свой магазин. В принципе... как бы совершенно разные деревни. Они знают такие слова, как “магазин”, так как деревня татарская рядом, кто-то заезжает в деревню, и там надписи висят. А в целом из моих никто не знает татарского. Думаю, что татары, как и марийцы, чисто некоторые слова знали, и все. Они общаются через русский» (Е. М., 22, Волжский район, РМЭ).

Существенное значение для марийско-татарских языковых контактов, помимо длительного совместного проживания, имело также ведение общей трудовой деятельности — в частности, в советское время в рабочих коллективах в колхозах. «Когда работаешь вместе с людьми, когда общаешься с ними, тогда быстро обучаешься» (В. Ш., 71), «работая совместно с татарами, они разговаривали на том языке, на котором удобно» (В. А., 62), «все связано с тем, что было совместное хозяйство в одном колхозе, у них, допустим, есть один парк, то есть они все собирались, так или иначе общались. А там уже — что марийский, что татарский, в принципе все смешивалось» (Ю. М., 60). Наиболее интересным представляется эпизод, описанный одним из наших респондентов, однажды ставшим свидетелем проведения общеколхозного собрания: «Вот у нас такая была ситуация. Идет общее собрание, битком набитый зал клуба. И выступающие. Это самый яркий пример, который я помню. Татарин был председателем колхоза, он выступает. На русском делает отчет. Переходит на татарский, переходит на марийский. Они все владели этими языками. А зал спокойно реагирует. А потом начинается обсуждение, выступающие начинают говорить на марийском, потом переходят на русский, потом на татарский. Вот все вот так, и абсолютно все нормально воспринимают. Все это дело знали. Я как раз тогда работал в обкоме партии. И со мной вместе на этом отчетно-выборном собрании колхоза присутствовал первый секретарь райкома партии. Поскольку я был ответственным за проведение этих мероприятий по тому району, я его сопровождал, а он такими круглыми глазами смотрит на меня. И потом он меня спрашивает: “А как это происходит? А чего они — понимают, что ли, друг друга?”. Я говорю: “Не волнуйтесь, они всё абсолютно понимают!”». (В. Н., 67, Моркинский район, РМЭ).

Сферы функционирования многоязычия главным образом ограничиваются устным бытовым общением и неквалифицированной трудовой деятельностью в силу того, что, как правило, в большинстве случаев полилингвы владеют одним, реже двумя (родным и русским) языками в их литературной форме и третьим и четвертым языками в форме просторечия [Баскаков, Насырова 2000: 72]. Приведем пример:

⁹ Суас (лугомар.) — татарин.

«У себя в деревне я только на марийском, а на стороне, ну если где-то по работе в колхозе, то у меня сборная речь. Ну, вот я механиком работал, мне все-таки легче по-русски объяснить по работе, потому что я же не татарин, я разговариваю с ними, конечно, на татарском, но некоторые вопросы — все же не объяснишь, не умею просто! Где-то я по-русски с ними, где-то по-татарски. Если не знаю, по-русски скажу» (И. И., 56).

Более того, в ряде случаев респонденты называли и более квалифицированные профессии, представители которых в какой-то мере были обязаны владеть и татарским языком (это касается в основном Башкортостана, где татарский язык, несомненно, находится на пике языковой иерархии среди других языков народов РФ, представленных в регионе, см. [Сафин, Сабирова 2018]) : «Татарским — папа. Он госслужащий, он вынужден, он ездит во все населенные пункты как бы, и он вынужден знать. Во-первых, это. Во-вторых, я разговариваю на татарском, я все прекрасно понимаю, я работала в свое время среди татар, в татарских школах» (Н. М., 41).

Наконец, ввиду проживания марийцев в татароязычном окружении как в некоторых районах республики, так и за ее пределами существенным представляется такой фактор, как совместная культурно-досуговая деятельность. С одной стороны, это неформальное общение марийцев и татар в ходе проведения спортивных мероприятий и занятий в спортивных секциях на малой родине: «Одно время, когда я после школы учился, занимался лыжами, у нас в сборной были одни татары. И вот куда-то мы поехали на сборы, и целый месяц я с ними постоянно общался. И я их уже понимал! Говорил — и они меня понимали! Говорил. Пусть плохо говорил, но они меня понимали» (Г. Д., 56). «Отец мой знает татарский от обывательской беседы и спорта. Он занимался в юности в секции борьбы татаро-башкирской көрәши, пять лет подряд брал барана на көрәши у нас в Морках. Когда общались в компании, они говорили по-татарски, он отвечал им по-русски. Когда я сам бывал в детстве в деревне, иногда заходили ребята из татарских деревень поиграть. Вместе играли в футбол. Пассивно, но все равно слышал татарскую речь. У меня сосед, когда я жил в общежитии в институте, был один татарин из Нижегородской области, так вот, когда он разговаривал с родителями на своем языке, я понимал в большинстве своем» (А. В., 29).

С другой стороны, приобщению марийцев к татарскому языку способствовали и общие культурно-досуговые мероприятия: «Вместе живем, у нас даже никакой разницы нет — татары или марийцы. Вот до такой степени привыкли между собой, ну, имеется в виду, в нашей деревне! Все праздники у нас вместе. У меня мать еще жива, в прошлом году возил ее на сабантуй к подругам в соседнюю деревню. Мы еще выступаем, у нас культурный ансамбль. И вот мы с концертами, я тоже бывший участник. Мы ездили выступать в татарские деревни, в такие деревни, совместные, где татары и марийцы живут. Правда, у нас их малое количество, но они участвовали в наших коллективах, потому что в школу вместе ходили, и совместные концерты выставляли, выступали, в те времена, в 1980-е годы, и тогда же ездили в татарские деревни. С нами вот один татарин, ему уже 51 год, сколько лет мы уже вместе выступаем, мы с ним по-татарски поем. Я знаю, ну как... выучил. Мы с ним выступаем на татарском, он поет по-марийски, танцует, ну так... вот все у нас как-то воедино! Я когда еще студентом был, я выучил татарские песни! И заинтересованность была! Она же мелодичная такая, татарская песня! Я выступаю и на застольях, и на концертах, бывает, просят, чтобы песню эту исполнил. И марийцы, друзья-товарищи, просят, это больше для разнообразия!» (И. И., 56). Отметим также, что в ходе социолингвистического опроса у респондентов спрашивали, песни на каких языках они любят слушать или исполнять: некоторое количество ответов, особенно в случае если на малой родине респондент проживал в соседстве с татарами, пришлось и на татарскую песню.

По нашим наблюдениям, при условии проживания в татароязычном окружении владение марийцами языком соседей — татарским — по свидетельству респондентов, уроженцев Моркинского района РМЭ, было в какой-то степени необходимым («Язык надо было знать, это была как бы необходимость», «раньше, наверное, было даже обязательно, как-то принято», «они считали это обязательным — выучить именно татарский язык», — неоднократно подчеркивалось ими в ходе интервью), тогда как по мнению уроженцев Башкирии знание татарского было скорее нормой и воспринималось ими совершенно естественно.

Несмотря на то что подобный тип двуязычия с компонентами тюркского и нетюркского языков носит ограниченный, преимущественно групповой и локальный, характер и «не имеет сколько-нибудь важного социального значения за пределами бытового общения» [Баскаков, Насырова 2000: 70—72], в ходе социолингвистического анкетирования нами был установлен ряд функций, которые выполнял татарский язык, по свидетельству опрошенных.

Во-первых, это, бесспорно, коммуникативная функция — ввиду тесного многовекового проживания с татарами, о чем мы подробно говорили выше: «Бабушке и дедушке приходилось общаться с татарами,

которые не знают русского языка. Они все рядом проживали. Недалеко. Они просто разговаривали, так, чисто пообщаться. Может, приезжали на какие-то мероприятия» (О. И., 30).

Во-вторых, татарский использовался марийцами и в символической функции, с целью выказать свое уважение, причем, по словам респондента, это уважение могло быть обоюдным и татары, в свою очередь, могли переходить на марийский: «В селе — если татары приезжали к нам, но они и жили рядом с нами, мои родители могли с ними говорить на татарском, но они могли отвечать на марийском. Тоже очень интересное явление, кстати! Они могли отвечать на марийском, а мои родители с точки зрения уважения — на татарском. Это было очень интересно наблюдать, когда твои родители — мари и разговаривают на татарском, а эти татары с таким большим акцентом, пусть даже и неправильно, но они говорили на марийском!» (Л. К., 27).

В-третьих, татарский использовался в качестве тайного языка. С одной стороны, марийцы, главным образом башкирские, использовали во внутрисемейном общении татарский в функции тайного языка с целью обсудить какие-то «взрослые» темы при детях, которые, как правило, слабо владели татарским или вовсе им не владели (о чем мы будем говорить ниже): «Между собой родители — очень интересно было. Ну так-то между собой они разговаривали по-марийски, а если какие-нибудь секреты, чтобы мы не понимали, они по-татарски разговаривали!» (И. Е., 53). «Бывало и такое, что родители секретничали на татарском» (О. М., 36). С другой стороны, знание татарского было очень важным с точки зрения ведения переговоров о покупке и продаже товаров и последующего заключения торговых сделок: «Также я помню по рассказам своей бабушки, марийки, о том, что она тоже знала татарский язык, знала татарские слова, потому что раньше в основном за покупкой скота приезжали татары. И чтобы... как бы не было... не стать обманутой, либо как-то наоборот найти с ними общий язык очень многие в деревнях знали, вот марийцы — и татарский, и удмуртский языки. Поэтому если приезжали за скотом, то она умела с ними разговаривать, торговалась, либо наоборот, поднимала цену» (Е. В., 33). «Почему еще раньше, мама рассказывала, обязательно как бы... ну, они считали обязательным выучить именно татарский язык, потому что у нас, допустим, татар считают намного умней, хитрее, они могут обмануть... И если ты их язык будешь знать, ну, в общем.... Пригодится! Вот поэтому!» (Л. К., 27).

Наконец, марийцы употребляли татарский и в эмоциональной функции: «У меня бабушка, так как родилась в этой деревне (где большинство — татары. — М. К.), она знала очень хорошо татарский язык. Даже иногда и матом ругалась! И дедушка у меня, кстати, тоже, по маминой линии тоже и разговаривал. И матерились, и все остальное! Просто, помню, например, что-то не получалось у дедушки, он был плотником, он там раз: по-татарски [CENSORED]¹⁰ скажет. Он периодически это выражение употреблял. Моя бабушка общалась с соседями, допустим. Она прямо с татарами очень даже общалась. Бывало, что даже и ругались между собой, и все остальное. Она очень хорошо знала» (Р. Н., 29).

Что касается самих татар и возможного владения ими марийским, то респонденты в ряде случаев отметили, что татары, проживающие в их местности, довольно хорошо владели марийским, при этом следует особо оговорить, что это были отдельные семьи, проживающие среди большинства — мари, в том числе и в районах, где скудно представлено татарское население, к примеру в Горномарийском районе РМЭ: «У нас в основном только горные марийцы. Вот одна семья была, но говорили они, что они — суас, суас, значит, татары. Но они говорили на горномарийском. У нас все говорили на горномарийском» (Н. Н., 52, Горномарийский район, РМЭ). «Шаранжа — подавляющее большинство, так, навскидку, 95% — наверное, это марийцы. Остальные пять процентов — есть несколько русскоговорящих человек, есть татары. С татарами на марийском. Они свободно говорят на марийском, на татарском и на русском» (М. Е., 31, Моркинский район, РМЭ). «Некоторые татары — они уже знали марийский, они уже с нами разговаривали на марийском. Так как марийцев было больше, все-таки они под действием марийского языка, выучили марийский» (Л. К., 27, Моркинский район, РМЭ). «Полностью марийская деревня была наша. И еще в нашей деревне была одна татарская семья. Когда-то переехали, но они уже стали марийцами, считай. Полностью по-марийски. Родители, бабушки, может, по-татарски, но дети — только на марийском. Но татарский тоже они знали, наверное» (И. Е., 53, Башкортостан). «Деревня полностью марийская. Семья была одна татарская, одна русская, одна чувашская. Но они как бы знали свой родной язык и плюс марийский язык они все знали. То есть так они на своем разговаривают, а на улицу выйдут и на начинают разговаривать по-марийски» (А. М., 44, Башкортостан).

Другие указывали на, вероятно, пассивное владение татарами марийским: «Татары ведь тоже понимали марийский язык» (В. Ш., 58). «А татары, между прочим, тоже немножко понимали марийский язык. Но они говорили, что для них почему-то было сложно освоить марийский, кстати. А вот все ма-

¹⁰ Респондент употребил грубое ругательство на татарском языке.

рийцы, живущие там (Красноуфимский район, Свердловская область. — М. К.), знали татарский и всегда общались на татарском языке» (А. Т., 51).

В подавляющем большинстве случаев опрошенные заявили о том, что татары редко знали марийский язык, во всяком случае гораздо реже прибегали к использованию языка соседей, чем сами марийцы. «Ну, скорее всего, марийцев больше было, которые знали татарский» (А. Ч., 49). «Татары, наверное, более лентяи» (Р. Н., 29). Безусловно, не последнюю роль здесь играла иерархия языков и языковой престиж татарского в сравнении с другими языками в регионе: «В нашем районе в основном больше мари, русские были, удмурты проживали достаточно много, татары, мордва проживали. Вот примерно такой контингент. То есть деревнями такие национальности. Большинство по-русски общались, с татарами мы могли общаться на татарском. Татары редко знали марийский язык. Вот поколение моих родителей — все знали точно три языка, и с удмуртами, если рядом жили, то и удмуртский знали. Ну вот удмурты, как и татары, тоже марийский — не особо! А мари старались как-то языки соседей изучать и с ними общаться на этих языках» (В. Ш., 70). Кроме того, респонденты подчеркнули приверженность татар своему этническому языку и склонность намного чаще пользоваться им в межъязыковых контактах, чем марийцы, предпочитающие в такой ситуации переходить на язык межнационального общения — русский. «Татарская деревня — соседняя, татары — они как-то обособленно. С татарами — по-русски. Но вот татары — они постелее, у нас как-то более этично, если мы, марийцы, понимали, что они не понимают там. Мы всё равно старались разговаривать на русском. А татары — они не церемонились, они всё равно на своем. Они вот не стеснялись. Они... даже если мы не понимаем, они всё равно на своем. Они постелее» (А. С., 50). «В деревнях так: они всегда на своем языке разговаривают, на русском там мало. Так уже заведено» (И. И., 56).

Одновременно приводим сравнительные данные Всероссийской переписи населения 2010 г. относительно владения марийцами разных регионов страны татарским языком и татарами — марийским [ВПН 2010]¹¹. Как видим, татары, проживающие в РМЭ, в большей мере владеют марийским, чем республиканские мари — татарским. При этом по всем остальным регионам компактного расселения марийцев, где они соприкасаются с татарским населением, марийцы лидируют по владению языком соседей.

Таблица 2. Число татар, указавших на владение марийским, по регионам РФ

Субъект РФ	Число татар, указавших владение языками	Число татар, указавших на владение марийским языком	Доля лиц, владеющих марийским языком
Республика Марий Эл	38228	1337	3,4%
Республика Башкортостан	1005404	1400	0,14%
Республика Татарстан	2005937	691	0,03%
Свердловская область	143803	102	0,07%
Кировская область	36457	90	0,24%

Таблица 3. Число марийцев, указавших на владение татарским, по регионам РФ

Субъект РФ	Число марийцев, указавших владение языками	Число марийцев, указавших на владение татарским языком	Доля лиц, владеющих татарским языком
Республика Марий Эл	289840	1568	0,54%
Республика Башкортостан	103271	20582	19,9%
Республика Татарстан	18803	5609	29,8%
Свердловская область	23756	902	3,7%
Кировская область	29559	552	1,8%

Некоторые опрошенные также выразили мнение, что марийцам «легче», «проще» выучить татарский: «У нас в языке очень много диалектных слов именно татарских» (Л. К., 27).

¹¹ В советское время в переписях населения можно было указать лишь один язык, кроме родного, которым человек свободно владеет. «Между тем некоторые народы отличаются массовым трехъязычием. Наиболее многочисленные из них — башкиры, многие из них владеют башкирским, русским и татарским. В Башкирии самую большую этническую группу составляют русские (39,3%), на втором месте — татары (28,4%), на третьем — башкиры (24,5%)» [Беликов, Крысин 2016: 178].

Начиная с VII в. н. э. марийцы находились в постоянном контакте с тюркскими народностями, и марийский язык испытал очень сильное влияние тюркских языков. Тюркские языки оказали определенное влияние на грамматический строй марийского языка (заимствование некоторых грамматических формантов и моделей, союзов) и послужили источником многочисленных лексических заимствований. В основном они относятся к области земледелия, скотоводства, общественной жизни [Коведяева, Николаева 2001: 282]. Именно из татарского языка пришли некоторые названия частей тела, растений, птиц и животных, понятия, связанные с материальной культурой и духовной жизнью, названия орудий труда и предметов быта, качеств и свойств, действий и состояний [Коведяева 1993: 163]. *«Мы некоторые-то слова знаем, у нас даже слова-то схожие с ними есть. Вот — здравствуйте — “салам”! У них тоже “салам”. Потом вот — яблоко, “алма” — “алма” у них тоже вот. Такие схожие слова»* (С. П., 60) (подробнее о марийско-татарских языковых контактах, в частности о заимствованиях из татарского языка, см. [Исанбаев 1989]).

В результате миграций марийцев их «длительное (на протяжении нескольких столетий) контактирование с тюркоязычными народами Поволжья, а затем более восточными по занимаемой территории башкирами привело к развитию в марийском восточного диалекта» [Коведяева 1987: 17—18]. На новых землях на территории Татарстана, Удмуртии, Башкирии, Пермской области марийцы вступали в тесный контакт с татарами и башкирами, и тюркизмы широким потоком стали вливаться в язык пришедшего марийского населения [там же]. *«У нас помесь там в Башкирии — одна деревня марийская, другая татарская. Все там смешались! У нас уже и языки смешались, мы говорим наполовину татарские, наполовину марийские. Там у нас все уже смешались, все женятся друг на друге, поэтому вот так!»* (О. М., 36). *«У нас же все равно в Башкирии диалект другой, он более смешанный с татарами. Но все равно с луговыми у нас больше похожести, ну, просто у башкирских мари есть в языке немножечко татарских слов. Даже не немножечко, а прям — прилично! Но в татарском это, кстати, помогает»* (Т. К., 32).

Таким образом, среди факторов, способствовавших в относительно недавнем прошлом установлению и поддержанию марийско-татарского языкового взаимодействия, нами были выявлены следующие: историко-географический (чересполосное расположение марийских и татарских деревень или одна общая, «смешанная» деревня); хозяйственно-экономический и производственный (тесные торговые и хозяйственные отношения между марийцами и татарами, наличие общей торговой точки на татарской стороне, ведение общей трудовой деятельности в советское время в колхозе); культурно-досуговый (совместная культурно-досуговая деятельность). Несмотря на то что использование марийцами татарского языка тяготело к бытовому общению, татарский употреблялся респондентами в целом ряде функций: не только коммуникативной, но и символической, эмоциональной функции, а также в функции тайного языка.

3. Причины угасания марийско-татарских языковых контактов

Несмотря на то что еще в недавнем прошлом, как выяснилось, марийцы поддерживали достаточно интенсивные языковые контакты с проживающими по соседству татарами, в настоящем число респондентов, указавших на владение татарским, уменьшается примерно вдвое в каждой когорте (см. данные, приведенные в таблице 4).

Таблица 4. Владение татарским языком по данным языковых биографий респондентов в выборке

Когорта в выборке	Число респондентов в когорте	Владели татарским родители (или представители самого старшего поколения в семье)	Владеют татарским респонденты в выборке
21—30	31	8	4
31—40	26	6	3
41—50	14	6	3
51—60	20	9	2
61—70	9	5	3

Одной из причин является, по словам опрошенных, отсутствие необходимости в установлении данного типа контактов: *«Ну а мне-то по-татарски зачем надо?»* (А. К., 60), *«раньше это была необходимость, сейчас как таковой ее нет»* (А. В., 29), *«не было у меня такой, как у родителей, возможности и нужды учить»* (Э. З., 47), здесь подразумевается ослабление торгово-хозяйственных связей между представителями этнических групп. С одной стороны, постепенно произошел переход от гужевого способа

перевозки товаров к более быстрому — при помощи автомобильного транспорта, соответственно, исчезла необходимость останавливаться на ночлег в татарских деревнях, ведь торговый путь занимал теперь значительно меньше времени. С другой стороны, в 1990-е годы вследствие новых условий хозяйствования в трудном положении оказалось сельское хозяйство, в частности в Республике Марий Эл, все его отрасли стали убыточными, сократились посевные площади и поголовье скота, ухудшилось материальное благосостояние сельского населения [Иванов, Сануков 2015: 281]. *«У меня мама татарский знает. Ну не все прям, но по-татарски раньше понимала, могла что-то сказать. У нас все-таки раньше деревня была достаточно оживленной, там несколько деревень связывал колхоз, где они все вместе работали. Ну, у них был русский, татарский, марийский, все всё знали, все как-то уживались»* (Н. В., 28). *«У нас раньше в колхозе и марийцы, и татары работали. И так — целые бригады были. И вопрос, на каком языке общаться, он просто не стоял. Никогда! А сейчас, это в 90-х годах, все это порушилось, порушились все эти связи, значит»* (В. Н., 67). В отдельных случаях трудовая жизнь респондентов или их родителей, в отличие от представителей самого старшего поколения в семье, проходила в «чисто марийском» колхозе: *«Дед знал татарский, а родители не знали, потому что они не общались с ним и — и все. А дед по работе общался, он был председателем колхоза, поэтому знал. Но родители работали в колхозе чисто марийском»* (А. М., 44).

Кроме того, ввиду непростых социально-экономических условий происходило постепенное вымирание отдельных деревень, увеличивался отток сельского населения в более крупные населенные пункты, что, в свою очередь, влияло на языковые контакты. Республиканские мари, которые родились и выросли в более крупном населенном пункте: в районном центре, поселке городского типа или в городе, общались с представителями других этнических групп, в том числе и с татарами, на русском¹². *«Мы с мужем работать поехали в Октябрьский. В молодости. Там и дети родились. Там же разных национальностей: там и чувашки, и русские, и татары, и немцы — все есть! На русском языке у нас-то в поселке было!»* (С. П., 60, Моркинский район, РМЭ). *«Русский язык в Йошкар-Оле, национальности я значения не придавал. В основном были русские, сказать, что кто-то из них был выраженный мариец, не могу. Но помню, девочку татарку, я позже только понял, что Сафина — это татарка, когда начал выступать Марат Сафин»* (Е. С., 39).

Примечательно, что аналогичная языковая ситуация наблюдалась и в местах компактного расселения марийского этноса в Башкортостане, где, тем не менее, согласно результатам переписи 2010 г., зафиксирован самый высокий процент владения марийцами татарским языком (19,9% от числа марийцев, указавших на владение татарским, ср. в РМЭ — 0,54% [ВПН 2010]). *«Папа татарский не знает, а мама знает. Потому что папа — из поселка, а мама с маленькой деревни. Рядом с той деревней была татарская, естественно, она выучила татарский язык»* (Т. К., 32). *«Мама с райцентра, села Мишкино. Там десять тысяч населения. Получается, многонациональное. Мишкино. Опять-таки — татары, башкиры, удмурты там. Сейчас уже больше на русском там»* (Э. З., 45). *«Потому что мы все-таки живем в Мишкино, в самом селе, там не только марийцы живут, там разные национальности, татары, башкиры, у нас принято разговаривать на русском языке, и поэтому все разговаривают. В школе обучение на русском, и на работе — на русском. И в семье — на русском всегда с детства у нас разговаривали»* (О. И., 30).

По убеждению наших респондентов, *«если бы в нашей среде не было русских, а одни марийцы и татары, тогда бы марийцы изучали татарский язык, а татары бы немножко знали марийский»* (А. Т., 51).

Таким образом, возможной причиной угасания марийско-татарских языковых контактов стало, согласно данным, полученным в ходе социолингвистического обследования, ослабление торгово-хозяйственных связей: постепенная замена гужевого транспорта автомобильным; ухудшение в 1990-х гг. материального благосостояния на селе и как следствие — отток населения в более крупные населенные пункты, распад колхозов и вымирание отдельных деревень.

4. Татарско-марийские языковые контакты в школе и в семье

Выше мы говорили о хозяйственно-практической деятельности, которая объединяла представителей данных этнических групп и, таким образом, способствовала установлению и поддержанию марийско-татарских языковых контактов. В этом разделе речь пойдет о контактах, которые возникали при совме-

¹² Представители совершенно разных народностей появились в республике Марий Эл в основном в 1930—1940-е гг. в процессе индустриализации и в годы ВОВ в связи с эвакуацией промышленных предприятий и населения с временно оккупированных территорий. Русское население в большинстве случаев остается одноязычным. Функциональная и демографическая мощь марийского и русского языков неодинаковы, поскольку русский — язык с глобальными социальными функциями [Кондрашкина 2016: 746—749].

стном обучении детей в школе или во внутрисемейном общении при условии, что один из членов семьи был татарин.

По результатам опроса нами были определены различные модели и этапы школьного обучения, при которых марийские и татарские школьники могли учиться совместно, а значит приобщаться к этническим языкам друг друга.

Наиболее благоприятным, во всяком случае для усвоения марийцами татарского, представляется вариант, при котором первые проходили обучение, по их словам, в татарской школе. *«Начальная школа была татарская. Это же Башкирия, я начал в школе изучать татарский язык. Вся начальная школа была на татарском! В классе было половину марийцев, половину татар. На перемене был и татарский, и марийский. В то время в начальной школе был русский язык как предмет, изучали. До третьего класса у меня было все по-татарски»* (Э. М., 47). *«Отец татарский понимает, так как его деревня находится на границе (с Татарстаном. — М. К.), в свое время он учился в татарской школе, ведь до ближайшей школы в Марий Эл было дальше идти!»* (А. В., 29).

В случае совместной учебы марийских и татарских детей на всех этапах обучения при дружеском общении (при посредничестве русского языка, однако) возникали подходящие условия для зарождения марийско-татарских языковых контактов, при этом в школе в качестве языка обучения выступал русский, а соответствующие этнические языки преподавались в качестве предметов. Важным представляется интерес и любопытство, которое дети проявляли в отношении языка соседей. *«Дело в том, что научились те, кто в школу ходили в один класс, допустим. Они пока дойдут до той деревни, где школа, соответственно, собираются, пока в школу идут, из своей маленькой деревни, туда и обратно. Таким образом, у них язык закрепляется. То есть, где массово, то говорили на русском, но, если вот идут два друга, татарин и мариец, со школы домой, по полям да по лесам, ну... соответственно, они каждый на своем, и друг другу начинают... для интереса учатся. Но русский в любом случае встречается. Русский как дополняющий в любом случае»* (Ю. М., 60). *«А в целом, откуда я родом, из села, мы очень тесно взаимодействовали с татарами. В школьные годы я как-то могла что-то сказать в ответ, я понимала, где-то 20—30 процентов, что они говорят. У нас были смешанные классы, марийцы и татары — все вместе учились. В нашем классе, допустим, человек 25 было, их где-то было шесть-семь детей. Мы изучали марийский родной, а они татарский параллельно. Когда нам что-то нужно было узнать, или, допустим, мы какое-то слово услышали, нам оно интересным показалось, мы перевод спрашивали у них. Потом сами могли использовать в какой-то речи. Они знали марийский, и мы — татарский. Допустим, они секретничали, мы могли понять о чем. Они понимали, что мы понимаем, но пытались скрыть, но мы-то им сразу говорили: “Ага, вот вы о чем сейчас!”. Что-то в этом роде!»* (Л. К., 27).

В других случаях респонденты обучались в начальной школе с национальным уклоном в своей деревне, слияние классов с марийскими, татарскими школьниками и учащимися других национальностей происходило либо при переходе в среднюю школу, либо уже в старших классах¹³. В этот период, в отличие от *«детского возраста»* (начальной школы. — М. К.), по мнению респондента, *«стимула как такового уже нет изучать язык соседей»*, все стремятся так или иначе освоить русский язык, *«в таком возрасте уже преимущественно русское общение»* (Ю. М., 60). *«В начальной-то школе было все на марийском языке. До четвертого класса. Русский язык где-то с третьего-четвертого начался. Первоначально только почти на марийском изучали мы все. Начальная школа у нас всегда в деревне была, а потом уже с пятого класса мы в среднюю школу переходили. Село уже было там. Параньгинский район считается татарским, у нас в ту школу ходили татары, две деревни, и марийцы, марийская деревня, и русская деревня. Татаров немного было, мы с ними на русском, а между собой на марийском. Все было с*

¹³ Согласно закону «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), родители получили право выбирать школу обучения, в том числе и в зависимости от языка (реально такой выбор существовал только в городах). Высшее образование можно было получить лишь на русском, именно ему отдавали предпочтение родители, имея в виду повысить шансы своих детей на социальную мобильность, на успешную карьеру в будущем. В результате менялись программы, серьезно пересматривалось содержание образования, почти повсеместно в РСФСР началась русификация образования, количество национальных школ, особенно на селе, уменьшалось, снижался возраст, до которого на национальном языке можно было получить образование, при этом часто ухудшалось качество преподавания в национальной школе и за счет учебных пособий, и за счет кадров. В начале 1960-х гг. обучение в РСФСР велось на 47 языках, через 10 лет — только на 30. Полная начальная школа функционировала на чувашском, еще на девяти языках обучение заканчивалось в третьем классе, в том числе на двух марийских. В Башкирии, где татары преобладают над башкирами, еще в середине 1960-х гг. доля татарских и башкирских школ соотносилась с численностью самих народов, затем количество татарских школ резко сократилось [Беликов, Крысин 2016: 301—302].

пятого класса на русском языке. У нас в нашей школе с четвертого класса начали уже гонять. Ну, не то чтобы гонять, но нам говорили: “Вот пойдете там в деревню, в соседнюю школу. Там будете изучать по-русски, там вам будет тяжело”. И мы словарями учили каждые русские слова» (З. Е., 65). «К нам с пятого класса уже перекинули с соседних деревень, татар перекинули. Поэтому уже больше на русском говорили» (М. Е., 31). «У нас в деревне только до девятого класса была школа. Потом в село ездили. В соседнее. Но там уже русская школа. Там уже учителя все русские были. Ну, вот когда мы в русскую школу ходили, там дети были татары, удмурты и русские в основном. В старших классах. Только на русском общались» (О. К., 34).

Как видим, шансы овладеть татарским языком для марийцев значительно понижались, если языковые контакты имели место лишь в рамках неформального общения в процессе школьного обучения, тем более если марийцы и татары получали начальное образование в отдельных национальных школах и становились одноклассниками лишь в средней школе, когда доминирующим и приоритетным языком и в обучении, и в общении становился русский.

Наконец, отдельно остановимся на таком аспекте, как возможные языковые контакты марийцев и татар во внутрисемейной сфере (учитывая близость их проживания на малой родине). Непосредственно в нашей выборке из 100 марийцев в браке (зарегистрированном или гражданском) состоят (или в свое время состояли) 78 человек: в 63% случаев супругом (супругой) является мариец (марийка), в 24% — русский (русская)¹⁴, в 10% — «смесь» (в терминологии опрошенных), в 3% — татарин (татарка), в последней интересующей нас категории внутрисемейное общение было на русском. Браки марийцев и татар в нашей выборке — нечастые (что подтверждается и данными относительно этнической принадлежности самих респондентов: из 100 респондентов, идентифицирующих себя в качестве этнических марийцев, лишь в двух случаях одним из родителей опрошенных являлся татарин или татаркой)¹⁵. Рассмотрим оба случая подробнее.

В первом случае мать респондента, татарка, и отец, мариец, происходили родом из одной марийской деревни, их семьи жили на одной улице (попутно отметим, что общение матери и отца было на марийском). В семье матери, проживающей среди марийцев, языком домашнего общения при этом выступал татарский («мамины родители, чистокровные татары, с детства детей воспитывали, точнее учили на татарском»), с соседям они общались в том числе и на марийском («с детства у них было три языка»). Сам респондент, часто навещавший бабушку и дедушку по материнской линии в детстве, о своих дошкольных годах и погружении в татарский язык вспоминает так (позднее он практически не бывал в этой деревне): «Это все проходило, наверно, до школы. То есть мне было от четырех до семи-восьми лет. В это время мы у них там интенсивно бывали, и вот это было основное время, когда я окунулся в татарский язык, скажем так. Так как мы там часто были, все равно, конечно, разговор слышали и чуть-чуть учили. Некоторые первые слова. Некоторые первые предложения. Но это было, конечно, очень бедно. Там что-то сложить в разговоре — ничего конкретно я не мог! В той семье были бабушка, дедушка, дядя, тетя, у дяди — двое детей, мои двоюродные братья и сестры. Они, соответственно, между собой разговаривали на татарском, но и плюс к нам в большинстве случаев, насколько помню, обращались к нам на марийском. Но бывало, что и на татарском. Так вовлекали нас. Но и нам тоже, детишкам, было весело что ли. Такое игроподобное! Я знал самые простые и обиходные слова, то есть домашние животные, это пища, то есть... как “хлеб”, “суп”, такие вот самые часто встречающиеся блюда. Предметы быта, как, например, “нож”, “ложка”, “столы”, “стулья”, самые такие простые, с которыми непосредственно сталкивались — их и знал. И плюс простейшие глаголы: “дай”, “кушай”, “иди”, “ходить”, “говорить”. И насколько помню, простые предложения строил. “Дай хлеб”, например. “О, кошка идет”. Ну, конечно же, считать нас тоже учили. И плюс к тем словам, которые знал в детстве, это были вопросы, “где, какой, когда, что, кто”, — такие. Просто, может, ради интереса, я пытался изучить. Ну а так скажу, что я как-то стеснялся... что ли как-то говорить... что я типа умею говорить. У меня сестренка как-то легче училась, она дальше в этом направлении продвинулась во время детства. А я как-то стеснялся показать, что я что-то умею... не знаю, почему. Ну а потом сестренка, что знала, то растеряла со временем. Сейчас еле что помнит» (М. Е., 31).

Во втором случае, наоборот, мать респондентки была марийкой, а отец татарин, они были уроженцами разных деревень — марийской и татарской соответственно; языком их внутрисемейного общения впоследствии был только русский. «Мой отец — татарин, он женился на моей маме, хотя все были против, особенно с его стороны, так как это раньше не приветствовалось, когда татарин женится на

¹⁴ Среди марийцев и в прошлом встречались смешанные браки с русскими и чувашами [Петров 1994: 230—231].

¹⁵ Сохранение эндогамности чаще бывает при наличии в одном регионе населения с разными религиями [Кузнецова 2000: 30] (подробнее о марийской религии см. [Марийцы 2013: 287—301; Филатов, Щипков 1996]).

марийке¹⁶. Я думаю, что было мало таких случаев, это был редкий случай. На свадьбе почти никого не было. Но они поженились, он жил в марийской деревне, он со всеми разговаривал по-русски, а вообще марийский он со временем тоже понимал. И с ним могли по-марийски, а он мог в ответ по-русски. Но так как они потом жили в марийской деревне, поэтому ему... как бы особо общаться было не с кем (на татарском. — М. К.). Но все равно язык он, конечно же, не забывал, мы ездили к его родителям. К бабушке. И там он общался на татарском языке, поэтому мы и слышали разговор, слова. И какие-то слова, конечно же, запомнились. И он нас называл не “доченьки”, а “кызымки мои”, там еще вот — “Мин сине яратам”, ну это все как бы знают. “Я тебя люблю”, — он нам говорил. То есть какие-то такие слова, которые постоянно используются, мы знаем. Мы отмечали, например, дома марийские праздники, могли поехать к родителям отца, к бабушке, там мы отмечали уже татарские праздники» (Е. В., 33).

В результате оба респондента заявили о том, что свободно владеют только двумя языками — марийским и русским. «В совершенстве двумя — русским и марийским. Татарским — умею, могу поддержать разговор, понять. Ну... татарский-то... я не свободно общаюсь, но я его понимаю, могу поддержать разговор. Но разговариваю я свободно на двух только» (М. Е., 31). «Если бы мы жили в татарской деревне, мы бы, наверное, изучили и татарский. Но так как мы жили в марийской деревне, то знали марийский, а в папиной деревне мы разговаривали на русском» (Е. В., 33).

Как видим, марийско-татарское языковое взаимодействие в школе и степень усвоения, например, татарского языка марийцами в большей мере зависели от модели и этапа школьного обучения. Наиболее благоприятным с точки зрения успешного овладения татарским представляется вариант, при котором марийцы обучались в татарской школе; марийско-татарские языковые контакты завязывались также при условии совместного обучения марийских и татарских детей на всех этапах обучения (в дружеском общении вне учебной деятельности, осуществлявшейся, как правило, на русском языке); в том случае если начальное обучение респондентов было в национальной школе и в среднем звене школы происходило слияние классов в более крупном населенном пункте, языком общения выступал исключительно русский язык.

Что касается возможных марийско-татарских языковых контактов во внутрисемейной сфере, следует отметить, что, как показало изучение языковых биографий респондентов, браки между марийцами и татарами в выборке были крайне редкими, таким образом, возможности для успешного овладения татарским и марийским внутри брака (как супругом, так и детьми) были сведены к минимуму.

5. Заключение

Изучение языковых биографий марийцев Московского региона позволило выявить узкий, однако важный с лингвистической точки зрения аспект — вопрос марийско-татарского взаимодействия и, как следствие, бытовавшего ранее марийско-татарского двуязычия, распространенного в местах традиционного расселения марийцев.

Нами были определены следующие факторы, влияющие на установление и поддержание еще в недавнем прошлом марийско-татарских языковых контактов: историко-географический (чересполосное расположение марийских и татарских деревень или одна общая, «смешанная» деревня); хозяйственно-экономический и производственный (тесные торговые и хозяйственные отношения между марийцами и татарами, наличие общей торговой точки на татарской стороне, ведение общей трудовой деятельности в советское время в колхозе); культурно-досуговый (совместная культурно-досуговая деятельность). Несмотря на то что использование марийцами татарского языка тяготело к бытовому общению, татарский выполнял, согласно данным языковых биографий респондентов, коммуникативную, символическую, эмоциональную функции, а также служил тайным языком.

Основной причиной, повлекшей угасание данного типа языковых контактов, явилось, по мнению респондентов, ослабление торгово-хозяйственных связей. С течением времени гужевой транспорт был полностью заменен автомобильным; торговые пути, лежавшие некогда через деревни, расположенные, как правило, чересполосно, теперь проходили по магистралям, и необходимость тесного общения татар и марийцев практически отпала. Кроме того, с 1990-х гг. наметилось ухудшение материального благосостояния в сельской местности, что вызвало отток сельских жителей в более крупные населенные пункты и как следствие — распад колхозов и вымирание отдельных деревень.

¹⁶ Издавна подобные экзогамные браки не поощрялись и официальными властями. Еще в XVIII в. казанский губернатор Платон Мусин-Пушкин (1732 г.) писал: «Також запретить надлежит чтоб махометане чувашских, черемисских, мордовских и вотяцких вдов и дочерей девок под смертною казнью в замужество за себя не брали» [цит. по Кузнецова 2000: 29].

Отдельно в статье был рассмотрен вопрос марийско-татарского языкового взаимодействия в условиях школьного обучения и выявлены (во всяком случае, применительно к марийцам) наиболее благоприятные условия для успешного овладения этническим языком соседей.

Что касается языковых контактов между марийцами и татарами во внутрисемейном общении, то они, по данным языковых биографий респондентов, были сведены к минимуму, поскольку в сельской местности — в местах традиционного расселения представителей обеих этнических групп — браки между татарами и марийцами ранее не слишком поощрялись.

В целом, что касается оценки респондентами непосредственно своих компетенций в татарском, существенным представляется, во-первых, место их рождения и проживания на малой родине, во-вторых, распределение этих данных по когортам (см. таблицу 5).

Таблица 5. Место рождения респондентов и число респондентов, указавших на владение или знание татарского языка, — по когортам в выборке

Когорта в выборке	Число респондентов в когорте, указавших на владение или знание татарского	Из них являются уроженцами Республики Марий Эл	Из них являются уроженцами Республики Башкортостан
21—30	4	3	1
31—40	3	1	2
41—50	3	1	2
51—60	2	—	2
61—70	3	—	3

В нашей выборке об этом заявили 15 опрошенных, из них две трети являются уроженцами Республики Башкортостан, треть — выходцами из Республики Марий Эл (Моркинский и Волжский районы). Во всех когортах, за исключением самой младшей, лидируют башкирские марийцы.

Анализ сведений, почерпнутых автором статьи из интервью с респондентами, позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев это знание татарского — пассивное, в отличие от более активного владения, когда-то характерного, кажется, для представителей старшего поколения в семьях опрошенных¹⁷.

В старших когортах в выборке татарский язык, которым некогда активно, по их словам, владели опрошенные, несколько ими забывается сейчас в силу возраста и, вероятно, длительного проживания в Московском регионе, редких поездок на малую родину: *«Сейчас уже татарский начал забываться, а так у меня друзья татары есть на родине. Когда я приезжаю, они меня в гости ждут, зовут. Разговариваем на русском, но где-то иногда уже на татарском может проскочить. Сейчас уже совместно, получается, интернациональный язык — это русский. Они знают марийский, мы знаем татарский. Но разговариваем мы на русском»* (В. А., 62). *«У меня чуть-чуть татарский, потому что жил в Башкирии среди татар, но, как говорится, уже забывается»* (Г. Д., 56).

В средних и младших когортах респонденты изначально были в меньшей степени вовлечены в марийско-татарские языковые контакты, которые ранее достаточно активно поддерживали их родители; часто опрошенным отводилась роль пассивного слушающего, проявлявшего, однако, любознательность и любопытство: *«Я татарский знаю мало, но понимаю хорошо. Слова понимаю, когда татары между собой общаются, могу понять, о чем говорят, о чем идет речь. 40 процентов, наверное. Я просто не учила этот язык! Так, из разговоров запоминала. Когда старшие раньше общались с татарами из соседних деревень. Просто на слуху осталось, скорее всего, да и многие слова у нас уже перепутались с татарскими. А еще иногда могла спросить, что обозначает это слово, о чем вы говорили. Но с татарами-ровесниками мы уже по-русски общались. Мы просто меньше контактировали с ними. И родители мои также, знают какие-то слова бытовые, а так, чтобы разговаривать с татарами прямо — нет. Они на русском с ними в школе разговаривали. А бабушке с дедушкой раньше приходилось общаться с татарами, которые не знают русского языка»* (О. И., 36).

Сопоставительное изучение языковых биографий именно башкирских марийцев в аспекте владения татарским языком старшим поколением в семье и непосредственно самими респондентами показывает, что, вопреки расхожему мнению о том, что *«знание татарского у нас передается из поколения в поко-*

¹⁷ Фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением — заключается в том, что знание языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами [Беликов, Крысин 2016: 51].

ление» (Н. Ш., 41), намечается угасание марийско-татарских языковых контактов и постепенное вымывание марийско-татарского контактного билингвизма, бытовавшего в зоне расселения соседствующих на протяжении веков мари и татар. Рассмотрение условий и установление предпосылок, повлиявших, с одной стороны, на возникновение марийско-татарских языковых взаимоотношений, с другой стороны, на их утрату и забвение, в какой-то мере разрешает загадку: «Бабушка с дедушкой прекрасно владели татарским, родители — частично, а нам почему-то не передалось» (Э. З., 45).

Приведем размышления одного из наших респондентов: «Скорее всего, дело не в том, почему от нас ушло или не ушло знание татарского, здесь нужно говорить о том, пришло оно или не пришло» (В. Н., 67). В данной статье намечены лишь самые общие вопросы, которые, вероятно, ждут дальнейшей, более детальной разработки и полевых исследований в местах, пока еще являющихся ареной марийско-татарских языковых контактов.

В заключение приведем обширную цитату, в которой на примере трех поколений марийской семьи проследим за основными этапами языковых марийско-татарских взаимодействий.

Бабушка и дедушка знали татарский, разговаривали, понимали. Во времена бабушки-дедушки и даже во времена родителей, например, я знаю, что они очень тесно общались, потому что наша деревня — прямо рядом с Татарстаном граничила. Наш огород заканчивался, начинался Татарстан, татарская деревня. Очень много было общения также, потому что Татарстан — они были более зажиточные такие, у нас тогда проблематично было. Продовольствия там было больше, и марийцы как бы ездили покупать, обмениваться чем-то. То есть это была такая экономическая составляющая. Они общались также. Татары то же самое — приезжали, скот покупали. У нас еще Казань недалеко, через эти деревни. Если даже на ночь они не доходили до своей деревни, либо погода не позволяла, как бы татары... с той деревни именно, оставались даже ночевать, пускали вообще без проблем! Очень хорошо относились, дружественно, именно между двумя деревнями. Я не знаю, не могу сказать, как там в другой деревне, но у нас с соседней деревней так было. Ну, и бабушка рассказывала, что оставались переночевать, если не доходили до дома, и спокойно их пускали переночевать, и соответственно, и с нашей стороны то же самое было, если по какой-то причине попросились ночевать, вопросов не было: пускали. Но это вот бабушки-дедушки.

Раньше еще в нашей деревне очень тесно общались с татарами, потому что в нашей деревне магазина не было. Какого-то продовольствия не было. Они все ходили в татарскую деревню. Даже папа рассказывал, как они, когда были подростками, ходили за хлебом, мешками хлеб покупали, за какими-то вещами в татарский магазин ходили. В нашей деревне такой возможности не было, а в Татарстане было все! И вот два километра — уже татарская деревня. Папа не владел татарским, но у него очень много друзей, знакомых, кто в Татарстане жил, общались тесно. На русском общались. То есть... еще бабушки и дедушки общались на татарском, потому что у них было такое вот тесное общение, а родители мои уже с татарами на русском. Папа мой знает отдельные слова, основные выражения какие-то. Как поздороваться, как попрощаться. Не все понимал, а только какие-то выдержки.

У нас школы между собой дружили, когда мои старшие сестры учились, в день пионерии 19 мая всегда они ездили в татарские школы и иногда татары в нашу школу. Каждая школа, которая в тот год проводила встречу, показывала культуру своего народа. Татары показывали татарские танцы, игры свои национальные татарские, а марийцы — свои, марийские. На русском языке. Потом, когда я училась, таких встреч было все меньше, реже, но они все еще были. И то же самое, мы их приглашали, например, на Костер дружбы, именно прыгали через костер, показывали свои национальные игры, играли в них, марийские танцы и марийские песни. А они, со своей стороны, свои танцы и песни, игры, пляски. Но это раз в год. Такого тесного общения уже не было, когда ты раз в год видишься. Как-то уже общих интересов нет. Может, это тоже повлияло. Сестры не знают татарского. Но, как и я, знают отдельные слова и выражения на татарском. Потому что бабушки-дедушки нет-нет что-нибудь на татарском скажут. Или увидятся в магазине, татары приезжают, они могут парой словечек обмолвиться, и ты запоминаешь какие-то элементарные слова. А мы уже с ними — на русском.

(М.К., 28, Волжский район, РМЭ)

Литература

Баскаков, Насырова 2000 — Баскаков А. Н., Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 34—129. {Baskakov A. N., Nasyrova O. D. Language situations in Turkic-speaking republics of the Russian Federation (a brief sociolinguistic outline) // Languages of the Russian Federation and newly formed neighbouring countries: status and functions. Moscow, 2000. P. 34—129.}

Беликов, Крысин 2016 — *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. {*Belikov V. I., Krysin L. P.* Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree. Moscow, 2016.}

ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04—07.pdf, 2010. {The All-Russian Census of 2010 // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04—07.pdf, 2010.}

Иванов, Сануков 2015 — *Иванов А. Г., Сануков К. Н.* История Марий Эл: учебное пособие. Йошкар-Ола, 2015. {*Ivanov A. G., Sanukov K. N.* The History of Mari El: a textbook. Yoshkar-Ola, 2015.}

Исанбаев 1989 — *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола, 1989. {*Isanbayev N. I.* Mari-Turkic language contacts. Part 1: Tatar and Bashkir loans. Yoshkar-Ola, 1989.}

Коведяева 1976 — *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 3—96. {*Kovedyayeva E. I.* Mari language // Basics of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages. Moscow, 1976. P. 3—96.}

Коведяева 1987 — *Коведяева Е. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык). М., 1987. {*Kovedyayeva E. I.* Areal studies on eastern Finno-Ugric languages (Mari language). Moscow, 1987.}

Коведяева 1993 — *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 148—164. {*Kovedyayeva E. I.* Mari language // Languages of the World: Uralic languages. Moscow, 1993. P. 148—164.}

Коведяева, Николаева 2001 — *Коведяева Е. И., Николаева И. А.* Марийский лугововосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М., 2001. С. 274—283. {*Kovedyayeva E. I., Nikolayeva I. A.* Mari meadow-eastern language // Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia in 3 volumes. Vol. II. Moscow, 2001. P. 274—283.}

Козлова 1978 — *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. {*Kozlova K. I.* Outlines of Mari people's ethnic history. Moscow, 1978.}

Кондрашкина 2016 — *Кондрашкина Е. А.* Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 746—752. {*Kondrashkina E. A.* Language situation in the Republic of Mari El // Language and society. Encyclopedia. Moscow, 2016. P. 746—752.}

Кузнецова 2000 — *Кузнецова А. И.* Старые социоллингвистические материалы и возможность их нового прочтения (к вопросу об изменении интерпретаций в социоллингвистике) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 18—33. {*Kuznetsova A. I.* Old sociolinguistic materials and the possibility of their new reading (to the question of changing interpretations in sociolinguistics) // Languages of the Russian Federation and newly formed neighbouring countries: status and functions. Moscow, 2000. P. 18—33.}

Марийцы 2013 — Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. {*Maris.* Historical-ethnographic outlines. Yoshkar-Ola, 2013.}

Народы Поволжья и Приуралья 2000 — Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. {*Peoples of the Volga and the Urals region.* Komi-Zyryans. Komi-Permians. Maris. Mor-dovians. Udmurts. Moscow, 2000.}

Петров 1994 — *Петров В. Н.* Марийцы // Гл. ред. *В. А. Тишков.* Народы России: энциклопедия. М., 1994. С. 229—231. {*Petrov V. N.* Maris // Peoples of Russia: encyclopedia. Moscow, 1994. P. 229—231.}

Сануков 2000 — *Сануков К. Н.* Марийцы: прошлое, настоящее, будущее // Марийский мир. Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000. С. 12—61. {*Sanukov K. N.* Maris: past, present, future // Maris' world. Problems of national, socio-economic and cultural development of Mari people. Yoshkar-Ola, 2000. P. 12—61.}

Сафин, Сабирова 2018 — *Сафин Ф. Г., Сабирова Е. Н.* Языки национальных меньшинств в Башкортостане и факторы их сохранения // Отв. ред. *А. Н. Биткеева, М. А. Горячева.* Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14—17 ноября 2018): Доклады и сообщения. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М., 2018. С. 682—687. {*Safin F. G., Sabirova E. N.* Languages of ethnic minorities in Bashkortostan and factors of their maintenance // Language unity and language diversity in a polyethnic state: an international conference (Moscow, Nov. 14—17, 2018): Reports and communications. Institute of Linguistics, RAS. Moscow, 2018. P. 682—687.}

Сепеев 2006 — *Сепеев Г. А.* История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. {*Sepeyev G. A.* History of Maris' settlement. Yoshkar-Ola, 2006.}

ССТ 2006 — Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. *В. Ю. Михальченко.* М., 2006. {Dictionary of sociolinguistic terms / Ed. *V. Ju. Mikhailchenko.* Moscow, 2006.}

Филатов, Щипков 1996 — *Филатов С., Щипков А.* Сотая епархия. Последний языческий народ Европы // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1 / Автор-составитель *С. М. Червонная*, под редакцией *М. Н. Губогло.* М., 1996. С. 167—175. {*Filatov S., Schipkov A.* The hundredth diocese. The last pagan people in Europe // Ed. *M. N. Guboglo.* The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 167—175.}

Синтаксические особенности поздних ойратских переводных памятников (на материале рукописи перевода Тугмюд-гавджи *Oülgurun dalai* «Море притч»)

Музраева Деляш Николаевна, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста); deliash@mail.ru

В статье дается описание синтаксических особенностей текста перевода известного буддийского сочинения «Море притч» (*Oülgurun dalai*), осуществленного калмыцким священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым) (1887—1980) в конце 1960-х гг. Этот труд являет собой образец перевода на наиболее позднем временном этапе бытования ойратской письменности среди калмыков Поволжья. На основе анализа текста перевода Тугмюд-гавджи в сопоставлении с его тибетским оригиналом автор статьи отмечает ряд характерных синтаксических черт, присущих языку перевода калмыцкого литератора. Они касаются порядка слов в предложении, типов предложений (по цели высказывания, структурных типов и т. д.). В ряде случаев переводчик строго следует синтаксису тибетского оригинала, но, как это почти всегда бывает при фактах интерференции, это следование не является жестким. В предложениях, различных по цели высказывания, наблюдается большая степень зависимости от тибетского оригинала. В передаче структурных типов предложений переводчик в большинстве примеров следует за оригиналом. В работе показано, что Тугмюд-гавджи придерживается техники перевода, характерной для дословных переводов буддийских текстов, сложившейся во второй половине XVII в. и применявшейся Зая-Пандитой. Эта техника сводится к тому, что автор строго придерживается исходного тибетского текста, стараясь не выпускать из перевода фрагменты или отдельные слова оригинала. Наблюдения свидетельствуют о хорошем знании тибетского языка переводчиком и о заметном тибетском влиянии на письменный ойратский язык в его становлении за счет практики переводов буддийских текстов.

Ключевые слова: ойратское «ясное письмо» (*todo bičiq*), «Море притч», Тугмюд-гавджи, синтаксис, порядок слов, дословный перевод

SYNTACTIC FEATURES OF LATE OYIRAT TRANSLATED MONUMENTS (BASED ON THE MANUSCRIPT WITH THE TRANSLATION OF TUGMUD-GAVJI *OÜLGURUN DALAI* "THE SEA OF PARABLES")

Delyash N. Muzraeva, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista); deliash@mail.ru

The paper describes the syntactic features of the text of the translation of the well-known Buddhist work “The Sea of Parables”, carried out by Kalmyk cleric Tugmud-gavji (*Thog-med bka'-bcu*, secular name — O. M. Dordzhiev) (1887—1980) in the late 1960s. This work is an example of the translation of the latest stage of the existence of the Oyirat writing among the Kalmyks of the Volga region.

In this work we have involved written sources from the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: a manuscript in Oyirat “Clear Script” (“*Todo bičiq*”), called “The Sea of Parables” (*Oülgurun dalai*, notebooks 1—4, 289 folios), translated by Tugmud-gavji, as well as the Tibetan text '*Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo*’ (“The Mahāyāna Sutra called “The Wise and the Fool””), which served as the basis for translation.

Based on the analysis of the translation text of Tugmud-gavji in comparison with its Tibetan original, the author of the article notes a number of characteristic syntactic features inherent in the translation language of the Kalmyk literator. They relate to the order of words in the sentence, the types of sentences (according to the purpose of the statement, structural types, etc.). In a number of examples, the translator strictly follows the syntax of the Tibetan original, but, as is almost always observed with the facts of interference, this following is not rigid. In sentences differing in the purpose of the statement, there is a great degree of dependence on the Tibetan original. In the transmission of structural types of sentences, the translator in most examples follows the original. The work demonstrates that Tugmud-gavji adheres to the translation technique characteristic of literal (word-to-word) translations of Buddhist texts, which developed in the second half of the 17th century, which was used by Zaya Pandita and which consists in the fact that the author strictly adheres to the original Tibetan text, trying not to release fragments or some words of the original from the translation. Observations indicate a good knowledge of the Tibetan language by the translator and a noticeable Tibetan influence on the written Oyirat language in its formation through the practice of translating Buddhist texts.

Keywords: Oyirat “Clear Script” (“*todo bičiq*”), “The Sea of Parables”, Tugmud-gavji, syntax, word order, literal (word-to-word) translation

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

1. Введение

Сведений о переводческой деятельности калмыцких буддийских священнослужителей в период, когда в стране проводилась политика атеизации, практически не сохранилось. Все меньше остается живых свидетелей того, как уничтожались буддийские религиозные книги, равно как и предметы культа. Это то поколение простых верующих (мирян), родившееся в 1920-е гг. и позже, чье детство и отрочество пришлось на годы депортации, которое выросло в обстановке подозрения, невозможности выразить свою принадлежность к буддийской вере и религиозной культуре, поколение, воспитываемое в духе строителей коммунизма. Тем не менее, история свидетельствует о тех сильных духом людях, для которых вероисповедание, приверженность буддизму были важными признаками национальной самоидентификации и духовной независимости. Многие из них не смогли выдержать тягот ссылки (еще на этапе следования до места назначения) и ушли из жизни. Но многие из тех, кто выжил, независимо от того, являлись ли они гелюంగాми (монахами, получившими полное посвящение, т. е. соблюдающими 253 обета) или послушниками, вынуждены были снимать с себя религиозный сан, становиться «хар», т. е. мирянами, светскими людьми, но продолжали тайно осуществлять религиозные обряды. Они старались и даже вынуждены были поддерживать своих земляков, особенно в самые трагические моменты — когда заболел или умирал кто-то из близких. В ссылке они помогали своим соотечественникам — и тем, кто находился с ними в одном населенном пункте, и тем, кто оказался в отдаленных. Совершаемые ими обряды должны были способствовать, согласно предписаниям буддийского вероучения, устранению негативных последствий происшедшего трагического, неблагоприятного события. В них использовались (начитывались) обрядовые тексты определенного круга, у каждого гелюంగా был свой репертуар текстов. Но в случаях отсутствия необходимых текстов практикующие священнослужители прибегали к «новомоделам», т. е. воссоздавали религиозные тексты путем переписывания (создания списка имеющегося текста), либо воспроизводили текст по памяти.

Для религиозной традиции у калмыков Поволжья в позднейшие периоды ее существования на протяжении XX в. характерно бытование многочисленных копий, списков известных буддийских сочинений на тибетском и ойратском языках. Эти тексты восходят в основном к переводам Зая-пандиты Намкай Джемцо (1599—1662), а также к его непосредственным ученикам. Наиболее близкие к нам по времени ойратские тексты до сих пор мало изучены в плане палеографии, археографии, с позиций истории письма и т. д. Обращает на себя внимание уровень владения классическим «ясным письмом» («тодо бичиг», от ойр. *todo bičiq*) гелюంగాми и послушниками, участвовавшими в совершении обрядов, сохранявшими таким образом преемственность буддийской традиции. Ярким свидетельством того, что работа по популяризации и распространению буддийского вероучения среди калмыков не прерывалась на протяжении всего XX столетия, является деятельность гелюంగా Тугмюд-гавджи (в миру — О. М. Дорджиева) (1887—1980). Перевод известного буддийского памятника «Море притч», осуществленный им в конце 1960-х гг., является образцом перевода на позднем временном этапе бытования ойратской письменности среди калмыков Поволжья. Именно по этой причине он интересен для исследователя и в плане изучения пути распространения ойратского «ясного письма», и в плане изучения переводческой практики и техники. Одна из главных задач нашего исследования творчества Тугмюд-гавджи — определение уровня профессионализма, эрудиции, знания буддийской догматики, основных ее положений, проповеднической аргументации, особенностей сохранения и передачи письменной традиции калмыков в XX в., а в конечном итоге — и литературного таланта автора-переводчика. Изучение синтаксических особенностей текста перевода, являющегося целью данной работы, отвечает требованиям этой главной задачи.

Одной из причин написания данной статьи явилось желание установить, в какой степени в поздних ойратских переводах соблюдены правила и принципы перевода с тибетского языка, которые были заложены еще в средние века и стали образцами для переводческой практики Зая-Пандиты и его учеников.

В данной работе нами привлечены письменные источники из Научного архива Калмыцкого научно-го центра РАН: рукопись ойратским «ясным письмом» («тодо бичиг»), именуемая «Море притч» (ойр. *Oülgurun dalai*), автором которой является Тугмюд-гавджи [OD], а также тибетский текст «Сутры о мудрости и глупости» (сокращенно «Дзанлундо» от тиб. *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* 'Сутра махаяны, именуемая «Мудрый и глупый»') [Dz], послуживший ему основой для перевода. На их материале мы хотели бы рассмотреть некоторые особенности синтаксического строя текста перевода, определить, насколько он привязан к языку тибетского оригинала и строго ли следует ему автор-переводчик. В статье будут рассмотрены отдельные моменты, касающиеся порядка слов в предложении, синтаксиса простого и сложного предложений. Приводя примеры из ойратского текста, мы неминуемо обращаемся к классическому письменному источнику на тибетском языке, поэтому во всех представленных параллельно примерах слева мы приводим фрагмент из тибетского текста, справа — соответствующий ему фрагмент из перевода Тугмюд-гавджи.

2. К историографии изучения языка ойратских переводных сочинений

На протяжении двух с половиной столетий ойратские и монгольские переводы Зая-пандиты Намкай Джамцо являются объектом изучения лингвистов, литературоведов и историков буддизма и традиционной письменности.

Фонетика, лексика и грамматика ойратского литературного языка XVII в. наиболее подробно представлены в очерке известного ойратоведа Н. С. Яхонтовой [Яхонтова 1996]. Следует также указать на ее более раннюю статью, посвященную переводам Зая-Пандиты, в которой исследовательница ставит вопрос о том, оказал ли влияние на синтаксис ойратских текстов тибетский язык. Она дает положительный ответ на поставленный вопрос: «Тибетское влияние затронуло самые разные аспекты языка — морфологию, лексику, синтаксис, но отразилось на них в неодинаковой степени» [Яхонтова 1986: 113]. Влияние тибетского языка на синтаксис переводов Зая-пандиты, по ее мнению, выразилось в том, что переводчик «ради сохранения свойственного тибетскому языку порядка слов допускал прямое нарушение монгольских грамматических норм» [там же: 114]. Основываясь на анализе ойратского перевода «Сутры золотого блеска», Н. С. Яхонтова отмечает постпозитивное положение некоторых определений, что в отдельных случаях затрудняет понимание итогового переводного текста или его фрагментов [там же: 114—115].

Различные аспекты исследования текстов ойратских и монгольских переводов буддийских сочинений в сопоставлении с их тибетскими первоисточниками рассмотрены в работах некоторых современных исследователей [Корнеев 2015; Мирзаева 2015]. В ряду работ, посвященных сравнительному анализу грамматического строя тибетского и старописьменного монгольского языков, следует назвать и статью Э. У. Омакаевой, в которой внимание автора обращено на выявление сходных моментов, касающихся морфологии и синтаксиса [Омакаева 1987]. Автор статьи, в частности, указывает на «два типа словоупотребления: обычный (нормальный — SOV) и инвертированный» [там же: 64], на «два типа синтаксической связи в языке памятников» [там же: 67] и т. п.

Особо хотелось бы сказать о работах, в которых рассматривается язык переводных письменных памятников, отдельные частные вопросы изучения текстов ойратских и монгольских переводов в сопоставлении с тибетскими первоисточниками [Музраева 2015; Корнеев 2014].

3. Общая характеристика текста перевода Тугмюд-гавджи

Тугмюд-гавджи в своем труде является переводчиком, переписчиком (писцом), одновременно редактором и в какой-то степени корректором текста своего перевода. Поэтому нельзя не сказать о нашем подходе к необходимому археографическому описанию его текста, который освещен в предыдущих публикациях [Музраева 2007, 2008, 2012].

Так, надо отдельно упомянуть о ряде графических и пунктуационных особенностей текста *Oülgurun dalai* («Море притч»), среди которых можно перечислить следующие.

1. Прежде всего стоит обратить внимание на наличие двух разновидностей почерка (более размашистого в начале, переходящего в более убористый, мелкий, тяготеющий к каллиграфии), а также о способе скорописи, который использует в своей рукописи автор перевода. Иногда затруднительно ответить, является ли написание того или иного слова скорописным написанием, либо это можно отнести к особенностям почерка автора, или же автор допустил ошибку в графическом оформлении.

2. Особенностью рукописи Тугмюд-гавджи является необозначение кратких (редуцированных в произношении) гласных: в отдельных случаях в написании слов мы восстанавливаем сокращенные гласные, которые приводятся в квадратных скобках, например в слове: *oqtory[u]γ[a]sü* ‘с неба’.

3. Одной из характерных особенностей рассматриваемой рукописи является использование автором специального знака для обозначения мягкой *ä* [=э]: это штрих, напоминающий знак долготы, который, в отличие от последнего, ставится справа на некотором расстоянии от основной вертикали напротив необходимой буквы. Это своего рода нововведение в сравнении с классической ойратской письменностью Зая-Пандиты. В транслитерации переднерядную гласную *a* мы записываем как *ä* (например, *iräd*).

4. Вызывает ряд вопросов и система пунктуационных знаков в рассматриваемом тексте. В нем ставится знак «две черты» («две точки») в конце предложений, что соответствует сигналу конца предложения или части предложения в классической ойратской письменности, равно как и в старописьменном монгольском языке.

Помимо этого, повсеместно в тексте перевода (иногда между слогами одного слова, иногда между отдельными словами либо в конце определенного слова) мы встречаем пунктуационный знак в виде «одной черты или точки», который соответствует запятой в ойратском и старописьменном монгольском

языках и отделяет части сложного предложения. В некоторых случаях его можно охарактеризовать как знак долготы гласного. Но, возможно, на использование этого знака повлияло классическое тибетское письмо, для которого характерно использование точки для отделения слогов. В данной статье в транслитерации примеров на ойратском языке мы опускаем этот знак точки, чтобы не отвлекать внимание от собственно перевода. Поэтому вместо написаний типа *zangbo. tib. / tere. inü / xorto. sumun* мы даем написания типа *zangbo tib / tere inü / xorto sumun*.

5. При анализе и воспроизведении пунктуации рукописи Тугмюд-гавджи на основе сверки с тибетским текстом мы выделяем подчеркиванием ошибочно проставленные знаки пунктуации «две точки» (:); в тех случаях, когда был восстановлен знак пунктуации, соответствующий точке в конце предложения, мы его приводим в квадратных скобках (<...> *mon[:]*).

6. Подчеркиванием мы выделяем также написания слогов, отличающихся от написания слов в классическом ойратском языке (*buji* вместо *būji / buiiji*), считая необходимым отметить авторские написания ойратских слов, чтобы потом разобраться в причинах их появления.

В дополнение к сказанному в качестве пояснения к транслитерации и переводу отметим следующее:

— для сравнения написаний Тугмюд-гавджи с общепринятыми ойратскими написаниями в транслитерации примеров из ойратского текста в квадратных скобках мы приводим более правильный вариант написания слов;

— при воспроизведении примеров в фигурные скобки мы заключаем те слова, которые были пропущены в тексте, но в результате саморедактирования вписаны автором между строк с указанием пунктирной линией того места, где то или иное слово пропущено: *{oqtorγüdü}*;

— в переводе в круглых скобках приводятся синонимы, эквиваленты перевода, в квадратных скобках — дополнительные поясняющие слова.

4. Синтаксические особенности перевода Тугмюд-гавджи

4.1. Порядок слов в предложении

Первое, что мы хотели бы рассмотреть, — порядок слов в предложении, типы словосочетаний, способы связи слов в них в тибетском и ойратском предложениях.

Согласно Ю. Н. Рериху, в тибетском языке определение почти всегда стоит после определяемого слова, при этом между определением и определяемым отсутствует согласование [Рерих 1961: 111]. Определение может стоять и перед определяемым словом, но при этом оформляется частицей родительного падежа. Правда, при этом оговаривается, что падежная частица часто не используется в таких конструкциях [там же: 112].

В исследованиях классического ойратского языка XVII в. указывается на то, что «порядок слов в предложении соответствует общемонгольскому: зависимое слово всегда предшествует главному, в частности определение — определяемому слову» [Яхонтова 1996: 109].

При рассмотрении синтаксиса перевода «Сутры о мудрости и глупости» мы обращались к трудам М. Н. Орловской, исследовавшей состояние монгольского языка, зафиксированное в ряде оригинальных и переводных памятников [Орловская 1999, 2010]. Эти работы, наряду с вышеупомянутой книгой Н. С. Яхонтовой, оказывают большую помощь в плане выработки подходов к рассмотрению интересующего нас вопроса. Будет полезно привести здесь некоторые суждения М. Н. Орловской, справедливые и в отношении ойратских текстов, например о типичной модели монгольского предложения, которая «характеризуется фиксированной позицией предикативного ядра — сказуемого, которое всегда должно завершать предложение. Подлежащему предназначена начальная позиция, в любом случае оно предшествует сказуемому, определения находятся в препозиции по отношению к определяемому, дополнения и обстоятельства располагаются перед поясняемыми словами» [Орловская 2010: 181]. Однако такой порядок слов может нарушаться, что наблюдается на материале древних текстов.

4.2. Типы словосочетаний (атрибутивные, глагольные).

Позиция определения по отношению к определяемому слову

Поскольку нас интересуют проявления влияния тибетского языка на ойратский, первый вопрос, на который требуется дать ответ, — прослеживается ли влияние исходного языка в ойратском переводном тексте. Согласно описанию Ю. Н. Рериха, «имена предметные и качественные в тибетском языке внешне не дифференцированы» [Рерих 1961: 112]. Так, наше внимание привлекли примеры из тибетского текста, в которых определение стоит после определяемого слова (ниже и далее в тексте статьи все при-

меры словосочетаний из тибетского текста и их эквиваленты в ойратском тексте имеют одинаковую нумерацию, при этом в примерах (1)—(18) определяемое слово мы подчеркиваем прямой чертой, а определение — волнистой линией). Рассмотрим их:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(1) <i>'dzam-bu'i gling 'dir</i> 'на Замбутибе здесь'	<i>zangbo tib ende</i> 'на Замбутибе здесь'
(2) <i>seng-ge 'di</i> (букв. 'лев этот') 'этот лев'	<i>arslang uünigji</i> (букв. 'льва этого') 'этого льва'
(3) <i>dus gzhan zhiḡ na</i> (букв. 'в другое время одно') 'в другое время'	<i>caḡ neḡe busdu</i> (букв. 'время одно в другое') 'в другое время'
(4) <i>mi de ni</i> (букв. 'люди те') 'те люди'	<i>kumun tere inü</i> '(букв. 'люди те') 'те люди'

Приведенные выше примеры (1)—(4) демонстрируют, что Тугмюд-гавджи в своем переводе следует порядку слов, характерному для тибетского текста (определение после определяемого слова; такой порядок не характерен для монгольских языков), что является свидетельством влияния тибетского исходного языка на синтаксис ойратского перевода. Существенно, что в постпозиции в таких конструкциях оказываются определения, выраженные указательным местоимением. В то же время мы можем отметить случаи, когда переводчик прибегает к тому порядку слов, который характерен для монгольских языков, включая ойратский и калмыцкий, как наблюдается в следующей подборке примеров (5)—(9):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(5) <i>mi mang-po</i> (букв. 'людей много') 'много людей'	<i>olon kumun [= kümün]</i> 'много людей'
(6) <i>rgyal-po chen-po</i> (букв. 'царь великий') 'великий царь'	<i>ikji xan</i> 'великий царь (хан)'
(7) <i>seng-ge de</i> (букв. 'лев тот') 'тот лев'	<i>tere arslong [= arslang]</i> 'тот лев'
(8) <i>rgyal phran</i> (букв. 'цари малые') 'малые цари'	<i>baya xadod</i> 'малые цари'
(9) <i>rgyal-po gsar-pa</i> (букв. 'царь новый') 'новый царь'	<i>šine xan</i> 'новый царь'

В тибетском тексте нередко словосочетания, в которых определение стоит перед определяемым словом, при этом определение оформляется частицей род. п., этот факт отмечен в грамматиках тибетского языка [Рерих 1961: 112; Ходж 1997: 25—28; Парфионович 2007: 145—146]. Эти словосочетания передаются в ойратском переводе таким типом словосочетаний, в которых присутствует атрибутивный компонент в род. п., например:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(10) <i>dus gsum-gyi 'phags pa</i> (букв. 'времен трех святых') 'святые трех времен'	<i>yurbün cagin xutoqton</i> (букв. 'трех времен святые') 'святые трех времен'
(11) <i>dad-pa'i sems</i> (букв. 'веры мысль') 'мысль о вере'	<i>soüzügin setekil</i> (букв. 'веры мысль') 'мысль о вере'
(12) <i>'phags-pa'i mtshan</i> (букв. 'святости знак') 'знак (признак) святого'	<i>xuqtuni [= xutuqtuni] beleg</i> 'признак святого'

Следующие три примера словосочетаний из перевода Тугмюд-гавджи показывают, что атрибутивный компонент не всегда оформляется родительным падежом, несмотря на то что в тибетских примерах присутствует показатель родительного падежа ('i; gyi):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(13) <i>de'i tshe na</i> 'в то время'	<i>tere caqtü</i> 'в то время'
(14) <i>'das-pa'i bskal-pa</i> 'минувшая кальпа'	<i>önggürsön kalab</i> 'минувшая кальпа'
(15) <i>gser-gyi mdog</i> 'золотой цвет'	<i>alton önggüte</i> '[обладающий] золотым цветом'

Как видим из примеров (13)—(15), слова в словосочетаниях имеют порядок, характерный для монгольских языков, когда определение стоит перед определяемым словом.

Но и в тех случаях, когда в исходном тексте падежная частица у определяемого слова отсутствует, поскольку, согласно описанию Ю. М. Парфионовича, если «существительное, выступающее в качестве определения, образует с определяемым устойчивое словосочетание, то оно может не принимать после себя служебное слово» [Парфионович 2007: 145], автор перевода использует падежное оформление существительного, при этом для маркировки определяющих слов в примерах (16)—(18) им используются падежные показатели совместного и родительного падежей:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(16) <i>chos gos</i> ‘религиозная одежда’	<i>nomto xubcü</i> ‘религиозная одежда’
(17) <i>dug mda'</i> ‘отравленная стрела’	<i>xorto sumun</i> ‘отравленная стрела’
(18) <i>me-tog char bzhin</i> ‘подобно дождю из цветов’	<i>cecegin xur mitü</i> ‘подобно дождю из цветов’

Интересно проследить состав и структуру глагольных (глагольно-именных) (по Ю. М. Парфионовичу — *обстоятельственных* и *глагольно-объектных* [Парфионович 2007: 147]) словосочетаний. В трех приведенных ниже примерах обстоятельственных словосочетаний из тибетского текста определяемым членом является глагол, который мы отмечаем двойным подчеркиванием, определяющий член выражен: в примере (19) — существительным в исходном падеже, в примере (20) — двумя наречиями в исходном (*phyi-rol-nas*) и дательном (*nang-du*) падежах, передающими пространственную характеристику действия; и существительное, и оба наречия являются обстоятельственными членами и выделяются нами штрихпунктирным подчеркиванием. В примере (21) представлен образец *глагольно-объектного* словосочетания, образованного сочетанием глагола с существительным, выражающим прямой объект, который в предложении выступает в роли дополнения, поэтому мы выделяем его пунктирным подчеркиванием. В примере (22) главенствующий член выражен сочетанием вопросительно-относительной частицы *gang* с падежной частицей *na* и именной частицей *ba*, образующими существительное со значением ‘местопребывание, местонахождение’, что указывает на место, где находится объект почитания, на который направлено действие.

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(19) <i>nam-mkhas-las babs te</i> ‘спустился с небес’	<i>oqtorγ[u]γ[fa]sü buji</i> [= <i>buiji</i>] ‘спустился с небес’
(20) <i>phyi-rol-nas nang-du 'ongs-pa las</i> ‘входил извне (снаружи) внутрь’	<i>γazay[fa]sü dotoroi iräd</i> ‘входил с улицы внутрь [дворца]’
(21) <i>chos thos-pas</i> ‘выслушав наставления (дхарму)’	<i>nom sonsäd</i> ‘выслушав наставления (дхарму)’
(22) <i>bcom-ldan-'das gang-na-ba der song ste</i> ‘пришел к местопребыванию Бхагавана’	<i>burxun-dü kurci</i> ‘достигнув Будды’

Как видно из приведенных примеров, Тугмюд-гавджи большей частью следует порядку слов тибетского предложения, что в принципе и предписывал свод правил перевода с тибетского языка на монгольские [Источник мудрецов 1968: 105; Dag yig 1988: 13] и что было подмечено нами при анализе монгольских и ойратских переводов «Сутры о мудрости и глупости» [Музраева 2012; 2013: 20—32; 2015]. При этом в его переводе при подборе эквивалентов перевода словосочетаний (19), (20) зависимые члены переданы существительными в исходном и дательном-местном падежах соответственно. При передаче *глагольно-объектного* словосочетания (21) переводчик также использует прямой объект (существительное без падежных показателей). Помимо этого, пример (22) показывает, что автор допускает сокращения в своем переводе; эти сокращения касаются как титулов Будды (в данном случае эпитет *bcom-ldan-'das* «Ушедший с победой», что является эквивалентом санскритского *Бхагаван*, передан как *burxun* ‘Будда’), возможно, вследствие того, что данный эпитет не вошел в круг ойратских средств титулатуры Будды, так и тех слов в предложении, которые не входят в идиоматическую титулатуру.

Но есть примеры, когда автор-переводчик старается придерживаться того порядка слов, который принят в его родном языке, т. е. определение он ставит перед определяемым словом.

5. Типы предложений по цели высказывания

В соответствии с классификацией предложений по цели высказывания, грамматики тибетского языка описывают четыре основных типа простых предложений — *повествовательные*, *вопросительные*, *повелительные* и *запретительные*, а также *побудительные* [Парфионович 2007: 152—154]. При этом отмечается особая роль глагольных форм (например, категории наклонения, а именно форм повелительного и запретительного наклонения) в образовании соответствующих категориальных форм (см. [Парфионович 2007: 119]).

Повествовательные предложения, как отмечают лингвисты, «передают сообщение без какой-либо эмоциональной окраски» [Парфионович 2007: 152]. Их подразделяют на *утвердительные* и *отрицательные* [там же]. В приведенных ниже примерах (23), (24) мы можем наблюдать и тот, и другой тип предложений. Нейтральной тональностью отличаются и соответствующие предложения в работе калмыцкого переводчика, но следует отметить, что тибетские глаголы (и в утвердительной, и в отрицательной формах) он передает не глагольными формами, а существительным в сочетании с отрицательной частицей (пример 23) либо отрицательной частицей с суффиксом личного спряжения:

Тиб. [Dz]

(23) *tshig 'di ni bden pa yin te brdzun pa ma yin no /*
 ‘Слова эти являются правдой, не являются
 ложью’ [Dz: 216]

(24) *bdag ni lha yang ma lags / klu yang ma lags te*
 ‘Я и не тэнгри, и не дракон’ [Dz: 316]

Тугмюд-гавджи [OD]

mini kelsen uügi uünun[:] xudol biši ‘Слова,
 сказанные мной, правда, не ложь’ [OD: 21a]

bi tenggir čigin biše. lui čigin bišbi: ‘Я и не тэн-
гри, и не дракон’ [OD: 236]

Поскольку подобные предложения составляют в любом тексте большинство, такой тип предложений будет представлен далее (в Разделе 6) в рамках разбора структурных типов предложений.

Интересно проследить, как Тугмюд-гавджи передает в своем переводе разные виды побуждения. Далее приведем примеры в соответствии с тем, как тибетологи выделяют типы побудительных предложений, соотносясь с разными глагольными формами (повелительного и запретительного наклонений).

В приведенной ниже подборке тибетские примеры (25)—(28) являются образцами *побудительных* предложений, в которых главное действующее лицо обращается к своему собеседнику с предложением, побуждением совершить действие (в этих примерах сказуемые выражены глагольными формами повелительного наклонения в сочетании с частицами *cig / shig*, которые часто переводятся на русский язык императивом с восклицательным знаком [Шмидт 1839: 128—129; Рерих 1961: 75; Кузнецов: 72], этим мы и руководствовались при переводе с тибетского и ойратского на русский язык). В переводе Тугмюд-гавджи для передачи таких категориальных форм используются формы императива. В примерах (25)—(26) повелительное наклонение образовано с помощью суффикса *-qton / -qtön*, употребленного для обращения ко 2-му лицу мн. ч., т. е. ко многим лицам. В то же время для передачи глагола в повелительном наклонении переводчиком может использоваться форма волитатива на *-ya / -ye*, выражающая намерение говорящего совершить действие самому (пример 27), а также содержащая призыв ко второму лицу совершить действие вместе, как в примере (28):

Тиб. [Dz]

(25) <...> *'di ni nga'i bu yin gyi phyir byin cig ces smras*
so / ‘«Этого моего сына верните (букв. ‘отдайте
 назад’)!» — сказал’ [Dz: 1166]

(26) <...> *nor bu yon tan can des / da ste zhag bdun na*
rin po che la sogs pa gos dang zas dang dgos pa'i
y[...] *byad thams cad char bzhin du 'bebs kyis so so*
nas ci bde bar longs shig ces bsgrags so / ‘«Эта
 добродетельная драгоценность с этого времени
 семь дней [спустя] пролетит подобно дождю дра-
 гоценности, одежду, пищу и все необходимое,
пусть каждый сам (в отдельности) счастливо
обладает!» — так объявил’ [Dz: 1796]

Тугмюд-гавджи [OD]

enčin minii kübüün mön xarü ögö[qltön] giši kelsen
böi: ‘«Это воистину мой сын, верните мне его!»
 — потребовал’ [OD: 113a]

erdemtēi erdenii tereber odā dolan xongesü erdene
tergüütun xubcon bolon iden bolon kergetē:
ayurusun xamgigii xur mitü orulxü tus tustan aile
durarin abüqton giši tarxasün böi: ‘«Эта добродетельная драгоценность ныне, через семь дней пролетит подобно дождю все необходимое, начиная с драгоценностей, одежды, пищи, пусть каждый сам возьмет, что пожелает!» — так распространил [весь]’ [OD: 179a]

Пример (26) содержит повтор компонентов *bolon* (союз ‘и; а также’), не обязательный для ойратского языка, но воспроизводящий тибетскую синтаксическую структуру с повторяющимся союзом *dang*.

Тиб. [Dz]

(27) *khyod sangs rgyas dang 'phags pa'i dge 'dun spyan*
'dren 'dod na / <...> kho bo'i khyim du spyan drongs
shig ces smras pa dang / ‘«Если ты желаешь при-
 гласить Будду и святую сангху (монахов), <...>
приглашу-ка их в свой дом!» — так сказал’
 [Dz: 266]

(28) *bdag cag gi khyim na ka ba zhiq la [=las] rtag tu*
'od 'byung ste / de'i nang na ci yod tos shig ces bsgo
ba dang / ‘«От колонны (столба) в моем доме все
 время исходит свет, посмотрим, что там есть
 внутри!» — сказал’ [Dz: 246]

Тугмюд-гавджи [OD]

či burxon bolon xutüqtin xuvrüq zalx[a]r durlxla
mini gertu zalya bi: <...> *gixla* ‘«Если ты желаешь
 пригласить Будду и святую сангху (монахов),
давай я приглашу [их] в свой дом!» — сказал’
 [OD: 19a]

mini geren baxnasü mel gerel yarna tuün dotor yuiin
baixini xaley [=xaliya] gibi: ‘«От подпорки (ко-
 лонны) в моем доме (букв. ‘моего дома’) опреде-
 ленно исходит свет, посмотрим, что там есть
 внутри!» — сказал’ [OD: 176]

В примере (28) мы встречаем генитивную конструкцию, выражающую отношения принадлежности, вместо формы тибетского дательного падежа с локативным значением, что не искажает общего смысла, но задействует более привычные для носителя ойратского языка синтаксические средства.

Приведенный далее пример (29) представляет собой *запретительный* тип предложения, в котором сказуемое (глагол *sems* в форме повелительного наклонения с морфемой *shig* и отрицательной частицей *ma*) выражает побуждение в отрицательной форме (прохибитив). В переводе Тугмюд-гавджи оно передано сочетанием отрицательной частицы *biči* (ойр. *bičiigei*) и формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч., выраженной основой глагола:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(29) <i>de'i tshe de'i dus na rgyal bu tha chung sems can chen po de ni gzhan du <u>ma sems shig</u> da lta nga yin no / 'Не думай, что в то время, в тот период тем младшим царевичем Махасаттвой был кто-то другой, им был сегодняшний я' [Dz: 216]</i>	<i>terē cagin xani bičikin kübüün terē öngdan giči <u>sana</u> ödügei bi mön büi: 'Не думай, что того времени тот младший (зд. маленький) сын царя [это] кто-то другой, им воистину был сегодняшний я' [OD: 15a]</i>

В примере (29) в ойратском тексте опущено личное имя царевича, что не препятствует пониманию.

Приведенные примеры побудительных (25)—(28) и запретительного (29) предложений в тибетском тексте Сутры, как видим, переданы переводчиком *восклицательными* предложениями, характеризующимися повышенной эмоциональностью, поскольку являются отражением переживаний главных действующих лиц историй, включенных в сборник «Море притч». В таких предложениях широко используются глаголы в побудительной форме, как это иллюстрирует следующий пример, в котором составное сказуемое выражено деепричастной (или, по Ю. М. Парфионовичу, — незавершенной) формой глагола (*'phur bar* 'летая') и вспомогательным глаголом *'gyur* ('стать, становиться') в форме повелительного наклонения, образованной присоединением частицы *cig*. Тугмюд-гавджи передает его сочетанием причастия будущего времени *nisxu* ('летать') и вспомогательного глагола *bolxu* ('быть, становиться') в повелительном наклонении (*boltxābe*, ойр. *boltxayai bi*), выражающем здесь пожелание говорящего:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(30) <i>nor bu 'di yid bzhin gyi nor bu rin po che yin yang dag na / bdag nam mkha' la <u>'phur bar gyur cig</u> ces smras so // '«Если эта драгоценность является драгоценностью, исполняющей желания, то <u>пусть я полечу</u> по небу!» — так произнес' [Dz: 1766—177a]</i>	<i>erdne ene čindminin erdne öünun bolxla. bičiqtorjudü <u>nisxu boltxābe</u> giči ögulsoün böi: '«Если эта драгоценность является истинной драгоценностью чиндамани, то <u>пусть я полечу</u> по небу!» — так произнес' [OD: 177a]</i>

В примере (30) переводчик элиминирует определительный оборот *yid bzhin gyi nor bu* ('драгоценностью, исполняющей желания'), вставляя в свой текст заимствованный из санскрита эквивалент обозначения понятия (*čindminin erdne* 'драгоценность чиндамани').

Вопросительные предложения в тибетских грамматиках подразделяются на выражающие: а) общий вопрос и б) специальный вопрос [Парфионович 2007: 153]. Первый тип предложений образуется с помощью вопросительных частиц *gam*, *ngam*, *dam*, которые ставятся после сказуемого, и вопросительной частицы *e*, которая ставится перед сказуемым [там же]. Примеры (31)—(33) иллюстрируют общий вопрос. В тибетских предложениях используются вопросительные частицы *dam* / *tam* и *ngam*, которые в ойратском переводе переданы с помощью вопросительных частиц-аффиксов *-ü* / *-iü* / *-u* / *-yü*:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(31) <i>rgan mo / khyod la 'dug pa'i gnas yod dam / 'Старуха, есть ли у тебя место, где жить?' [Dz: 111a]</i>	<i>emgen čamdü bayideq oron baynü 'Старуха, есть ли у тебя место, где жить?' [OD: 106a]</i>
(32) <i>sngar gyi tshong pa grogs po rnam yod dam bde bar phyin tam zhes dris so / '«Прежние друзья-купцы живы ли, благополучно добрались ли?» — так спросил' [Dz: 1786]</i>	<i>urtku xuldačün xamuq noködud irlu giči amur kürbüü giči sursun böi '«Все те прежние купцы вернулись ли, благополучно добрались ли?» — так спросил' [OD: 178a—1786]</i>
(33) <i>snyim pa gang gi chu mang ngam rgya mtsho'i chu mang zhes dris pa dang / '«Что больше, вода в пригоршне или вода в море?» — спросил' [Dz: 286]</i>	<i>alixn duriing usün ikiyu dalan usun ikiyu '«Что больше, вода в пригоршне (букв. 'пригоршня, полная воды') или вода в море?» [— спросил]' [OD: 21a]</i>

Специальный вопрос в тибетских вопросительных предложениях образуется при помощи вопросительных слов, которыми служат вопросительные местоимения *gang* 'кто, который, где' (ойр. *ken*, *yamār*, *yamārān*, *yambar* 'кто, какой'; *ali* 'какой, который, где'), *su* 'кто' (ойр. *ken*), *ga re* 'что' (ойр. *yüün*), *ci* 'что,

что за' (ойр. *yuiin*) и др., которые, сочетаясь с определенными служебными и знаменательными морфемами, образуют большое число вопросительных слов, например: *ci ltar, ji ltar* 'как, каким образом' (ойр. *yayaji, yaji, yambarčilen*), *gang nas* 'откуда' (ойр. *alidasü; alidāsa*) и т. д., что демонстрируют примеры (34)—(37).

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(34) <i>nga'i bu dang rgya mtshor 'gro su phod ces bsgo ba dang</i> '« Кто сможет отправиться в море с моим сыном?» — так произнес' [Dz: 1926]	<i>mini kübüünla dal[a]dü oço; čadxü ken bayina giji surxüla</i> '«Есть ли кто-то, кто сможет отправиться в море с моим сыном?» — когда так спросил' [OD: 1936]

В примере (34) переводчик распространяет подлежащее вопросительного предложения (**Кто** сможет ...?), подчеркивая, что его интересует не исполнитель действия (тиб. ... *su phod* 'Кто сможет ...?'), а самая возможность исполнения названного действия (ойр. ... *oço; čadxü ken bayina* 'Есть ли **кто-то**, **кто** сможет ...?').

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(35) <i>khyod kyī rgya ga-re zhes dris pas</i> '«Твоя печать (знак) где? » — когда так спросили' [Dz: 976]	<i>činiī tamya aliī giji surxula</i> '«Твоя печать где? » — когда так спросили' [OD: 89a]
(36) <i>lhas byin 'dis skye ba gzhan dag tu bcom ldan 'das la gnod pa ji ltar bgyis zhes gsol ba dang</i> / '«Этот Лхаджин в других рождениях каким образом причинял зло Бхагавану?» — спросил' [Dz: 1866]	<i>lhañin ene ber töröl busdu burxun-dii: xor yay[aj]ji kesen böi</i> '«Этот Лхаджин в других рождениях каким образом причинял зло Будде?» — [спросил]' [OD: 1886]
(37) <i>mtshan mkhan gyis kyang bltas te / bu 'di thog ma gang nas rnyed ces dris pas</i> / 'Гадатель взглянул и спросил: «Этого мальчика изначально где нашли (букв. 'откуда получили')?»' [Dz: 306]	<i>belgiči xalayād ene kübugi alidasü olbütoi giji surbu</i> : 'Гадатель посмотрел и спросил: «Этого мальчика где (букв. 'откуда') нашли?»' [OD: 23a]

Приведенные примеры демонстрируют эквивалентность тибетским предложениям, но не являются нарушением норм ойратского оформления соответствующих конструкций.

В то же время вопросительные предложения могут образовываться комбинированным способом, как в примере (38), в котором присутствует и вопросительная конечная частица 'am, и вопросительное слово *či*, переведенные на ойратский язык вопросительной частицей *buyu* и вопросительным словом *yun* (ойр. *yuiin*).

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(38) <i>seng ge 'di gsod pa'i tshē ngo mtshar che ba'am ltas ci zhiḡ byung</i> (<...> / 'В то время, когда убивал этого льва, что за большое удивление или предзнаменование проявилось?' [Dz: 1836]	<i>arslung oüniḡi alxü caqtü yaixmeḡeq ikiī buyu yoro; yun yarbu</i> : 'В то время, когда убивал этого льва, что за большое удивление или предзнаменование проявилось?' [OD: 282a]

Далее в примере (39) приведена конструкция с вопросительным словом *gang* и усилительным выражением *zhe na*, которые переведены Тугмюд-гавджи вопросительным словом *ken* и глаголом с вопросительной частицей в сочетании с отрицательной частицей *isiī* (ойр. *ese*):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(39) <i>sangs rgyas bcom ldan 'das jig rten na bzhuḡs te sems can gang sdug bsngal gyis gduḡs pa ngag gi mgon dang skyabs mdzad de thar par mdzad do zhe na</i> / 'Будда Бхагаван явился в мир материальный, спасает живых существ, которые испытывают страдания, является покровителем и прибежищем, не так ли? ' [Dz: 35a]	<i>Burxun yirtimjidü zalrji änten ken zoblongyar dengcelji bayi[q]sen amitigi zoblongsini getelegin gideq isiī bilü [=bilöü]</i> : 'Будда, явившись в мир материальный, [тех] живых существ, кто был подвергнут страданиям, спасает от [этих] страданий, не так ли? ' [OD: 26a]

Из примеров мы видим стремление переводчика в максимальной мере воспроизводить тибетский оригинал. Вместе с тем в приведенных примерах в тех случаях, когда текст кажется переводчику перегруженным служебными элементами, он считает возможным упростить синтаксические построения, приблизив их к синтаксису оригинальных ойратских текстов, но сохраняя при этом грамматическое значение важных в смысловом отношении форм.

6. Структурные типы предложений

6.1. Простое предложение

Поскольку рассматриваемый нами текст является переводным, целесообразным представляется и привлечение данных относительно организации предложения в исходном тибетском языке. Я. Шмидт в своей грамматике отмечал, что «[п]остроение тибетских предложений далеко отстает от построения европейских» [Шмидт 1839: 115]. Г. Ц. Цыбиков, поясняя построение тибетского предложения, так описывает порядок расположения его частей: «⟨...⟩ [П]одлежащее ставится на первом месте, сказуемое на последнем, определения, выраженные родительн[ым] падежом имен, перед определяемыми, а выраженные именами прилагательными (качеств[енными]; местоим[ениями], числительными) — после определяемых; дополнения раньше сказуемого» [Цыбиков 1908: 75—76].

Ю. Н. Рерих подчеркивает, что «порядок слов в тибетском предложении играет решающую роль» [Рерих 1961: 111], и дает при этом описание простого нераспространенного предложения: «Подлежащее всегда стоит в начале, а сказуемое в конце предложения» [там же], что можно представить в виде следующей формулы: П+С (подлежащее + сказуемое). Распространенные предложения передаются Ю. Н. Рерихом с помощью следующих формул: 1) П+Д+С, где Д — дополнение; 2) П+О+Д+С, где О — определение [Рерих 1961: 112].

Некоторая детализация структур предложения представлена в «Грамматике тибетского языка» Б. И. Кузнецова: «В любом предложении сказуемое всегда будет находиться в самом конце предложения. Поэтому, естественно, в простом нераспространенном предложении подлежащее будет всегда ему предшествовать» [Кузнецов: 27]. В случае с и м е н н ы м с к а з у е м ы м именная часть всегда предшествует глаголу, который стоит в конце предложения [там же]. Б. И. Кузнецов обратил внимание на важную роль служебных слов, «которые отделяют слово или группу связанных между собой слов», а также подметил, что предложения без служебных слов крайне редки [там же: 26]. Согласно Б. И. Кузнецову, в распространенном глагольном предложении, в котором подлежащее и дополнение не оформлены служебными словами, «порядок главных членов предложения будет следующим: 1. подлежащее, 2. дополнение, 3. сказуемое [П+Д+С]. Обстоятельство может быть в самом начале или в середине предложения» [Кузнецов: 27—28]. В тех случаях, когда либо подлежащее, либо дополнение имеют оформление частицами, их порядок в предложении может варьироваться: П+Д, Д+П. Ориентируясь на схему, предложенную Ю. Н. Рерихом, мы можем представить схему описываемого Б. И. Кузнецовым предложения следующим образом: П+О+Д+С или П+Д+О+С, где О — обстоятельство.

Не менее актуальным продолжает оставаться вопрос о соотношении структуры исходного тибетского текста и его перевода, зафиксированного в ойратской графике. Описание синтаксиса простого предложения целесообразно, на наш взгляд, начать с рассмотрения «простейшего», по определению Н. Н. Поппе, предложения, состоящего из подлежащего и сказуемого, и их порядка [Поппе 1937: 151]. Первое, на что мы обращали внимание при описании простого предложения, это наличие в предложениях главных членов — подлежащего и сказуемого. Второстепенные члены предложения (дополнения, определения, обстоятельства) могут быть выражены не только отдельными словами, оформленными показателями косвенных падежей, но также и словосочетаниями.

Относительно простого предложения в ойратском языке Н. С. Яхонтова приводит такое его описание: «Последнее место в предложении занимает сказуемое. Остальные члены предложения располагаются перед сказуемым в достаточно свободном порядке» [Яхонтова 1996: 109].

Основной порядок слов в письменном ойратском языке А. Ракош представляет схемой “subject — object — verb”, при этом отмечает, что положение других частей предложения (обстоятельств разных разрядов с разными средствами выражения) менее фиксировано, они могут предшествовать объекту или следовать за ним [Rákos 2002: 42].

Обращение к тексту перевода Тугмюд-гавджи показывает, что подобного рода «простейшие», иными словами простые нераспространенные, предложения весьма сложно найти. Наиболее характерно наличие простых распространенных предложений, которые, в свою очередь, могут быть осложнены причастными оборотами, выступающими в качестве второстепенных членов предложения — дополнения и определения.

Интересно проследить, как переводчик передает строй предложения исходного тибетского текста, на примере простых распространенных предложений (здесь и далее подлежащие отмечены одинарным подчеркиванием, сказуемые — двойным подчеркиванием):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(40) <i>lha yang phyir gnas su song ngo</i> / ‘Тенгрий вновь отправился в страну’ [Dz: 21a]	<i>tenggir xarü orndān odboi</i> : ‘Тенгрий вернулся в свою страну’ [OD: 15a]
(41) <i>de'i tshe de'i dus na drang srong de ni shā-ri'i bu yin no</i> // ‘В то время, в тот период тот отшельник был Шарипутрой’ [Dz: 284б]	<i>tere caqtü tere oüy[e]dü aršo</i> : <i>tere inü š[a]ren kübüün mōn böi</i> : ‘В то время, в тот период тот отшельник воистину был Шарипутрой’ [OD: 283a]
(42) <i>nor bu 'di ni dpag tshad nyis stong kho ra khor yug tu dgos pa thams cad char bzhin du 'bebs nus so</i> / ‘Эта драгоценность способна пролить подобно дождю все необходимое в окружности на [расстоянии] тысячи йоджан’ [Dz: 173б—174a]	<i>čindaminii ene inü xoyor mengyn berede ergulung-dān kereq xamgigii xur mitü orulxü böi</i> : ‘Эта драгоценность прольет подобно дождю все необходимое в радиусе тысячи бер’ [OD: 174b]
(43) <i>de'i tshe na bya ngang pa yang yi ge dang phyir yul du phyin te</i> ‘В это время гусь снова вместе с письмом вернулся в страну’ [Dz: 198б]	<i>tere caqtü yalun šobüün čigin bičiqtägen xarü orndan kursün mōn</i> ‘В это время и гусь вместе с письмом вернулся в свою страну’ [OD: 199a]

6.2. Сложное предложение

Сложные предложения могут состоять из двух и более частей (предложений), соединенных сочинительной или подчинительной связью. Тибетологи также указывают на эти две группы сложных предложений — *сложносочиненные* и *сложноподчиненные* [Кузнецов: 94—98, 99—123; Парфионович 2007: 154].

В тексте Тугмюд-гавджи точное определение границ предложений возможно по употреблению финитных форм глагола в финальной позиции, и иногда на границы предложения в нем указывают пунктуационные знаки, используемые автором перевода. В сложных случаях мы руководствуемся общим смыслом, контекстом и обращаемся к исходному тибетскому тексту [Dz], взятому за основу перевода.

В вопросе о выделении главной и зависимой частей сложного предложения в рассматриваемом переводе мы вслед за Н. С. Яхонтовой придерживаемся той точки зрения, что конструкции, в которых действие обозначено причастием или деепричастием, а субъект (наличие которого обязательно и его присутствие отличает придаточное предложение от причастного или деепричастного оборота) — именем в форме именительного или косвенного падежа, являются придаточными предложениями, согласно существующей в монголоведении теории придаточного предложения [Очиров 1964: 196; Пюрбеев 1979; Мушаев 2005: 153—155; Пюрбеев 2010: 8, 178, 181, 221 и далее; Яхонтова 1996: 131].

Давая характеристику сложных предложений в ойратском языке, Н. С. Яхонтова отмечает широкое использование причастий и деепричастий для соединения нескольких предложений в одно, при этом роль союзов минимальна [Яхонтова 1996: 131], что в целом характерно для монгольских и шире — для алтайских языков.

6.2.1. Сложносочиненное предложение

В определении данного типа предложений в тибетском языке мы опираемся на определение Б. И. Кузнецова: «Сложносочиненные предложения объединяют грамматически равноправные, однородные предложения, имеющие одинаковую степень самостоятельности, причем они следуют одно за другим, как правило, в порядке последовательности действия по времени» [Кузнецов: 94]. В качестве примера Б. И. Кузнецов приводит и фрагмент из тибетского «Дзанлундо»: *rgyal-po'i bu-mo dang phrad nas / rgyal-po'i bu-mo la chags te bu-mo dang nyal nas phyir gsang shor te / rgyal-pos zin nas gsod du bcug-pa las khyim-bdag gi bus 'di skad ces gsol to* // (‘Встретился с дочерью царя, дочь царя полюбил, спал с дочерью царя, потом тайком бежал, царь [его] схватил, приговорил к смерти (букв. ‘отправил убить’), сын домохозяина обратился к царю с такими словами...’). На данном и других примерах Б. И. Кузнецов разъясняет роль частиц *te*, *ste*, *de*, *nas*, *las*, *la*, которые могут стоять в конце любого предложения, кроме последнего, которое часто оформляется частицей *o*. Функция перечисленных частиц сводится к тому, что, с одной стороны, они отделяют одно предложение от другого, указывая на то, что оно не является последним в составе сложного предложения, с другой — связывают отдельные сочиненные предложения в одно сложносочиненное предложение [Кузнецов: 94]. В отношении частиц *te*, *ste*, *de*, которые часто стоят в конце предложения, после глагола-сказуемого, но могут также стоять после глагола-связки «есть, быть» (*yod*, *'dug*), а также, в отсутствие глагола-связки, после именной части сказуемого, Б. И. Кузнецов поясняет, что он согласен с точкой зрения тибетских авторов, называющих эти частицы «соединительными» (*tshig phrad*), другими словами (в европейской традиции) — союзами, поскольку они соединяют простые предложения в одно сложное [Кузнецов: 97—98].

На сочинительную связь между предложениями, помимо упомянутых выше частиц, по Б. И. Кузнецову, указывают частицы *cing*, *zhing*, *shing* в тех случаях, когда они стоят в конце первого предложения, после сказуемого. Один из примеров также взят из текста «Дзанлундо»: *dug gi ma thub cing / gnod par ma gyur nas* / («Яд не подействовал, вреда не произошло») [Кузнецов: 97]. В пояснении к этому и похожим примерам автор цитируемой грамматики указывает, что «действия, выраженные в двух предложениях, связанных этими частицами, являются близкими по значению, или же выражают одну общую идею» [Кузнецов: 96].

Ю. М. Парфионович отмечал, что для сложносочиненных предложений чаще всего характерно соединение с помощью союза *dang* («и»); помимо этого, используются союзы *ma gtoqs*, *ma zad* и *khar* со значением «а также, и» [Парфионович 2007: 154].

Приведем пример сложносочиненного предложения, части которого соединяются посредством соположения без привлечения союза:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(44) <i>de la lha mo gcig gcig kyang rin po che sngon po zhig thogs shing 'bul du 'ong gis / de ni yid bzhin gyi nor bu rin po che yin no</i> / «Тогда отдельно [от других] <u>явится</u> Лхамо, держа в [качестве] дара синий драгоценный камень, <u>это</u> и <u>будет драгоценный камень</u> , [исполняющий] желания» [Dz: 1936]	<i>tün[ä]sün okon tengger negen čigin köku erdne baired ömünčin irxi. tere intü čindminin erdne mön böi</i> : «Вслед за этим перед тобой также <u>явится</u> Окон Тенгер, держа в руке синий драгоценный камень, <u>это</u> и <u>будет драгоценность чиндамани</u> » [OD: 1946]

В примере (44) переводчик воспроизводит оригинал (тиб. *gcig gcig kyang*), но выражение единичности (ойр. *negen čigin*) в его тексте избыточно, поскольку в оригинале выражена индивидуальность персонажа повествования, так понятая переводчиком.

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(45) <i>[khye'u] cher skyes nas von tan dang ldan pas rgyal pos kyang yul gcig gi phran du bcug go</i> «[Мальчик] <u>вырос</u> , поскольку <u>был преисполнен знаниями</u> , <u>царь сделал</u> [его] <u>правителем</u> одного из малых княжеств» [Dz: 264a]	<i>[kübüün] iki bolji ösed: erdem-lwyü tögösöqs[e]r xan čigin baya nege or[o]nai xan-dü orulusun böi</i> : «[Мальчик] <u>вырос</u> , поскольку <u>был преисполнен знаниями</u> , <u>царь сделал</u> [его] <u>царем</u> одного из малых княжеств» [OD: 262a]
(46) <i>mkhas pa rig pa dang ldan pa / smang [=sman] dang gtsug lag dang skar ma la mkhas pa zhig pas rgyal po'i ston pa byed de / rgyal phran brgyad khri bzhi stong snyed kyang de la rgyal po chen po dang 'dra bar bsnyen bkur byed de / bsgo ba'i tshig kyang nyan to</i> / «Поскольку <u>мудрец обладал знаниями</u> , <u>был сведущ</u> в лекарствах, науке (священной литературе) и звездах, то <u>стал</u> наставником царя, даже <u>малые цари</u> числом восемьдесят четыре тысячи <u>почитали</u> его наравне с великим царем и <u>слушали</u> его слова (речи)» [Dz: 1646]	<i>mergen ux[a]ta em bolon šasüdir bolon odon-dü mergen nigin tere xana baqšo: boloji baya xan naimin tuimon dörbön mengy[a]n dunggütei čigin: tundü ikii xanla aidil-dü küündülün zakoson oüginii čigin sonsdoq böi</i> : «Мудрец <u>был умен</u> , <u>сведущ</u> в лекарствах, шастрах и звездах, <u>стал наставником</u> царя, так что даже <u>малые цари</u> числом восемьдесят четыре тысячи <u>почитали</u> его наравне с великим царем и <u>слушали</u> его слова» [OD: 166b]

В данном тексте довольно сложно выделить сложносочиненные предложения в эталонном виде, даже при наличии сочинительных союзов или не вызывающей сомнения бессоюзной связи. Наиболее часто встречаются такие предложения, в составе которых одно из простых предложений может включать также и придаточное предложение (о них будет сказано дальше в разделе 6.2.2), и тогда это уже будет сложная конструкция с простым предложением, осложненным деепричастным или причастным оборотом с функциями зависимого предиката.

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(47) <i>de nas rgyal bu rol mo byed cing glu dang tshig snyan par sbyar te blangs pas thams cad de la nyan te / kun gyis zas dang skom bskyal bas</i> / «Затем <u>царевич заиграл</u> на музыкальном инструменте, <u>исполнил</u> мелодичный напев, соединив с благозвучными словами, <u>все стали слушать</u> его, <u>все принесли</u> еду и питье» [Dz: 1956]	<i>tünsün xan kübüün cenggeleq cökön dung bolon saix[a]n iru uügiü dulus abs[ajr] xamüq tüüniginii sons[a]d cur[a]r xoto undai kurgüsüün böi</i> : «Затем <u>царевич исполнил</u> (букв. «тем, что исполнил») несколько мелодичных напевов с прекрасными благозвучными словами, <u>все</u> , услышав его, <u>стали подносить</u> еду и питье» [OD: 196a]

- (48) *de'i tshe na bram ze de la bu mo gser gyi mdog can skra mthon mthing khar 'dug pa / rgyal phran brgyad khri bzhi stong snyed kyi rgyal bu thams cad kyis bslang na yang mi ster ba gcig yod do /* 'В то время у того брахмана была дочь [с кожей] золотистого цвета, темно-синими волосами, несмотря на то, что все малые цари [численностью] восемьдесят четыре тысячи и все царевичи просили [ее руки], не отдал' [Dz: 169б—170а]
- tere caqtü birmin toündü küüküün alton önggüte: xara kökö üüste: baya xan naiman toümün dörbün mengy[a]n dunggute: xan kübüün xamoq yer surson biyinü is ögüsün nigin baiji[:]* 'В то время у того брахмана была дочь, [у которой кожа] была золотистого цвета, иссиня-черные волосы, несмотря на то, что малые цари количеством восемьдесят четыре тысячи и все царевичи просили ее [руки], не отдал' [OD: 171а]

Примечательно, что Тугмюд-гавджи в своем переводе передает сочетание глагола с союзом *dang* ('и; с; вместе с ...; когда') первого предложения условным деепричастием (*bolxola, kurxula*) как в примерах (49) и (50):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(49) <...> <i>sangs rgyas dang dge 'dun bcas su slar gshegs pa dang / de'i bar na ne'u gsing zhig yod de chu mig shig tu gtsang ma zhig yod pa la /</i> 'Когда Будда вместе с сангхой <u>отправился</u> обратно, на этом пути <u>оказалась</u> травянистая равнина, [в которой] <u>был</u> чистый (святой) <u>родник</u> ' [Dz: 195б]	<i>burxün xübürgutay[a]n xarü ödü bolxola tüüni xorondü cecerliq negin baiqsen mon[:]</i> <i>tundü buluy mašo: airon negen baiqsen:</i> 'Когда Будда вместе с монахами <u>отправился</u> обратно, на пути <u>оказался</u> сад, в нем <u>был</u> чистейший (святой) <u>родник</u> ' [OD: 245а]
(50) <i>chu 'gram du phyin pa dang / cu'i nang na pad ma gser gyi mdog can yod pa la sprul gdug pas pad ma'i rtsa pa la dkris shing 'dug pa mthong ngo /</i> 'Когда <u>пришел</u> на берег реки, <u>увидел</u> в воде лотос золотого цвета и то, что стебель лотоса <u>обвила</u> ядовитая <u>змея</u> ' [Dz: 171б]	<i>usüni köbadü kurxula: usun dotoro: alton önggütēi badama baiqsen-dü xorto: moya ber: badm[a]n yozürtü oran baiqsigji üüzusüün böi:</i> 'Когда <u>пришел</u> на берег реки, <u>увидел</u> в воде лотос золотого цвета и то, что ядовитая <u>змея обвила</u> стебель лотоса' [OD: 173а].

6.2.2. Сложноподчиненное предложение

Б. И. Кузнецов, давая описание сложноподчиненного предложения в тибетском языке, отмечал, что оно «объединяет два синтаксически неравноправных предложения, из которых одно, придаточное, подчинено другому, главному» [Кузнецов: 99]. Он также отмечал, что подчиненное положение придаточного выражается рядом синтаксических средств, важнейшими среди которых «являются: место придаточного предложения в составе сложного предложения и некоторые служебные частицы, и союзы, которые его оформляют» [там же]. Анализируя виды (типы) придаточных, Б. И. Кузнецов приводит в своей грамматике примеры придаточных *дополнительных, определительных, причины, уступительных, цели, времени и условно-временные*, а также придаточные с союзом *gi* (*yi, 'i, kyi, gyi*) [Кузнецов: 99—123].

Ю. М. Парфионович, давая определение сложноподчиненного предложения, подчеркивал, что «придаточное предложение всегда стоит перед главным, а подчинительные союзы всегда стоят после сказуемого придаточного предложения» [Парфионович 2007: 155]. При этом он выделяет: а) *условные* (вводятся союзом *na*), б) *причинные* (чаще всего вводятся вариантом орудной частицы *sa*), в) *цели* (вводятся союзами *ched-du, phyir-du, sled-du*) и г) *временные* придаточные [там же: 155—156].

Далее мы приводим подборку примеров сложноподчиненных предложений (51)—(54), выбранных из тибетского текста, и соответствующих фрагментов перевода Тугмюд-гавджи, которые включают придаточные временные и придаточные условные; в них сказуемое, выраженное деепричастием, указывает на условие совершения действия, а само действие выражено заключительной глагольной формой. Во всех этих примерах в конце придаточного присутствует частица (союз) *na* (со значением «когда, если»). В примере (51) действие придаточного предложения предшествовало действию главного предложения, т. е. это пример придаточного *времени*, в то время как следующие три примера включают *условные* придаточные. При этом в примерах (52)—(53) только при условии осуществления действия придаточного может осуществиться действие главного предложения. Что касается примера (54), то действие главного предложения может явиться следствием невыполнения (неосуществления) действия придаточного предложения (в приведенных примерах придаточные предложения выделены подчеркиванием):

Тиб. [Dz]

- (51) *gzhan kun ni chung ma dang 'groggs te 'ongs na / blon po de 'ba' zhig gi chung ma ma 'ongs pas grogs po dag the tshom du gyur te /* 'Когда все другие пришли вместе с женами, а тот сановник пришел в одиночку без жены, тогда у друзей зародились сомнения' [Dz: 346—35a]
- (52) *gal te khyod dad ba'i sems kyis 'phags pa de dag la zhal zas kyis mchod na / 'phags pa de dag gis ni tshe de nyid la khyod ci dang ci 'dod ba de dang de dag dang ldan par mdzad do zhes smras so /* «Если ты с мыслью о вере окажешь почтение этим святым, сделав подношение пищей, то тогда эти святые в этой жизни воистину осуществят все то, что ты желаешь», — так сказал' [Dz: 1596]
- (53) *bdag gis gnod pa byas na dus gsum gyi 'phags pa rnam la ngan sems bskyed pa yin no snyam bsams te* 'Если я нанесу вред (причину зло), то это будет сравнимо с тем, что пробудил недобрые мысли ко всем святым трех времен' [Dz: 1846]
- (54) *da 'dir ma 'phul na skye ba phyi ma la gar 'gro snyam ste* «Если теперь не сделаем подношение, в последующих перерождениях где окажемся?» — подумал' [Dz: 1846]

Тугмюд-гавджи [OD]

- natki amitin gergetagen: xamdan irxla tere tunülin gergen uya yancar irxla ongdan nükiüdü dam setekel törji:* 'В то время как другие люди пришли с женами, тот сановник явился один без жены, поэтому у других друзей в мыслях закралось сомнения' [OD: 26a]
- čii söüzügin setekel[e]r xotuytun teden-dü zölgolxü xotar taikixla xutuqtun teden yer: ene nasun-du yu: durlusun tere bolon toinla kücäji ögüdoq mön giji kelsin böi:* «Если ты с мыслью о вере окажешь почтение этим святым, сделав подношение пищей, то тогда эти святые в этой жизни воистину даруют все то, что ни пожелаешь», — так сказал' [OD: 1616]
- bi ber xor kexla yurbüün cagin xutuqtun xamoqtü mi setekil öüskusun mön böi:* 'Если я нанесу вред (причину зло), то это воистину будет [сравнимо с тем], как если бы пробудил недобрые мысли ко всем святым трех времен' [OD: 2816]
- ödöge ende ise örgüxula xötü törldan älderen otxob giji bayasul üge bayinabe:* «Если теперь не сделаем подношение, где окажемся в последующих рожденьях?» — так пребываю в печали' [OD: 1106]

Сказуемое временного придаточного может иметь форму и значение условного деепричастия, как в примерах (55) и (56): в первом описаны действия, происходящие последовательно друг за другом, во втором — одно действие («садился верхом») предшествует второму из описываемых («успевал объехать четыре материка»):

Тиб. [Dz]

- (55) *btson des rgyal po gshegs pa mthong nas dus te kha zas shig bslangs pa dang / rgyal pos kyang sbyin no zhes byas nas phyir pho brang du gshegs pa dang / brjed pa las* 'Тот арестант, когда увидел шествующего царя, в то время, когда попросил еды, царь сказал, что подаст, вновь вернулся во дворец и забыл' [Dz: 160a]

Тугмюд-гавджи [OD]

- tere küün xan ödo [=ödö] bolji yobsigii öüzäd: öülaiid [=öülid] xoto: surxola xan čigin öko bol[a]d xarü gerten ödo bol[a]d martosun böi:* 'Тот человек, увидев, что царь совершает прогулку, заплакал, и когда попросил еды, царь пообещал, что даст, вернулся домой и забыл' [OD: 162a]

В примере (55) один из двух временных оборотов с «когда» заменен разделительным деепричастием, поскольку обозначает наиболее раннее во времени действие.

Тиб. [Dz]

- (56) *rgyal po de la zhon na gzan bza' rin tsam gyis gling bzhi nas 'khor te mi ngal mi dub bo /* 'Когда царь садился на него верхом, то за одно принятие пищи (за одну трапезу) объезжал (огибал) четыре материка, не уставая и не утомляясь' [Dz: 183a]

Тугмюд-гавджи [OD]

- xan tüünigii unxula: xoto itxü xorondü dörbön tib ergedeq mön alzun sicurduq uge böi:* 'Когда царь садился на него верхом, за одно принятие пищи (за одну трапезу) успевал объехать четыре материка, не утомляясь, не уставая' [OD: 183a]

В примере (56) при передаче двойного отрицания переводчик пользуется отрицанием лишь однажды, что делает перевод более близким к структуре ойратской речи.

В следующем примере сказуемое временного придаточного, выраженное формой деепричастия предела, указывает на действие, которое совершается одновременно с действием основного глагола, завершающим предложение:

Тиб. [Dz]

- (57) *de'i tshe na seng ge de gnyid log ste nyal ba las rngon pas dug mda' phangs so* // 'В то время, когда тот лев лег и заснул, охотник пустил отравленную стрелу' [Dz: 1826]

Тугмюд-гавджи [OD]

- tere caqtü tere arslong untaji kebtetel angyučun xortai sumar xason böi*: 'В то время, когда тот лев спал (букв. 'лежа спал'), охотник выстрелил отравленной стрелой' [OD: 2816]

Ниже приведены примеры предложений, в которых сказуемое придаточного причинного выражено причастием со значением цели с послелогом *tulü* ('для, ради'); отметим при этом, что причастие может иметь аффикс род. п., как в примере (58), либо не иметь падежного показателя как в примере (59):

Тиб. [Dz]

- (58) *rgyal bu dge don rang bzhin gyis drang pas / nu bo la bdag cag gis rin po che thob na ci'i phyir ngo tsha zhes smras so* // 'Поскольку царевич Гедон сам по себе был откровенен, то сказал младшему брату: «Поскольку я обрел драгоценность, почему [должно быть] стыдно?»' [Dz: 1946]

Тугмюд-гавджи [OD]

- xan kübuün ebir čilnrin šudüryun tulü duden bii ber erdne olson tulü yayad ičurute; bolxü giči kelsen böi*: 'Поскольку царевич сам по себе был прям (прямодушен), то сказал младшему брату: «Поскольку я нашел драгоценность, почему [должно] быть стыдно?!»' [OD: 195a]

- (59) *rgyal pos kyang gser srang stong bya dgar byin pas bram ze dbul po khyo shug gnyis yul de na shin tu phyug cing rin po che mang par gyur to* / 'Поскольку царь подарил тысячу золотых монет, бедные брахман с женой (букв. 'муж с женой') в той стране стали очень богатыми, завладели многочисленными драгоценностями' [Dz: 1616]

- xan čigin menggan alto: šang ögüsüün tulü: üüigetēi birmin zalu gergin xoyor tere; oron-dü maš bayan bolon zöre olon boloqsinii tulü üüülu buyü keji erdene olon bolosoün böi*: 'Поскольку царь вручил в качестве вознаграждения тысячу золотых, и [от этого] бедные брахман с женой стали очень богатыми (очень разбогатели) в той стране, их имущество приумножилось, стали совершать добродетельные деяния, [так что] драгоценности приумножились' [OD: 163a—1636]

Последний из приведенных примеров (59) для нас примечателен тем, что в нем присутствует не-большое дополнение, сделанное переводчиком Тугмюд-гавджи, из которого следует, что брахманская супружеская чета, получив в дар от царя золотые монеты, приумножила свое состояние тем, что стала совершать добродетельные поступки. В этом фрагменте Тугмюд-гавджи проявил себя как буддийский проповедник, напоминающий читателям «Моря притч» в своем переводе о необходимости совершать добродетельные поступки, что является залогом приумножения благосостояния.

Выводы

Таким образом, на основе анализа текста перевода Тугмюд-гавджи в сопоставлении с его тибетским оригиналом мы можем отметить ряд характерных черт, присущих как тибетскому языку оригинала, так и языку перевода калмыцкого литератора. Можно видеть, что влияние тибетского оригинала на синтаксис ойратского перевода имеет место, но оно несистемно и неупорядоченно, в соответствии с тем, что интерференция языков обычно не имеет регулярных проявлений. Мы рассмотрели такие моменты, как порядок слов в предложении в ойратском переводе Тугмюд-гавджи, провели параллели между его переводом и текстом тибетского оригинала, сделали выборку примеров, иллюстрирующих типы предложений (по цели высказывания, структурные типы), отметили технику перевода, характерную для дословных переводов буддийских текстов, которая сводится к тому, что автор старается строго придерживаться исходного тибетского текста, стремясь не опускать его фрагменты или отдельные слова. Мы можем констатировать лишь единичные добавления в текст перевода, как в примере (59), которые, на наш взгляд, не искажают смысл исходного текста, а лишь дополняют и поясняют его в рамках предписаний буддийской догматики.

Рукопись "Oülgurun dalaï" (1968 г.), созданная на поздних этапах распространения, сохранения и бытования ойратского «ясного письма» (*todo bičiq*) среди калмыков, наряду с другими сохранившимися к началу XXI столетия раритетами, хранящимися в фондах Научного архива КалмНЦ РАН, является одним из ценнейших источников изучения переводческой традиции ойратов и калмыков, в особенности в середине XX в., о чем позволяет судить труд Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). По большому счету это уникальный образец для исследования литературно-книжной традиции ойратов и монгольских народов. Это прекрасный пример для подражания, для изучения навыков переводческой практики, основанной на

многовековых традициях, которых придерживались монгольские, ойратские и калмыцкие просвещенные монахи на протяжении последних нескольких столетий.

Вклад Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) в сохранение и трансляцию буддийской культуры для последующих поколений неоценим, а его труд продолжает оставаться важнейшим источником изучения буддийского вероучения, являющегося важным компонентом духовной культуры калмыков Поволжья, а также источником изучения ойратского письменного языка на поздних стадиях его бытования.

Сокращения

букв. — буквально
ойр. — ойратский

род. п. — родительный падеж
тиб. — тибетский

Литература

Источник мудрецов 1968 — Источник мудрецов. Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. (Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas). Подготовка текста, перев. и прим. Р. Е. Пубаева и Б. Д. Дандарона. Парамита и Мадхьямика. Улан-Удэ, 1968. {Source of Wise Men. The Tibetan-Mongolian terminological Dictionary of the Buddhism. (Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas). Text preparation, translation and comment. by R. E. Pubaev and B. D. Dandaron. Paramita and Madhyamika. Ulan-Ude, 1968.}

Корнеев 2014 — Корнеев Г. Б. Некоторые проблемы тибето-монгольской интерференции в ойратских рукописных памятниках XVII в. (на материале сутры «Царь благих пожеланий») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014, 3. С. 11—118. {Korneyev G. B. Some problems of the Tibeto-Mongolian interference in Oirat hand-written monuments of the 17th century (On a material of the sutra “The King of Good Wishes”) // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2014, 3. P. 11—118.}

Корнеев 2015 — Корнеев Г. Б. Особенности функционирования вопросительных местоимений *ali* и *aliba* в ойратских переводах с тибетского языка (на материале сутры «Царь благих пожеланий») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015, 4. С. 132—136. {Korneyev G. B. Peculiarities of the functioning of the interrogative pronouns *ali* and *aliba* in Oyrat translations from the Tibetan language (on the material of the sutra “The King of Good Wishes”) // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2015, 4. P. 132—136.}

Кузнецов — Кузнецов Б. И. Грамматика тибетского языка: морфология и синтаксис. Л. [s.a.]. {Kuznetsov B. I. Grammar of the Tibetan language: Morphology and Syntax. Leningrad, [s.a.]}

Мирзаева 2015 — Мирзаева С. В. О падежной парадигме в памятнике монгольской переводной литературы XVII—XVIII вв. «Повесть о царевиче Манибадре» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015, 3. С. 186—193. {Mirzaeva S. V. On the case paradigm in the monument of Mongolian translated literature of the 17—18th centuries “The Tale of the Prince Manibadra” // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2015, 3. P. 186—193.}

Музраева 2007 — Музраева Д. Н. О графической системе Тугмюда-гавджи (1887—1980) (на материале перевода «Сутры о мудрости и глупости») // Живой язык: Теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Материалы межд. научн. конф. Элиста, 2007. С. 94—95. {Muzraeva D. N. On the graphical system of Tugmud-gavji (1887—1980) (on the material of the translation of “The Sutra of the Wise and the Fool”) // Living language: Theoretical and sociocultural aspects of the functioning and development of modern Mongolian languages. Materials of the scientific conf. Elista, 2007. P. 94—95.}

Музраева 2008 — Музраева Д. Н. О лексических особенностях перевода тибетского сочинения «Сутра о мудрости и глупости», выполненного Тугмюд-гавджи // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России. Материалы общероссийской научной конференции (Элиста, 19—20 сентября 2007 г.). Элиста, 2008. С. 174—178. {Muzraeva D. N. On the lexical features of the translation of the Tibetan work “The Sutra of the Wise and the Fool”, carried out by Tugmud-gavji // On the Tendencies of Interaction and Interference of the Russian and National Languages in Modern Russia. Materials of the all-Russian scientific conference. Elista, 2008. P. 174—178.}

Музраева 2012 — Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы *Oülgurun dalai* «Моря притч») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012, 3. С. 167—185. {Muzraeva D. N. Experience of archaeographic description and textual analysis of the hand-written translation of Tugmud-gavji (based on the 6th chapter of “The Sea of Parables” (*Oülgurun dalai*)) // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2012, 3. P. 167—185.}

Музраева 2013 — Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII—XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста, 2013. {Muzraeva D. N. Tibetan-

Mongolian narrative literature of the 17th—18th centuries (Translated written monuments in Mongolian and Oirat languages). Elista, 2013.}

Музраева 2015 — *Музраева Д. Н.* К проблеме изучения языка письменных памятников конца XVI — XVIII вв. (на материале монгольских и ойратских переводов тибетской «Сутры о мудрости и глупости») // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский*. Т. XI. Ч. 3 / Сост. и ред. тома П. О. Рыкин. СПб., 2015. С. 259—273. {*Muzraeva D. N.* To the problem of studying the language of written monuments of the late 16 — 18th centuries (on the material of Mongolian and Oirat translations of the Tibetan “Sutra of the Wise and the Fool”) // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies of the RAS*. Т. XI. Part 3. St. Petersburg, 2015. P. 259—273.}

Мушаев 2005 — *Мушаев В. Н.* Структура и семантика калмыцкого предложения / Отв. ред. Д. Б. Дорджиева. Элиста, 2005. {*Mushaev V. N.* The Structure and Semantics of the Kalmyk sentence / Ed. D. B. Dordzhieva. Elista, 2005.}

Омакаева 1987 — *Омакаева Э. У.* Некоторые вопросы грамматики старописьменного монгольского и тибетского языков в сравнительном освещении // *Филологические исследования старописьменных памятников*. Элиста, 1987. С. 63—73. {*Omaeva E. U.* Some questions of the grammar of old-written Mongolian and Tibetan languages in comparative light // *Philological studies of old-written monuments*. Elista, 1987. P. 63—73.}

Орловская 2000 — *Орловская М. Н.* Язык монгольских текстов XIII—XIV вв. М., 2000. {*Orlovskaya M. N.* The language of Mongolian texts of the 13—14th centuries. Moscow, 2000.}

Орловская 2010 — *Орловская М. Н.* Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М., 2010. {*Orlovskaya M. N.* Essays on the grammar of the language of ancient Mongolian texts. Moscow, 2010.}

Очиров 1964 — *Очиров У. У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис / Отв. ред. Г. Д. Санжеев. Элиста, 1964. {*Ochirov U. U.* Grammar of the Kalmyk language. Syntax / Ed. G. D. Sanzheev. Elista, 1964.}

Парфионович 2007 — *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык / Отв. ред. Плам Ю. Я. Изд. 4-е, стереотип. М., 2007. {*Parphonovich Ju. M.* Tibetan written language / Ed. Plum Yu. Ya. 4th ed., stereotyped. Moscow, 2007.}

Пюрбеев 1979 — *Пюрбеев Г. Ц.* Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979. {*Purbeev G. Ts.* Types of complex sentences in Mongolian languages. Moscow, 1979.}

Пюрбеев 2010 — *Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис / Отв. ред. Т. А. Бертагаев. 2-е изд., перераб. Элиста, 2010. {*Purbeev G. Ts.* Grammar of the Kalmyk language. Syntax / Ed. T. A. Bertagayev. 2nd ed., revised. Elista, 2010.}

Рерих 1961 — *Рерих Ю. Н.* Тибетский язык. М., 1961. {*Rerich Ju. N.* The Tibetan language. Moscow, 1961.}

Ходж 1997 — *Ходж С.* Введение в классический тибетский язык / Пер. с англ. Б. М. Нармаева. СПб., 1997. {*Hodge S.* Introduction to classical Tibetan / Transl. from English by B. M. Narmaev. St. Petersburg, 1997.}

Цыбиков 1908 — *Цыбиков Г. Ц.* Пособие для тибетского языка. Ч. 1. Владивосток, 1908. {*Tsybikov G. Ts.* A manual for the Tibetan language. Part 1. Vladivostok, 1908.}

Шмидт 1839 — *Шмидт Я.* Грамматика тибетского языка. СПб., 1839. {*Schmidt Y.* Grammar of the Tibetan language. Saint Petersburg, 1839.}

Яхонтова 1986 — *Яхонтова Н. С.* Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // *Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884—1931*. М., 1986. С. 113—117. {*Yakhontova N. S.* The influence of the Tibetan language on the syntax of Oirat translations // *Mongolica. In memory of Academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov. 1884—1931*. Moscow, 1986. P. 113—117.}

Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII в. М., 1996. {*Yakhontova N. S.* Oirat literary language of the 17th century. М., 1996.}

Dag yig 1988 — *Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas. Merged yarqu-yin oron. Janggiy-a Isidanbirome jokiyaba. Jamiyantubden Joriyту kinaju tayilburilaba* // *Mongyol tulγur bičig-ün čuburil. — Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. Begejing*, 1988.

Dz — 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo ('Сутра о мудрости и глупости'). Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф—8 (Фонд редких рукописей). Описание 1. Ед. хр. 1. 172 л. (Поступил от О. М. Дорджиева). {'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo ('The Sutra of the Wise and the Fool'). Xylograph in the Tibetan language. — Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS. F—8 (Collection of Rare Manuscripts). Inventory No. 1. Unit 1. 172 fol. (Received from O. M. Dordzhiev)}.

OD — *Oülgurun dalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») — Научный архив КИГИ РАН. Ф—8 (Фонд редких рукописей). Описание 1. Ед. хр. 2. Тетради 1—4. 289 л. {*Oülgurun dalai* ('The Sea of Parables'). The manuscript in Oyrat "Clear Script" ('Todo bičiq') / The Author of Translaton — Tugmud-gavji. — Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS. F—8 (Collection of Rare Manuscripts). Inventory No. 1. Unit 2. 172 fol. Notebooks 1—4. 289 fol.}

Rákos 2002 — *Rákos A.* Written Oirat (Languages of the World, 418.) München, 2002.

**Аналитические формы цветообозначающей лексики
в современном башкирском языке
(на примере материалов электронных корпусов
прозы, фольклора и публицистики)**

Муратова Римма Талгатовна, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа); bairima@yandex.ru

Статья посвящена изучению аналитических форм цветообозначений в башкирском языке и выявлению особенностей их употребления в литературном языке и народно-разговорной речи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения данной группы цветообозначений с использованием новых достижений лингвистической науки, а именно возможности доступа к большому объему текстов, заключающих в себе почти все лексическое богатство башкирского языка. В качестве подобного материала выступили корпуса башкирского языка: корпус прозы, корпус фольклора, корпус публицистики, — а также другие интернет-ресурсы. Выявлено, что аналитическим способом в башкирском языке образуются лексемы, обозначающие цветовой тон, насыщенность, светлоту. В аналитической форме употребляются названия цветовых тонов следующего характера: два спектральных цвета (*кызғылт һары* ‘оранжевый’, *кызғылт кук* ‘фиолетовый’), оттенки, находящиеся между двумя основными спектрами (*йәшкелт зәңгәр* ‘зеленовато-голубой’, *һарғылт йәшел* ‘желтовато-зеленый’), оттенки спектральных, неспектральных и ахроматических цветов (*һарғылт көрән* ‘желтовато-коричневый’, *сейә кызыл* ‘вишневый’). Сочетанием двух и более слов также передаются такие признаки, как насыщенность цвета (*куйы кызыл* ‘густо-красный’, *тоноқ зәңгәр* ‘тускло-голубой’), светлота тона (*ақһыл зәңгәр* ‘светло-голубой’, *қарағускыл йәшел* ‘темно-зеленый’), пегий окрас (*һары ала* ‘желто-пегий’).

Ключевые слова: цветообозначения, башкирский язык, аналитические формы, корпуса башкирского языка

**ANALYTICAL FORMS OF COLOR-SIGNIFYING LEXEMES IN THE MODERN BASHKIR LANGUAGE
(ON MATERIALS OF ELECTRONIC CORPUS OF PROSE, FOLKLORE AND PUBLICISM)**

Rimma T. Muratova, Institute for History, Language and Literature,
Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences (Ufa); bairima@yandex.ru

The article is devoted to the study of analytical forms of color designations in the Bashkir language and the identification of the features of their use in the literary language and folk colloquial speech. The relevance of the research is due to the need to study this group of color designations using the new achievements of linguistic science, namely, the possibility of access to a large volume of texts that contain almost all the lexical richness of the Bashkir language. Corporuses of the Bashkir language were used as such material: the corpus of prose, the corpus of folklore, the corpus of publicism, and other Internet resources. It was revealed that the analytical method in the Bashkir language forms color designations by color tone, saturation, brightness. In the analytical form, the names of color tones of the following nature are used: two spectral colors (*qıdyılt hary* ‘orange’, *qıdyılt kık* ‘violet’), shades located between the two main spectra (*jäškelt zängär* ‘greenish blue’, *haryılt jäšel* ‘yellowish green’), shades of spectral, non-spectral and achromatic colors (*haryılt körän* ‘yellowish brown’, *sejä qıdıł* ‘cherry red’). A combination of two or more words also conveys such characteristics as color saturation (*qujı qıdıł* ‘thick red’, *tonoq zängär* ‘dull blue’), brightness of tone (*aqhıl zängär* ‘light blue’, *qarayusqıl jäšel* ‘dark green’), piebald color (*harı ala* ‘yellow piebald’).

Keywords: color terms, Bashkir language, analytical forms, corpus of the Bashkir language

1. Введение

В лингвистической науке класс цветообозначающей лексики исследуется довольно активно и в разных направлениях и аспектах: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, сопоставительном, когнитивном, функциональном, психолингвистическом, лингвокультурологическом и др. [Бахилина 1975; Вежбицкая 1996; Кезина 2008; Норманская 2005; Фрумкина 1984; Berlin, Kay 1969 и др.]. Названия цвета в тюркских языках рассматривались в работах этимологического, лексико-семантического, сравнительно-исторического, этнолингвистического, ономаσιологического плана [Габышева 2019; Кононов 1978; Саматов 2016; СИГТЯ 2001; ЭСТЯ 1974—2013 и др.]. Но следует отметить, что большинство работ было ориентировано на изучение цветообозначений, являющихся монологемными единицами, то есть основное внимание уделялось происхождению, развитию, семантике, функционированию в языке названий цвета, состоящих из одного слова. Однако, как известно, под термином «цветообозначения» имеются в виду не только базовые монологемы, но и наименования, образованные другими способами — например, аналитическим путем. Насколько известно, человеческий глаз способен различать около 30000 оттенков цветов, каждый из которых может быть назван конкретным словом или сочетанием слов [Медведев 2005: 18]. Для обозначения оттенков, а также выражения светлоты, насыщенности цвета человек, не прибегая к поиску или созданию «новых» слов, может употреблять сочетание двух или нескольких слов, т. е. образовать аналитические формы цветообозначений.

Образование цветообозначений аналитическим способом является распространенным явлением в тюркских языках. Но, несмотря на это, в тюркологии, в том числе в башкирском языкознании, аналитические формы цветообозначающей лексики не изучены: не установлено, какие характеристики цвета обозначаются сочетанием нескольких слов, не выявлены модели, по которым они могут образовываться, и т. д. В связи с этим цель данной статьи — изучить аналитические формы цветообозначений в башкирском языке, а именно: 1) установить, для обозначения каких физических свойств цвета применяются сложные конструкции; 2) выявить модели, по которым образуются аналитические формы; 3) определить закономерности функционирования аналитических форм цветообозначений в литературном языке и народно-разговорной речи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования данной группы цветообозначений с использованием новых достижений лингвистической науки, а именно возможности доступа к большому объему текстов из корпусов Машинного фонда башкирского языка, заключающих в себе практически все лексическое богатство башкирского языка. Новизна исследования состоит в том, что научное исследование проводится на основе сбора, обработки и анализа новых, ранее не изученных, данных. В качестве подобного материала выступили корпуса башкирского языка: корпус прозы, который на данный момент включает 1299 произведений (15193144 словоупотреблений), корпус фольклора, охватывающий 17950 образцов народного творчества (11994647 словоупотреблений), корпус публицистики, состоящий из 24466 статей (855870 словоупотреблений) [КБЯФ, КБЯПр, КБЯПубл], а также другие интернет-ресурсы. Следует отметить, что в вышеназванных корпусах башкирского языка имеется функция поиска комбинаций слов, что и позволяет находить цветообозначения, состоящие из нескольких компонентов. Для изучения представленности аналитических форм в лексикографических трудах использовались толковые, терминологические, двуязычные словари, включенные в лексикографическую базу машинного фонда башкирского языка [МФБЛ], а также многотомный «Академический словарь башкирского языка», в который отдельными словарными статьями включены имеющие одно устоявшееся значение словосочетания или словесные комплексы, в том числе и цветообозначения [АСБЯ 2011—2018]. Для поиска аналогичных аналитических форм в других тюркских языках использовались лексикографические труды и электронные корпуса тюркских языков [АККЯ, БРТС 2009, КРС 1958, ПКТЯ, РАС 1964, РКС 1967, РХС 1961, РЧС 2002, РЯС 1968, ТНК ТТ, ТРС 1968, ТРС 1977, ТРС 2007, УРС 1968, ЧРС 1985, ЭКХЯ].

2. Аналитические формы цветообозначений в башкирском языке

Аналитические формы цветообозначений встречаются еще в древнетюркских памятниках. В текстах из Турфана (Восточный Туркестан), написанных уйгурским письмом в VIII—XI вв., слово *al*, кроме использования в значении ‘алый’, употребляется в составе аналитического цветообозначения для выражения оранжевого цвета: *al sariy* ‘оранжевый (о планете, букв. ‘красно-желтый’) [ДТС: 32]. Также в древних источниках широко представлена превосходная степень прилагательных цветообозначений, образованная аналитическим путем (частица + цветообозначение). Например, формы *ap aq* ‘совершенно белый’, *qap qara* ‘совершенно черный’, *sap sariy* ‘совершенно желтый’ встречаются в текстах, написанных уйгурским и манихейским письмом (V—XIV вв.), в словаре М. Кашгари (XI в.), в поэме «Кутадгу Билиг»

Ю. Баласагуни (XI в.): *kün tәһri jaruqı qar qara közünür* ‘свет Солнца-божества покажется черным-пречерным’ («Алтун ярук», X в.) [ДТС: 422], *anuñ başı soyuqtın ap aq turur* ‘ее вершина от холода белея-пребелая’ («Легенда об Огуз-Кагане», XIII в.) [ДТС: 48]. У Кашгари также представлены цветообозначения, образованные путем удвоения: *sariy suriy* ‘нарн. желтый’, *jaşil juşul* ‘нарн. зеленый’ [ДТС: 246, 488]. В лексикографических работах конца XIX — нач. XX вв. зафиксировано множество аналитических форм прилагательных-цветообозначений: *şayır kük* ‘лазоревый’, *qizilsu kük* ‘багровый’, *qizil qara* ‘темно-красный, карий’, *açiq qizil* ‘ярко-красный’, *al qizil* ‘пунцовый’ [Будагов 1869: 76; 1871: 55, 157], *açiq zäñgär* ‘светло-голубой’, *quji zäñgär* ‘темно-голубой’ [Радлов 1911: 886—887]. В словарях башкирского языка XX в. аналитические формы цветообозначений представлены внутри словарных статей: *al кызыл* ‘розово-красный’, *куйы кызыл* ‘темно-красный, багровый’, *зәңгәр күк* ‘лазурный, небесно-голубой’, *кара күк* ‘темно-синий’, *карагускыл күк* ‘сизый’, *кызыл күк* ‘фиолетовый’, *тимер күк* ‘стальной’, *сейә көрән* ‘темно-вишневый, бордовый’, *һары көрән* ‘рыжевато-бурый, ржавый’, *кан ерән* ‘медно-красный’, *кола ерән* ‘булано-рыжий’, *сағыу ерән* ‘ярко-рыжий’ и др. [МФБЛ]. В «Академическом словаре башкирского языка» некоторые цветообозначения, образованные аналитическим способом, представлены отдельной словарной статьей, например, выделены такие лексические единицы, как *кызғылт һары* ‘оранжевый’, *кан кызыл* ‘кроваво-красный, кровавый’, *карагускыл кызыл* ‘пурпурный’, *кызғылт көрән* ‘красно-бурый’ и др. [АСБЯ]. Наиболее полную картину функционирования подобных единиц можно увидеть в текстах произведений прозы, публицистики, фольклора. Так, в башкирском народном эпосе встречается пример использования названия оттенка соловой масти лошади, представленный выражением *балауыз төслө һары* ‘цвета воска соловый’:

*Иртән дә тороп караһам, ти,
Аралап йөрөп байкаһам, ти,
Мундаһы бейек күк ат юк, ти,
Алма ла сыбар дүнән юк, ти.
Карлугас бот кара ат юк, ти,
Балауыз төслө һары ат юк* («Акһак кола» эпосы) [КБЯФ].

‘Утром встав, посмотрел я,
Кругом походив, осмотрел я,
С холкой высокой сивого коня нет,
В яблоках пестрого жеребца по четвертому году нет.
С ласточкиными бедрами вороного коня нет,
Цвета воска солового коня нет’ (Эпос «Хромой саврасый»).

Если в фольклоре в основном фиксируется народное миропредставление, в публицистике и прозе может отражаться как национальное мировосприятие цвета (например, *кымыз кеүек ак* ‘белый, как кумыс’), так и авторское видение мира в использовании цветообозначений (например, *бохар бесәйе кеүек ерән* ‘рыжая, как бухарская кошка’) [КБЯПр].

Проанализировав собранный из текстов корпусов материал по цветообозначениям, мы выявили, что аналитические формы образуются в следующих случаях: а) для обозначения цветовых тонов и их оттенков, б) для передачи насыщенности, в) для обозначения яркости, светлоты тона, г) для передачи различных сочетаний пегого окраса.

2.1. Цветовой тон

Основным физическим параметром цвета является цветовой тон. Цветовому тону в физике соответствует понятие длины волны [Шиффман 2003: 195]: цветовой тон — это длина волны образующего цвет отраженного света. Любой хроматический цвет может быть отнесен к какому-либо определенному положению в цветовом спектре. Если цвет имеет узнаваемый спектральный тон, мы воспринимаем его как, скажем, синий, зеленый, желтый или красный. Именно тон определяет название цвета, например, «красный», «синий», «зеленый». Как мы знаем, семь спектральных цветов — это семь ключевых цветов спектра (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый). Кроме спектральных цветов, цветовой тон имеют неспектральные цвета — ахроматические (черный, белый, серый), коричневый, розовый, пурпурные цвета.

Каждый цветовой тон может иметь множество оттенков. Цветовые тона, их оттенки могут передаваться как моноксемами, так и аналитическими выражениями. В башкирском языке, например, моноксемами выражены названия следующих хроматических, неспектральных и ахроматических цветов:

кызыл ‘красный’ (< ПТю. **Kiř-il*), *һары* ‘желтый’ (< ПТю. **siāriḡ*), *йәшел* ‘зеленый’ (< ПТю. **jāl-il*), *зәңгәр* ‘голубой’ (< перс. زنگار ‘ярь-медянка; ржавчина’ или زنگاری ‘желто-зеленый’), *күк* ‘синий’ (< ПТю. **gōk*), *кара* ‘черный’ (< ПТю. **Kara*), *ак* ‘белый’ (< ПТю. *(i)a:q), *һоро* ‘серый’ (< ПТю. **sūr*), *ал* ‘розовый, алый’ (< ПТю. **Al*), *ерән* ‘рыжий’ (< ПТю. **jəgre-n*), *көрән* ‘коричневый’ (< ПТю. **Küren*), *куңыр* ‘бурый’ (< ПТю. **Коңур*), а также сочетания цветов *сыбар* ‘пестрый’ (< ПТю. **čorur*), *ала* ‘пегий’ (< ПТю. **āla*).

Рассмотрим цветообозначения в башкирском языке, образованные аналитическим способом, выражающие цветовые тона и их оттенки.

2.1.1. Спектральные цвета. В башкирском языке названия пяти спектральных цветов образованы монолексемами: *кызыл* ‘красный’, *һары* ‘желтый’, *йәшел* ‘зеленый’, *зәңгәр* ‘голубой’, *күк* ‘синий’. Аналитическим способом образуются два цвета: оранжевый и фиолетовый.

Оранжевый цвет — второй цвет спектра, находящийся между красным и желтым. В тюркских языках нет специальной монолексема для оранжевого цвета, так как для тюрков этот участок спектра — это желтый цвет с красным оттенком или красный с желтым оттенком. В разговорно-народном языке башкир оранжевый цвет может обозначаться лексемами *һары* ‘желтый’ или *кызыл* ‘красный’. В литературном башкирском языке этот участок спектра обозначен сочетанием слов *кызғылт һары* ‘оранжевый’ (букв. ‘красновато-желтый’). В разговорном языке могут встречаться варианты *кызыл һары* (букв. ‘красно-желтый’), *һарғылт (һары) кызыл* ‘букв. желт(оват)о-красный’. По местоположению цветообозначений *һары* и *кызыл* в составе словосочетания можно предположить, что сочетание *һары (һарғылт) кызыл* ‘букв. желт(оват)о-красный’ называет красноватый оттенок оранжевого, а названием *кызғылт (кызыл) һары* ‘букв. красн(оват)о-желтый’ обозначается близкий к желтому спектру участок диапазона оранжевого цвета. В словарях также представлены такие варианты, как *әфлисун төсөндәге* (букв. ‘цвета апельсина’), диалектная форма *сыскак һары* (букв. ‘«поносный» желтый’), книжная форма *хәнәүәт* (< араб. حنة ‘хна’) [МФБЛ].

В художественных произведениях и публицистике для обозначения оранжевого цвета встречаются все варианты сочетаний *кызыл* и *һары*: *кызғылт (кызыл) һары*, *һарғылт (һары) кызыл*, например: *Аз күктә йондоҙҙар, аяҡ астына кызғылт һары япрактар һибелгән* ‘В ясном небе — звезды, под ногами расстелены **оранжевые** (букв. красновато-желтые) листья’. С. Агиш [КБЯПр]. *Ана, һарғылт кызыл йәңлек һузылып кына китеп бара. Төлкө икән* ‘Вон медленно идет **желтовато-красный** зверь. Лиса, оказывается’. Ф. Тугузбаева [https://wikisource.org/wiki/Ва/Батыр_уйлана...].

Сочетание *әфлисун төсөндәге* не является устойчивым выражением — его можно отнести к авторскому употреблению: *Кыз ... стена буйына һыйынған әфлисун төсөндәге шаян, сағыу диванга һоро тап булып килеп терәлдә* ‘Девушка ... прислонилась к веселому, яркому дивану **оранжевого** (апельсинового) **цвета**, стоявшему у стены’. Г. Гизатуллина [КБЯПр]. Названия *сыскак һары* и *хәнәүәт* не встречаются в художественных произведениях, так как *сыскак һары* является диалектно-разговорным вариантом, а *хәнәүәт* — книжным. Но следует отметить, что в последние годы слово *хәнәүәт* начинает проникать в язык публицистики, хотя в живой речи оно не употребляется, что связано со стремлением авторов к использованию монолексем или же с попыткой внедрения в обиход однословных терминов периодическими изданиями: *Ә зәңгәр бәрхәттән тегелгән камзулды хәнәүәт, йәшел, һандал төстәрҙәге ебәк менән нағышлагандар* ‘Камзол, сшитый из голубого бархата, вышивали шелком **оранжевого**, зеленого, сандалового цветов’ [<http://kitaplong.ru/kamzul-bash>].

Итак, отсутствие монолексема для оранжевого цвета в башкирском языке порождает вариативность в употреблении названий: в литературном языке принято название *кызғылт һары*, в публицистике наблюдается тенденция к использованию монолексема — книжной формы *хәнәүәт*, заимствованной из арабского, в художественной литературе для уточнения цветового тона прибегают к сравнению с эталоном — *әфлисун төсөндәге* ‘букв. цвета апельсина’, в народно-разговорной речи бытуют названия *һары* ‘желтый’, *кызыл* ‘красный’, *сыскак һары* ‘букв. “поносный” желтый’, *һары (һарғылт) кызыл* ‘желт(оват)о-красный’, *кызыл һары* ‘красновато-желтый’.

В других тюркских языках оранжевый также обозначается как желто-красный или красно-желтый цвет: калп. *qizyilt sari* ‘букв. красновато-желтый’ [PKC 1967: 581], алт. *kizil-sari* ‘букв. красно-желтый’ [PAC 1964: 414], уйг. *qizguč seriq* ‘букв. красновато-желтый’ [URC 1968: 625], тув. *kizil-sariḡ* ‘букв. красно-желтый’ [TRC 1968], чув. *xěrlérex sarä* ‘букв. красновато-желтый’ [PЧC 2002: 307].

Фиолетовый — седьмой цвет спектра, в цветовом круге находится между синим и красным. В словарях башкирского языка фиолетовый цвет представлен словами и выражениями *кызыл күк* ‘букв. красно-синий’, *көрән күк* ‘букв. коричнево-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’, *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’, *шәмәхә* (< перс. شماخی ‘цвет шемаханских шелковых тканей’ < ‘сделанный в г. Шамахи’).

В диалектах используется слово *көрән*, которое в литературном языке обозначает ‘коричневый’. Из вышеназванных лексических единиц сочетание *миләүшә төс* (букв. ‘цвета фиалки’) встречается только в публицистике. Примеров использования словосочетаний *көрән күк*, *зәңгәр күк* в значении ‘фиолетовый’ в рассмотренных нами источниках (корпуса башкирской прозы, публицистики, фольклора) не обнаружено. В художественных произведениях и публицистике доминирует слово *шәмәхә*: *Әгәр олоноң киҫелгән урынына йод һөртһән, уның [ағастың] үзәге зәңгәр йәки шәмәхә төскә инә* ‘Если намазать йод на поперечный разрез ствола, то сердцевина дерева окрасится в голубой или **фиолетовый** цвет’. Газета “Башкортостан”. 03.05.2016 [<http://bash.bashgazel.ru/obshestvo/22284-nilektn-shulay.html>]. Так как слово *шәмәхә* является заимствованием и книжным вариантом, оно не встречается в народно-разговорной речи, в которой для этого цветообозначения используется сочетание *кызыл күк*. Присутствие в цветообозначении названий красного и синего цветов кажется закономерным, так как фиолетовый в цветовом круге находится в промежутке между этими цветами. Употребление сочетания *кызыл күк* отмечается и в прозе: *Сөгәлдөр кеүек кызыл күк төскә ингән аяктарын үзенең шинель салгыһылары менән ураны* ‘Ноги дочери, ставшие **фиолетовыми**, как свекла, он укутал полами шинели’. З. Бишева [КБЯПр].

Название фиолетового цвета в башкирском, как и в случае оранжевого, характеризуется вариативностью: в литературном языке принято название *шәмәхә*, заимствованное из персидского, в публицистике употребляется название эталона цвета — *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’, в народно-разговорной речи встречаются названия *кызыл (кызылт) күк* (букв. ‘красн(оват)о-синий’), *көрән күк* (букв. ‘коричнево-синий’), *зәңгәр күк* (букв. ‘голубовато-синий’).

В словарях других тюркских языков фиолетовый цвет также обозначается как оттенок красного или синего: калп. *qizyilt kök* (букв. ‘красновато-синий’) [PKC 1967: 1069], алт. *kök qizil* (букв. ‘синеовато-красный’) [РАС 1964: 812], хак. *xizamdix kök* (букв. ‘красновато-синий’) [РХС 1961: 908], як. *kitaran köstör küöx* (букв. ‘красновато-синий’) [РЯС 1968: 679], чув. *xärlä-kävak* (букв. ‘красновато-синий’) [РЧС 2002: 460].

Анализ названий для оранжевого и фиолетового цветов показывает, что отсутствие монолексем для основных цветов спектра в литературном языке и публицистике привело к использованию заимствованных лексем, но, несмотря на это, они не закрепились в народно-разговорной речи, так как в миропредставлении народа эти цвета воспринимаются скорее как оттеночные.

2.1.2. Межспектральные (переходные) оттенки цветов. Между двумя соседними участками спектра бывают промежуточные оттенки, которые близки к одному или другому участку. Названия таких оттенков образуются сочетанием названий двух соседних участков: *йәшкелт һары* ‘зеленоовато-желтый’, *һарғылт йәшел* ‘желтовато-зеленый’, *йәшкелт зәңгәр* ‘зеленоовато-голубой’, *зәңгәрһыу йәшел* ‘голубовато-зеленый’, *күкһел йәшел* ‘синеовато-зеленый’, *күгәйем һарғылт* ‘синеовато-желтый’. В произведениях литературы и публицистике имеется множество примеров употребления таких названий: *Кәзриә капкара каштары астында тағы ла асығырак күренгән йәшкелт һары күззәрен өләсәһенең нуры кайткан карашына төбәне* ‘**Зеленоовато-желтые** глаза Кадрии, которые под черными-пречерными бровями выглядели еще светлее, были направлены на потухший взгляд бабушки’. Т. Гарипова [КБЯПр]. *Рәилдең йәшкелт зәңгәр күззәре шар булды* ‘Раиль вытаращил свои **зеленоовато-голубые** глаза’ [<https://shonkar.rbsmi.ru/news/Yu-arginan-as-is-birel-147884/>]. В других тюркских языках они также широко представлены в различных текстах: тат. *зәңгәр күк* ‘васильковый’ (букв. ‘голубовато-синий’) [ТРС 2007], каз. *kök-җәsil* ‘сине-зеленый’ [АККЯ], чув. *simës-kävak* ‘зеленоовато-голубой, сизый’ [ЧРС 1985].

2.1.3. Неспектральные цвета не входят в цветовой спектр и находятся за пределами кривой спектра. К таким относятся ахроматические цвета (белый, черный, серый), цвета, смешанные с ахроматическими цветами (например: розовый, как смесь красного с белым, сиреневый, образованный в результате смешения фиолетового и белого), коричневые и пурпурные цвета. Как правило, для неспектральных цветов в башкирском языке имеются монолексемы: *кара* ‘черный’, *ак* ‘белый’, *һоро* ‘серый’, *көрән* ‘коричневый’, *куңыр* ‘бурый’, *ал / алһыу* ‘розовый’. Аналитическим способом образуются названия лишь их оттенков, например: *һарғылт көрән* ‘желтовато-коричневый’, *кызылт көрән* ‘красновато-коричневый’. В современных текстах такие названия встречаются повсеместно: *Калкыулык шунда ук һарғылт көрән төс менән капланды* ‘Возвышенность тут же покрылась желтовато-коричневым цветом’. Р. Ханнанов [КБЯПр]. *Куңыр күзләргә көз көнө ирендәрен кызылт көрән төскә буйарга мөмкин* ‘Осенью кареглазым можно красить губы в **красновато-коричневый** цвет’ [<https://shonkar.rbsmi.ru/articles/tabip-m-y-sh-igen-buyauy-dy-k-r-t-kemlege-de-ytermen/>]. Ср. в других тюркских языках: тат. *kizil körän* ‘ржавый’ (букв. ‘красно-коричневый’), чув. *sarä-xämär* ‘табачный’ (букв. ‘желто-коричневый’).

2.1.4. Оттенки цветов. Спектральные цвета имеют множество оттенков. Для уточнения и передачи этих оттенков используются сочетание с названием эталона оттенка или сравнительные конструкции. Образование названий в башкирском языке происходит следующими способами:

а) сущ. (= название эталона цветового оттенка) + цветообозначение (далее — ЦО): *балауыз һары* ‘палевый’ (букв. ‘желтый, как воск’), *кан кызыл* ‘крово-красный’ (букв. ‘красный, как кровь’), *сейә кызыл* ‘вишневый’ (букв. ‘красный, как вишня’), *бурлат кызыл* ‘темно-красный, ярко-красный, кумачовый’ (букв. ‘красный, как кумач’), *тимер күк* ‘стальной’ (букв. ‘синий, как железо [сталь]’);

б) сущ. (= название эталона цветового оттенка) + показатель сравнения (аффикс *-Тай* / послелог *кеүек / төслө / һымак*) + ЦО: *һөттәй ак* ‘белый, как молоко’, *муйылдай кара* ‘черный, как черемуха’, *балауыз төслө һары* ‘желтый, как воск’;

в) ЦО + сущ. (= название эталона цветового оттенка) + *төсөндәге* ‘цвета’: *зәңгәр күк төсөндәге* ‘цвета голубого неба’, *күк болот төсөндәге* ‘цвета синего облака’;

г) сущ. (= название эталона цветового оттенка) + *төсөндәге*: *күксин төсөндәге* ‘сиреневый’ (букв. ‘цвета сирени’), *һалам төсөндәге* ‘соломенный (цвет)’ (букв. ‘цвета соломы’), *сейә төсөндәге* ‘вишневый’ (букв. ‘цвета вишни’), *көл төсөндәге* ‘пепельный’ (букв. ‘цвета золы’), *әберсә төсөндәге* ‘малиновый’ (букв. ‘цвета малины’).

Следует отметить, что некоторые из вышеперечисленных названий могут обозначать не столько оттенок, сколько насыщенность цвета, эталон. Об этом см. ниже пункт 2.2.2.

Далее представим примеры употребления аналитических форм цветообозначений по данным корпусов прозы и публицистики с перечислением предметов и субстанций, с которыми они идентифицируются. Здесь следует отметить, что большинство сравнений характерно для народного языка и отражает древнее мировосприятие башкир, а некоторые сочетания можно отнести к индивидуально-авторскому употреблению, которое передает видение мира писателя. Есть такие, которые, изначально будучи авторскими, в дальнейшем получили широкое распространение в языке.

Кызыл ‘красный’. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами *кан* ‘кровь’, *ут* ‘огонь’, *ялкын* ‘пламя’, *бакыр* ‘медь’, *сөгәлдәр* ‘свекла’, *сейә* ‘вишня’, *этәс кикреге* ‘гребень петуха’: *Кан төслө кызыл кайма бөркәнгән офок сите* ‘Горизонт окрасился **крово-красной** каймой’. Я. Валиев; *Йәш катындың сейә кеүек кызыл ирендәренә йылмайыу ятты* ‘На **вишнево-красных** губах молодой женщины появилась улыбка’. И. Гиззатуллин [КБЯПр].

Һары ‘желтый’. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами *гәрәбә* ‘янтарь’, *балауыз* ‘воск’, *алтын* ‘золото’, *зәғфран* ‘шафран’, *арыш һаламы* ‘ржаная солома’, *етен* ‘лен’, *үлек* ‘мертвец’, *кояш* ‘солнце’, *бәпкә йөнө* ‘пушок гусенка / утенка’, *мунсала* ‘мочалка’, *көнбағыш сәскәһе* ‘цветок подсолнуха’: *Карагайлытау, Кайынлыкүл итәгендә балауыз кеүек һары зур-зур һалам өйөмдәре тезелеп китте* ‘На склонах гор Карагайлытау и Кайынлыкүль выстроились в ряд ометы **желтый, как воск**, соломы’. Г. Лукманов; *Бәләкәс кенә буйлы, эре һипкелле, етен кеүек һары сәсле малай ул* ‘Он мальчик маленького роста, с крупными веснушками, с **желтыми, как лен**, волосами’. Р. Габдрахманов [КБЯПр].

Йәшел ‘зеленый’. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами *бесән* ‘сено’, *хәтфә* ‘плюш, бархат’, *ер шары* ‘земной шар’, *үлән* ‘трава’, *үт* ‘желчь’: *Урам хәтфә кеүек йәшел үләнгә күмелгән, ысык әле кибеп етмәгән, көмөш кеүек ялтырап ята* ‘Улица покрылась **зеленой, как бархат**, травой, роса еще не высохла и блестит как серебро’. Т. Хайбуллин; *Армияга килгәс тә, энәнән ептән генә сыккан йәшел гимнастерка, үлән төслө йәшел салбарзарзы, өр-яңы шинелде, шығырлап торған итектәрзе кыуана-кыуана кейенеп алдым* ‘Как только пришел в армию, с радостью надел новую зеленую гимнастерку, **зеленые, как трава, штаны**, скрипучие сапоги’. Г. Давлетшин [КБЯПр].

Зәңгәр ‘голубой’. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами *күк йөзө* ‘небо, небосвод’, *язгы күк* ‘весеннее небо’, *май күге* ‘майское небо’, *фәйрузә ташы* ‘бирюза’, *күк сәскә* ‘василек’: *Рәшизә был төндө кызыклы төш күрзе: йәшел урман ситендә гүзәл камыштар менән уратылып алынган, күк йөзө һымак зәңгәр күл, куйы япраклы ағастар араһында һандугастар һайрай, кәкүк сакыра* ‘Рашиде в эту ночь приснился интересный сон: на опушке зеленого леса **голубое, как небо**, озеро, окруженное прекрасными камышами, на деревьях поют соловьи, зовет кукушка’. Г. Аллаяров [КБЯПр].

Күк ‘синий’. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами *зөбәржәт* ‘изумруд’, *тимер* ‘железо, сталь’, *йәшен уты* ‘молния’, *күгәрсен* ‘голубь’: *Өстөнә күгәрсен төсөндәге күк күлдәгән кейгән, муйынына парсалы косынка бәйләгән* ‘На ней **синее, как цвет голубя**, платье, на шею парчовая косынка’. Х. Зарипов [КБЯПр].

Ак ‘белый, седой’. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами *һөт* ‘молоко’, *кағыз* ‘бумага’, *кар* ‘снег’, *ыңйы* ‘жемчуг’, *етен* ‘лен’, *шалкан* ‘репа’, *аккош* ‘лебедь’, *сынаяк* ‘чашка’,

мамьк 'вата', кырау 'иней', көмөш 'серебро', шәкәр 'сахар', кершән 'крем', гәүһәр 'бриллиант', сылгаулык 'портяночный материал', тастамаллык 'материал для полотенца', яулык 'платок', сепрәк 'ткань', балан сәскәһе 'цветок калины', сейә сәскәһе 'цветок вишни', кымыз 'кумыс', тоз 'соль': Тәүге һүз кар кеүек ак сәсле, ак кашлы генералга бирелде 'Первым слово дали генералу с белыми, как снег, волосами, белыми бровями'. И. Абдуллин; Сафура был һөйкөмлө, илгәзәк бикәсенең былай йомшак шаяртыуына каршы, үзенең тезеп куйган **ыңйы кеүек ак тештәрен күрһәткәнсе, асык йылмайзы** 'Сафура улыбнулась в ответ младшей золовке, показывая свои **белые, как жемчуг, зубы**'. Х. Давлетшина [КБЯПр].

Кара 'черный'. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами күмер 'уголь', күмер қиҫәктәре 'куски угля', ысмала 'смола', мазут 'мазут', суйын 'чугун', кәстрүл төбө 'дно кастрюли', муйыл 'черемуха', төн 'ночь', көзгө төн 'осенняя ночь', эңер 'вечерняя заря, кургаиш 'свинец', негр 'негр': Береһе язғы күк кеүек зәңгәр, икенсеһе **муйыл кеүек кара** күзле, мыкты кәүзәле һомгол был ике егет тә, күрәһең, калага шундай ук яңы, якты төс өстәүселәрҙер 'Один — с голубыми, как весеннее небо, другой — с **черными, как черемуха**, глазами, крепкого телосложения два парня, кажется, являются теми, которые добавляют в облик города такой же новый, светлый колорит'. З. Бишева; Барыйзың бите **күмер кеүек кара** көйгән, тештәре шартлап онталырлык булып кысылған, күзҙәре саткы кеүек утлангайны 'Лицо Барыя стало **черным, как сажа**, зубы сжаты, глаза загорелись как искры'. Р. Габдрахманов [КБЯПр].

Һоро 'серый'. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами көл 'зола', кургаиш 'свинец', томан 'туман': Санага һалған сакта Рәкип атаһынан кала иң яҡын кешеһенең йөзөнә төбәлдә, үсмерҙәгә генә хас бер катлылык, ихласлык менән күмер һызаттары һымак ярылып ятқан тәрән һырлы маңдайынан, тупракка укмашкан, **һоро күмер төсөндәй** сәстәренән, бынан нисә сәгәт элек кенә ер йөрәгенә тимер сөй каккан услаптай кулдарынан тотоп караны 'Ракип взглянул на самого близкого человека после отца, с подростковой наивностью потрогал его морщинистый лоб, **цвета серого угля** волосы, большие руки'. Р. Низамов; Йортка инеү менән, уң якта, күп ямғырҙарҙы, карҙарҙы башынан үткәргән, такта түбәһе мүкләнгән, стеналары **көл һымак һоро төскә** инеп нык иҫкергән куш өй 'Во дворе справа дом, дощатая крыша которого пережила много дождя, снега и обросла мхом, а стены стали **серыми, как зола**'. А. Карнай [КБЯПр].

Ерән 'рыжий'. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами бакыр 'медь', кан 'кровь', ут 'огонь', һөлөк 'пиявка', бохар бесәйе 'бухарский кот': Директор уның бүрке астынан калын булып, кабарып сығып торған **бакыр һымак ерән** сәсенә, өзлөкһөз йылмайып торған кызғылт һары йөзөнә карап та өлгөрмәне, егет һүзгә кереште 'Не успел директор взглянуть на его торчащие из-под шапки **рыжие, как медь**, пышные волосы, постоянно улыбающееся красновато-желтое лицо, как парень начал разговор'. А. Вали; Ә кипкән тарамышка окшаиш арык Васяның **ут төслө ерән** сәсе, яңы йүкәнән яһалған бумала төслө, төрлө якка сусайып тора '**Рыжие, как огонь**, волосы Васи, как кисть из свежего лыка, торчат в разные стороны'. Х. Мухтар [КБЯПр].

Куңыр 'бурый'. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами: гәрәбә 'янтарь', дәмһәргән күк 'мрачное небо': Дим, үзенең **дәмһәргән күк төсөндәге куңыр** һыулары менән ярҙарын ялай-ялай, алға ашқына 'Река Дема рвется вперед, омывая берега своими **бурого, как помрачневшее небо, цвета** водами'. М. Ямалитдинов [КБЯПр].

Ал / алһыу 'розовый, алый'. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами: кояиш 'солнце', тау сейәһе 'горная вишня', бешкән алма 'спелое яблоко', бешеп еткән еләк 'спелая ягода', йыуаса 'лепешка', ялкын 'пламя': Зилараның **бешкән алма кеүек алһыу**, матур йөзөндә нур балкып китте 'У Зилары засияло красивое, **алое, как спелое яблоко**, лицо'. Х. Зарипов [КБЯПр].

В вышеперечисленных сравнительных конструкциях в сочетании с объектом сравнения присутствует и название цветообозначения. Но встречаются и такие модели сравнения, в которых название цветообозначения не упоминается. В текстах из корпусов нами обнаружены такие сравнения, как һалам төсөндәге 'цвета соломы', һазлык төсөндәге 'цвета болота, болотный', горчица төсөндәге 'цвета горчицы, горчичный', сейә төсөндәге 'цвета вишни, вишневый', бронза төсөндәге 'цвета бронзы, бронзовый', кан төсөндәге 'цвета крови', кирбес төсөндәге 'цвета кирпича, кирпичный', шоколад төсөндәге 'цвета шоколада, шоколадный', әфлисун төсөндәге 'цвета апельсина, апельсиновый', зөбәржәт төсөндәге 'цвета изумруда, изумрудный', күк төсөндәге 'цвета неба', көл төсөндәге 'цвета золы, пепельный', әберсә төсөндәге 'цвета малины, малиновый', арыш төсөндәге 'цвета ржи', имән үзгә төсөндәге 'цвета сердцевины дуба', диңгез төсөндәге 'цвета моря', түшиәк төсөндәге 'цвета постельных принадлежностей', кылған төсөндәге 'цвета ковыли', ез төсөндәге 'цвета латуни', торна төсөндәге 'цвета журавля', ут төсөндәге 'цвета огня', етен төсөндәге 'цвета льна', бакыр төсөндәге 'цвета меди', алтын төсөндәге 'цвета золота, золотистый', көмөш төсөндәге 'цвета серебра, серебристый', һөт

төсөндәге ‘цвета молока, молочный’, *фэйрүзә төсөндәге* ‘цвета бирюзы, бирюзовый’, *казан төсөндәге* ‘цвета котла’: *Сыбар салбар һәм сәскәле күлдәк кейгән Радмир акһыл йөзлө, һарғылт сәсле, сирень төсөндәге күлдәкле кызыкай — исеме уның Лариса — тирәһендә әйләнә* ‘Одетый в пестрые штаны и цветастую рубашку Радмир крутится вокруг Ларисы — светлолицей, русоволосой девушки в платье цвета сирени’. Р. Байбулатов; *Өстөндә әберсә төсөндәге яңы күлдәк, бохар тукымаһынан тегелгән әзрәс камзул, башында кама бүрек, түштә — көмөш тәңкәләре сыңлап торған һакал* ‘На ней новое платье цвета малины, адресовый камзол, сшитый из бухарской ткани, на голове — выдровая шапка, на груди — хакал (нагрудное украшение) со звенящими серебряными монетами’. Г. Ибраһимов [КБЯПр].

Примеры показывают, что в сравнительных конструкциях используются названия явлений, предметов, которые можно было бы объединить в следующие лексико-семантические группы: металлы, камни минерального и органического происхождения (*алтын* ‘золото’, *көмөш* ‘серебро’, *бакыр* ‘медь’, *тимер* ‘железо, сталь’, *курғаш* ‘свинец’, *фэйрүзә* ‘бирюза’, *гәрәбә* ‘янтарь’, *ыңйы* ‘жемчуг’, *гәүһәр* ‘бриллиант’), явления погоды (*болот* ‘туча’, *кар* ‘снег’, *томан* ‘туман’, *йәшен уты* ‘молния’, *кояш* ‘солнце’), время суток (*төн* ‘ночь’, *көн* ‘день’, *әңер* ‘вечерняя заря’), пища, продукты, еда (*һөт* ‘молоко’, *шәкәр* ‘сахар’, *кымыз* ‘кумыс’, *йыуаса* ‘лепешка’), растения, травы (*етен* ‘лен’, *үлән* ‘травы’, *күк сәскә* ‘василек’, *балан сәскәһе* ‘цветок калины’, *сейә сәскәһе* ‘цветок вишни’, *зәғфран* ‘шафран’, *көнбағыш сәскәһе* ‘цветок подсолнуха’), овощи, фрукты, плоды (*сөгәлдөр* ‘свекла’, *кишер* ‘морковь’, *сейә* ‘вишня’, *муйыл* ‘черемуха’, *еләк* ‘ягода’), животные, птицы (*күгәрсен* ‘голубь’, *һөлөк* ‘пиявка’, *әтәс кикреге* ‘ребень петуха’, *бәпкә йөнө* ‘пушок гусенка / утенка’), стихия огня и связанные с ним предметы и явления (*ут* ‘огонь’, *ялкын* ‘пламя’, *көл* ‘зола, пепел’, *күмер* ‘уголь’, *кором* ‘сажа’), предметы быта (*таштамал* ‘полотенце’, *түшәк* ‘постель’, *казан* ‘казан’, *кәстрүл төбө* ‘дно кастрюли’, *мунсала* ‘мочалка’), анатомическая лексика (*үт* ‘желчь’, *кан* ‘кровь’), корм для скота (*һалам* ‘солома’, *бесән* ‘сено’) и другие (*үлек* ‘мертвец’).

Как видно из анализируемого материала, эталоны, применяемые для сравнения цвета, отражают прежде всего специфику окружающей среды, образа жизни, хозяйства, быта и др.

Для других тюркских языков также характерно образование аналитических форм цветообозначений путем сравнения и идентификации с объектом сравнения: тур. *tütün renginde* ‘табачный’ (букв. ‘цвета дыма’) [БРТС 2009: 520], чув. *ulām tēsle* ‘соломенный’ (букв. ‘цвета соломы’), тат. *Йөзе зәғфран кебек сары, кан әсәре калмаган* ‘Лицо желтое, как шафран, в нем ни кровинки’. Г. Апсалямов [ТНК ТТ].

2.2. Насыщенность, глубина

Насыщенность (saturation) — это интенсивность определенного тона, то есть степень визуального отличия хроматического цвета от равного по светлоте ахроматического (серого) цвета. Насыщенность связана с физическим параметром, называемым спектральной чистотой. Свет с определенной длиной волны, т. е. монохроматический свет, является спектрально чистым светом и кажется очень насыщенным. Однако добавление к монохроматическому свету света с другой длиной волны или белого (серого) уменьшает чистоту, и монохроматический свет начинает восприниматься как менее насыщенный. При достаточно сильном «разбавлении» свет утрачивает свойственный ему оттенок и становится серым [Шиффман 2003: 196]. Насыщенный цвет можно назвать «сочным», «глубоким» (например, ярко-красный, ярко-зеленый), менее насыщенный — «приглушенным», приближенным к серому (например, тускло-красный, мутно-зеленый). Насыщенность цвета в башкирском языке может передаваться следующими аналитическими способами:

2.2.1. Насыщенность цвета выражается в форме превосходной степени прилагательного, которая образуется двумя способами: а) удвоением первых двух букв прилагательного и прибавлением к ним *-п* или *-м*: *кып-кызыл* ‘совершенно красный’, *һап-һары* ‘желтый-прежелтый, очень желтый, совершенно желтый’, *йәп-йәшел / йәм-йәшел* ‘зеленый-презеленый’, *зәп-зәңгәр* ‘совершенно голубой’, *күм-күк* ‘синий-пресиний’, *ап-ак* ‘белый-пребелый’, *кап-кара* ‘черный-пречерный’, *көп-көрән* ‘совершенно коричневый’; б) с помощью усилительной частицы *сей / сем / сөм / селт / сылт / дәм*: *сей һары* ‘чисто желтый’, *сылт / сем һары* ‘желтейший’, *сем / селт / сылт кызыл* ‘ярко-красный’, *сем ак* ‘очень белый’, *сем кызыл* ‘очень красный’, *сем / сөм / дәм кара* ‘черный-пречерный’. В художественной литературе такие цветообозначения применяются довольно широко: *Рашиitteң атаһы буйға озон, сиган кеүек, кара йөзлө, үткер асык күзле, сөм кара сәсле кеше ине* ‘Отец Рашиита был человеком высокого роста, смуглым, как у цыган, лицом, с зоркими светлыми глазами, черными-пречерными волосами’. А. Бикчентаев [<http://vatandash.ru/pdf/01.2012.pdf>]; *Уға [Бибигөлгә] өләсәһе һабантуйға тип сылт кызыл төстәге күлдәк теккән була* ‘Бабушка на сабантуй сшила ей [Бибигуль] платье ярко-красного цвета’ [<https://shonkar.rbsmi.ru/articles/s-y-r-m-kt-be/bibig-l-men-n-beysyua/>].

В других тюркских языках наблюдается такой же способ образования превосходной степени прилагательных цвета: ккалп., тат. *sap-sari*, аз. *sapsari*, уйг. *sep-seriq*, хак. *sap-sariγ* ‘желтый-прежелтый’ [Муратова 2018: 57].

2.2.2. Насыщенность цвета может передаваться сравнительной конструкцией, о которой говорилось в пункте 2.1.4: сущ. (название эталона цветового оттенка) + показатель сравнения (аффикс *-Тай* / послелоги *кеүек / төслө / һымак*) + ЦО. Другими словами, с помощью данной конструкции может обозначаться не столько оттенок, сколько близкий к эталону насыщенный тон цвета. В таких случаях сравнение обычно производится с эталонами-предметами: например, сочетания *кагыз кеүек ап-ак* ‘белый, как бумага’, *муйыл кеүек кара* ‘черный, как черемуха’, *язгы күк кеүек зәңгәр* ‘голубой, как весеннее небо’ подчеркивают насыщенность, глубину, яркость цветов. Такие сравнительные конструкции часто встречаются в произведениях: *Генри телһез калды, йөзө кагыз һымак ап-ак булды* ‘Генри потерял дар речи, лицо стало белым-пребелым, как бумага’. Г. Хисамов [КБЯПр].

Ср. в других тюркских языках: тат. *Кызганыч, аларга аралашырга туры килми, кино караганда, үзләре оештырган концертларда гына малай шомырт кара күзле, озын толымнарын ике уч төбе хәтле аркасына салган бу кызчыкны читтән генә сокланып күзәтә* ‘Жаль, им не приходится общаться, только на концертах мальчик с восторгом наблюдает за этой девочкой, у которой черные-пречерные глаза, длинные косы’. А. Тимергалин [ТНК ТТ].

2.2.3. Степень насыщенности может передаваться словами *сагыу* ‘яркий, ярко-’, *тонок* ‘мутный, мутно-’, *бөләңгерт* ‘тусклый, неясный’, *көңгөрт* ‘неясный, тусклый, неяркий’: *сагыу ерән* ‘ярко-рыжий’, *тонок һары* ‘тускло-желтый’, *бөләңгерт кызыл* ‘тускло-красный’, *көңгөрт кызыл* ‘буровато-красный’, *көңгөрт һары* ‘буровато-желтый’. *Гөлфия теге яктарак һауага тонок кына күгелйем төтөн күтәрелгән абайланы* ‘Гульфия заметила, что на той стороне в воздух поднялся мутно-синеватый дым’. Р. Байбулатов; *Сагыу зәңгәр күк тә баянан бирле уны тышка сакырып тора: «Яз етте бит, Емеш!»* ‘Ярко-голубое небо давно ее зовет на улицу: «Весна же наступила, Емеш!» З. Биешева [КБЯПр].

Ср. в других тюркских языках: тур. *parlak kırmızı* ‘ярко-красный’, тат. *Әлеге стильдә тегелгән күлмәкләргә ал, күк, зәңгәр, тонык яшел, сары төсләр туры килә* ‘Платьям, сшитым в таком стиле, подойдут розовый, голубой, мутно-зеленый, желтый цвета’ [ТНК ТТ].

2.3. Яркость, светлота

Одинаково насыщенные оттенки, относимые к одному и тому же цвету спектра, могут отличаться друг от друга степенью яркости (brightness). Яркость в физике определяется таким параметром, как интенсивность. Чем выше интенсивность, тем более ярким кажется цвет. С уменьшением интенсивности яркость уменьшается [Шиффман 2003: 196]. К примеру, при уменьшении светлоты любой хроматический цвет постепенно приближается к черному (например, темно-зеленый, темно-красный, темно-коричневый), а при увеличении — к белому (например, светло-зеленый, светло-желтый, светло-коричневый). Светлота в башкирском языке выражается добавлением к названию основного цвета слов *куйы* ‘темный, темно-’, *асык* ‘светлый, светло-’ или названий ахроматических цветообозначений *ак* ‘белый, светлый’ и *кара* ‘черный, темный’ и их форм уменьшительной степени (*акһыл* ‘светло-’, букв. ‘беловатый’, *караһыл / карагускыл* ‘темно-’, букв. ‘черноватый’): *карагускыл зәңгәр* ‘темно-голубой’, *карагускыл кызыл* ‘темно-красный’, *акһыл йәшел* ‘светло-зеленый’, *акһыл һары* ‘светло-желтый’, *кара көрән* ‘темно-коричневый’, *кара йәшел* ‘темно-зеленый’: *Авитаминозды азырганда быуындар тотмай, тире кызара, йөззә һәм кулдарза карагускыл кызыл таптар барлыкка килә* ‘При запущенном авитаминозе суставы слабеют, краснеет кожа, на лице и руках появляются темно-красные пятна’. Газета ‘Йэшлек’. 20.03.2010 [КБЯПубл]; *Ул сакта Дарница акһыл һары комдан, урмандарзан торған ярым бушлык ине* ‘В то время Дарница представляла из себя полупустыню, состоящую из светло-желтого песка и лесов’. И. Абдуллин [КБЯПр].

Ср. в других тюркских языках: тат. *карасу кызыл* ‘темно-красный’, тур. *açık sarı* ‘русый’ (букв. ‘светло-желтый’), *açık mavi* ‘голубой’ (букв. ‘светло-синий’) [ТРС 1977], чув. *тёксём-хёрлё* ‘темно-красный’.

2.4. Пегий окрас

Пегий — это не цвет в строгом понимании, в палитре нет такого цвета. Он выражает смешанную окраску с различными сочетаниями цветов (обычно белого или черного с другими цветами). В башкир-

ском языке уточнение сочетаний цветов производится аналитическим способом — ЦО + ала ‘пегий’: *кызыл ала* ‘красно-пегий’, *һары ала* ‘желто-пегий’, *көрән ала* ‘коричнево-пегий’, *ерән ала* ‘рыже-пегий’, *күк ала* ‘сиво-пегий’, *кола ала* ‘саврасо-пегий’. Например, **Кара-ала** *карпыш колак эте уның [хажизың] ике аягы араһында рәхәтләнен йоклап ята* ‘Черно-пегий лопухий пес спит между ногами [хаджи]’ Р. Уметбаев [КБЯПр]; *Япондарзың аттары Бар за кызыл, күк ала* ‘У японцев кони все красные и сиво-пегие’. Песня «Порт-Артур» [<http://vatandash.ru/pics/pdf/2623.pdf>].

Ср. в других тюркских языках: ккалп. *qizil-ala* ‘красно-пегий’ [КРС 1958], кирг. *qara-ala* ‘черно-чубарый’, *sari-ala* ‘булано-пегий’, *kök-ala* ‘серо-пегий’ [Мусуков 2019: 302].

3. Заключение

Таким образом, рассмотрев аналитические формы цветообозначений башкирского языка, употребляемые в прозе, фольклоре и публицистике, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ собранного материала по цветообозначениям, образованным с помощью сочетания нескольких слов, показал, что аналитическим способом образуются названия для передачи цветового тона, насыщенности, яркости и пегого окраса:

а) цветовой тон: названия двух спектральных цветов (*кызғылт һары* ‘оранжевый’, *кызғылт күк* ‘фиолетовый’), названия межспектральных оттенков (*йәшкелт зәңгәр* ‘зеленовато-голубой’, *һарғылт йәшел* ‘желтовато-зеленый’), названия оттенков спектральных и неспектральных цветов (*һарғылт көрән* ‘желтовато-коричневый’, *сейд кызыл* ‘вишневый’);

б) насыщенность цвета (*куйы кызыл* ‘густо-красный’, *тонок зәңгәр* ‘тускло-голубой’);

в) яркость света (*акһыл зәңгәр* ‘светло-голубой’, *карагускыл йәшел* ‘темно-зеленый’);

г) пегий окрас (*һары ала* ‘желто-пегий’, *кара ала* ‘черно-пегий’).

2. Аналитические формы цветообозначений образуются по следующим моделям:

а) ЦО + ЦО. По этой модели формируются названия двух спектральных цветов (*кызғылт һары* ‘оранжевый’, *кызғылт күк* ‘фиолетовый’), межспектральных (переходных) оттенков (*йәшкелт зәңгәр* ‘зеленовато-голубой’, *һарғылт йәшел* ‘желтовато-зеленый’), оттенков неспектральных цветов (*һарғылт көрән* ‘желтовато-коричневый’, *сейд кызыл* ‘вишневый’), указания на яркость (*акһыл зәңгәр* ‘светло-голубой’, *карагускыл йәшел* ‘темно-зеленый’) и пегий окрас (*һары ала* ‘желто-пегий’);

б) сущ. + ЦО. По этой модели формируются названия оттенков цветов, которые определяются природным эталоном данного оттенка (*сейд кызыл* ‘вишневый’ (букв. ‘вишнево-красный’), *кан кызыл* ‘крово-красный’);

в) сущ. + показатель сравнения (послелого *кеүек* / *һымак* / *төслө* или аффикс *-Тай*) + ЦО. По этой модели также формируются названия оттенков цветов, которые сравниваются с природным эталоном данного оттенка (*һөттәй ак* букв. ‘белый, как молоко’, *балауыз кеүек һары* букв. ‘желтый, как воск’);

г) прил. + ЦО. По этой модели формируются цветообозначения, передающие насыщенность тона (*сагыу кызыл* ‘ярко-красный’, *тонок һары* ‘тускло-желтый’), яркость (*куйы йәшел* ‘темно-зеленый’, *асык һары* ‘светло-желтый’);

д) част. + ЦО. По этой модели формируются цветообозначения, передающие насыщенность тона (*сем кызыл* ‘совершенно красный’, *селт һары* ‘желтый-прежелтый’);

е) ЦО + сущ. + *тәсәндәге* ‘цвета’. По этой модели формируются обозначения цветовых оттенков, которые сравниваются с природным эталоном данного оттенка (*зәңгәр күк тәсәндәге* ‘цвета голубого неба’);

ж) сущ. + *тәсәндәге* ‘цвета’. По этой модели формируются обозначения цветовых оттенков, которые также сравниваются с природным эталоном данного оттенка (*күк тәсәндәге* ‘цвет неба’).

Модели образования цветообозначений можно представить в таблице на с. 51:

3. В аналитических цветообозначениях, состоящих из сравнительных конструкций, в основном используются названия металлов, а также камней минерального и органического происхождения (*алтын* ‘золото’, *көмөш* ‘серебро’), явлений погоды (*болот* ‘туча’, *кар* ‘снег’), времен суток (*эңер* ‘вечерняя заря’), пищи и напитков (*һөт* ‘молоко’, *шәкәр* ‘сахар’), растений и плодов (*күк сәскә* ‘василек’, *сөгәлдөр* ‘свекла’, *сейд* ‘вишня’), животных и птиц (*күгәрсен* ‘голубь’, *һөлөк* ‘пиявка’), огня и связанных с ним предметов и явлений (*ут* ‘огонь’, *кором* ‘сажа’), предметов быта (*тастамал* ‘полотенце’, *казан* ‘казан’), корма для скота (*һалам* ‘солома’, *бесән* ‘сено’), анатомическая лексика (*үт* ‘желчь’, *кан* ‘кровь’) и др. Названия предметов и явлений, применяемые для обозначения цветовых оттенков, отражают прежде всего специфику окружающей среды, образа жизни, хозяйства, быта и др.

4. Анализ названий оранжевого и фиолетового цветов показывает, что отсутствие монолексем для основных цветов спектра в литературном языке и публицистике привело к использованию заимствованных лексем, но, несмотря на это, они не закрепились в народно-разговорной речи, так как в миропред-

	Основные цветовые тона	Оттенки ЦО	Насыщенность	Яркость	Пегий окрас
ЦО + ЦО	<i>кызғылт һары</i> 'оранжевый',	<i>һарғылт йәшел</i> 'желтовато-зеленый',	—	<i>акһыл зәңгәр</i> 'светло-голубой'	<i>кара ала</i> 'черно-пегий'
	<i>кызғылт күк</i> 'фиолетовый'	<i>кызғылт-көрән</i> 'красно-коричневый'		<i>караһыу йәшел</i> 'темно-зеленый'	<i>һары ала</i> 'желто-пегий'
Прил. + ЦО	—	—	<i>сағыу йәшел</i> 'ярко-зеленый'	<i>куйы йәшел</i> 'темно-зеленый'	—
			<i>тоноқ күк</i> 'мутно-синий'	<i>асық һары</i> 'светло-желтый'	
Сущ. (+ показатель сравнения) + ЦО	—	<i>сейә кызыл</i> 'вишневый'	<i>муйыл кеүек</i> <i>кара</i> 'черный- пречерный', букв. 'черный, как черемуха'	—	—
		<i>бакыр һымак ерән</i> 'рыжий, как медь'			
Частица + ЦО	—	—	<i>йәм-йәшел</i> 'зеленый- презеленый'	—	—
			<i>кап-кара</i> 'черный- пречерный'		
(ЦО) + сущ. + <i>тәсөндәге</i>	—	<i>зәңгәр күк тәсөндәге</i> 'цвета синего неба'	—	—	—
		<i>һазлык тәсөндәге</i> 'цвета болота'			

ставлении народа эти цвета воспринимаются скорее как оттеночные. Что касается аналитических форм для выражения оттенков цветообозначений, их насыщенности, яркости и пегого окраса, то они особенно широко представлены в художественных произведениях. Это можно объяснить тем, что в художественной литературе описание предметов имеет целью эмоциональное воздействие на читателя и обычно производится подробно и с привлечением таких средств изобразительности, как эпитеты, сравнения.

В заключение хочется отметить, что методы, примененные для изучения аналитических форм цветообозначающей лексики в башкирском языке, можно использовать по отношению к другим тюркским языкам, что раскрывает теоретическую значимость данного исследования. В связи с этим перспективным представляется сбор, анализ и изучение аналитических цветообозначений в других тюркских языках для выявления в их образовании, развитии и функционировании как общих тенденций, так и специфических особенностей.

Сокращения

букв. — буквально
прил. — прилагательное

сущ. — существительное
ЦО — цветообозначение
част. — частица

Я з ы к и

аз. — азербайджанский
алт. — алтайский
араб. — арабский
каз. — казахский
кирг. — киргизский
ккалп. — каракалпакский
перс. — персидский

ПТю. — пратюркский
тат. — татарский
тув. — тувинский
тур. — турецкий
уйг. — уйгурский
хак. — хакасский
чув. — чувашский
як. — якутский

Л и т е р а т у р а

АККЯ — Алматинский корпус казахского языка (АККЯ) // http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения 15.05.2020). {Almaty Corpus of Kazakh language (NCKL) // http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (accessed 15.05.2020).}

АСБЯ 2011—2018 — Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 1—10. Уфа, 2011—2018. {Academic dictionary of Bashkir / Ed. F. G. Khisamitdinova. Vol. 1—10. Ufa, 2011—2018.}

Бахилина 1975 — Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. {Bakhilina N. B. History of color terms in Russian. Moscow, 1975.}

БРС 2009 — Большой русско-турецкий словарь. М., 2009. {Great Russian-Turkish dictionary. Moscow, 2009.}

Будагов 1869 — Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869. {Budagov L. Z. Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects. Part 1. Saint Petersburg, 1869.}

Будагов 1871 — Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб., 1871. {Budagov L. Z. Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects. Part 2. Saint Petersburg, 1871.}

Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. {Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996.}

Габышева 2019 — Габышева Л. Л. Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019, 6. С. 57—65. {Gabysheva L. L. Symbolic meanings of the name of the red in the languages and culture of Turkic peoples // Vestnik of North-Eastern Federal University. 2019, 6. P. 57—65.}

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969. {Old Turkic dictionary. Leningrad, 1969.}

КБЯПр — Корпус башкирского языка. Проза // <http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp> (дата обращения 12.05.2020). {Corpus of the Bashkir language. Prose // <http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp> (accessed 12.05.2020).}

КБЯПубл — Корпус башкирского языка. Публицистика // <http://212.193.132.98/bashkorp/korpuspub> (дата обращения 12.05.2020). {Corpus of the Bashkir language. Publicism // <http://212.193.132.98/bashkorp/korpuspub> (accessed 12.05.2020).}

КБЯФ — Корпус башкирского языка. Фольклор // <http://212.193.132.98/bashkorp/korpusfol> (дата обращения 12.05.2020). {Corpus of the Bashkir language. Folklore // <http://212.193.132.98/bashkorp/korpusfol> (accessed 12.05.2020).}

Кезина 2005 — Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза, 2005. {Kezina S. V. Semantic field of the color terms in Russian (diachronic view). Penza, 2008.}

Кононов 1978 — Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 159—179. {Kononov A. N. Semantics of color terms in Turkic languages // Turkological collection. 1975. Moscow, 1978. P. 159—179.}

КРС 1958 — Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958. {Kara-Kalpak-Russian dictionary / Ed. N. A. Baskakov. Moscow, 1958.}

Медведев 2005 — Медведев В. Ю. Цветоведение и колористика. СПб., 2005. {Medvedev V. Ju. Color science and coloristics. Saint Petersburg, 2005.}

Муратова 2018 — Муратова Р. Т. Цветообозначение *һары* ‘желтый’ в башкирском языке: генезис, развитие и лексико-семантическая характеристика // Урало-алтайские исследования. 2018, 2. С. 53—70. {Muratova R. T. The color term for ‘yellow’ in the Bashkir language: genesis, development and lexical-semantic characteristics // Ural-Altai studies. 2018, 2. P. 53—70.}

Мусуков 2019 — Мусуков Б. А. Лексико-семантическое поле слова *ala* ‘пестрый, разноцветный; пегий’ в тюркских языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2019, 8. С. 300—304. {Musukov B. A. Lexico-semantic field of word *ala* ‘motley, varicolored; piebald’ in Turkic languages // Baltic humanitarian journal. 2019, 8. P. 300—304.}

МФБЛ — Машинный фонд башкирского языка. Лексикографическая база. <http://mfbl2.ru:8080/mfbl/bashlex> (дата обращения 10.05.2020). {Machine fund of the Bashkir language. Lexicographical database. <http://mfbl2.ru:8080/mfbl/bashlex> (accessed 10.05.2020).}

Норманская 2005 — Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005. {Normanskaja Ju. V. Genesis and development of the color term systems in ancient Indo-European languages. Moscow, 2005.}

ПКТЯ — Письменный корпус татарского языка // <http://www.corpus.tatar> (дата обращения 15.05.2020). {Corpus of written Tatar // <http://www.corpus.tatar> (accessed 15.05.2020).}

Радлов 1911 — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1911. {Radlov V. V. An attempt at the dictionary of Turkic dialects. Vol. 4. Part 1. Saint Petersburg, 1911.}

РАС 1964 — Русско-алтайский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1964. {Russian-Altai dictionary / Ed. N. A. Baskakov. Moscow, 1964.}

- РКС 1967 — Русско-каракалпакский словарь / Под ред. *Н. А. Баскакова*. М., 1967. {Russian-Karakalpak dictionary / Ed. *N. A. Baskakov*. Moscow, 1967.}
- РХС 1961 — Русско-хакасский словарь / Под ред. *Д. И. Чанкова*. М., 1961. {Russian-Khakass Dictionary / Ed. *D. I. Chankov*. Moscow, 1961.}
- РЧС 2002 — *Скворцов М. И., Скворцова А. В.* Русско-чувашский словарь. Чебоксары, 2002. {*Skvortsov M. I., Skvortsova A. V.* Russian-Chuvash dictionary. Cheboksary, 2002.}
- РЯС 1968 — Русско-якутский словарь / Под ред. *П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонов*. М., 1968. {Russian-Yakut dictionary / Eds. *P. S. Afanas'ev and L. N. Kharitonov*. Moscow, 1968.}
- Саматов 2016 — *Саматов К.* Лексемы, выражающие хроматические цвета *кызыл* «красный», *сары* «желтый», *көк* «синий, голубой», *жашыл* «зеленый», *күрөң* «коричневый» в кыргызском языке // Проблемы современной науки и образования. 2016, 10. С. 109—121. {*Samatov K.* The lexemes expressing chromatic colours *kyzyl* «red», *sary* «yellow», *kök* «blue», *jashyl* «green», *küröng* «brown» in the Kyrgyz language // Problems of modern science and education. 2016, 10. P. 109—121.}
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. / Отв. ред. *Э. Р. Тенишев*. М., 2001. {Comparative historical grammar of Turkic language. Vocabulary. / Ed. *E. R. Tenishev*. Moscow, 2001.}
- ТНК ТТ — Татарский национальный корпус «Туган тел» // http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения 15.05.2020). {“Tugan Tel” Tatar National Corpus // http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/?interface_language=ru (accessed 15.05.2020).}
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / Под ред. *Э. Р. Тенишева*. М., 1968. {Tuvan-Russian dictionary / Ed. *E. R. Tenishev*. Moscow, 1968.}
- ТРС 1977 — *Баскаков А. Н., Голубева Н. П., Кямилева А. А., Любимов К. М., Салимзянов Ф. А., Юсупова Р. Р.* Турецко-русский словарь. М., 1977. {*Baskakov A. N., Golubeva N. P., Kyamileva A. A., Lyubimov K. M., Salimzyanov F. A., Jusipova R. R.* Turkish-Russian dictionary. Moscow, 1977.}
- ТРС 2007 — *Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А., Закиев М. З., Миннуллин К. М., Рамазанова Д. Б.* Татарско-русский словарь. В 2-х томах. Казань, 2007. {*Asylgaraev Sh. N., Ganiev F. A., Zakiev M. Z., Minnullin K. M., Ramazanova D. B.* Tatar-Russian dictionary. In two parts. Kazan, 2007.}
- УРС 1968 — *Наджиб Э. Н.* Уйгурско-русский словарь. М., 1968. {*Najip E.N.* Uighur-Russian dictionary. Moscow, 1968.}
- Фрумкина 1984 — *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984. {*Frumkina R. M.* Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis. Moscow, 1984.}
- ЧРС 1985 — Чувашско-русский словарь / Под ред. *М. И. Скворцова*. М., 1985. {Chuvash-Russian dictionary / Ed. *M. I. Skvortsov*. Cheboksary, 1985.}
- Шиффман 2003 — *Шиффман Х. Р.* Ощущение и восприятие. СПб., 2003. {*Shiffman Kh. R.* Sensation and perception. Saint Petersburg, 2003.}
- ЭКХЯ — Электронный корпус хакасского языка // <http://khakas.altai.ru> (дата обращения 15.05.2020). {Electronic corpus of the Khakass language // <http://khakas.altai.ru> (accessed 15.05.2020).}
- ЭСТЯ 1974—2013 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1—7. М., 1974—2003; Т. 9. Астана, 2013. {Etymological dictionary of Turkic languages. Vols. 1—7. Moscow, 1974—2003; Vol. 9. Astana, 2013.}
- Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic colour terms. Their universality and evolution. Berkley, Los Angeles, 1969.

Семантика глаголов «есть» и «пить» в турецком языке

Напольнова Елена Марковна, ИСАА МГУ, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН; elenapolnova142@mail.ru

Ye- ‘есть’ и *iç-* ‘пить’ могут использоваться безобъектно, в сочетании с названием объекта, оформленным или не оформленным показателем accusativa, а также в сочетании с ablativom, в случае если действие направлено на часть объекта. *Ye-* сочетается с названиями пищи, которую нужно пережевывать, и требует обязательного заполнения семантической валентности объекта воздействия. *İç-* используется в отношении жидкостей, супа, лекарств и табачных изделий. Оба глагола употребляются как самостоятельно, так и в составе непереходных сложных глаголов *yemek ye-* ‘есть, принимать пищу’ и *içki iç-* ‘пить алкогольные напитки’, которые различаются по степени лексикализации и, в отличие от простых глаголов *ye-* и *iç-*, переносят фокус с объекта действия на агенса. *Ye-* метафоризировано разными путями, *iç-* метафоризации не подверглось.

Ключевые слова: лексика турецкого языка, глаголы «есть» и «пить» в тюркских языках, метафоры в турецком языке

SEMANTICS OF THE VERBS “EAT” AND “DRINK” IN TURKISH

Elena M. Napolnova, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); elenapolnova142@mail.ru

Lexicological studies are designed to reveal as much as all possible information about the compatibility and semantic features of object names of various kinds, hidden in the subconscious of native speakers and necessary for the correct construction of statements, which is a condition for an adequate mutual understanding of communicants.

In modern Turkish society, the attitude concerning food in general can be described as cultic. *Ye-* ‘eat’ and *iç-* ‘drink’ are used without an object, in combination with the object name, with or without an accusative ending, or with an ablative ending if the action is directed not at the entire object as a whole, but at a part of it. *Ye-* is combined with the names of food, the consumption of which involves chewing, and requires mandatory filling in the semantic valence of the object of action. *İç-* used for liquids, soup, medicines and tobacco products. The usage of the verb “drink” in relation to smoking is usually associated with a pleasant tasting experience. Both verbs are used on their own and as parts of the intransitive compound verbs *yemek ye-* ‘eat, take food’ and *içki iç-* ‘drink alcohol’, which differ in the degree of lexicalization and, unlike the simple verbs *ye-* and *iç-*, focus the effect of the action on the agent. The metaphorization of *ye-* developed in two main ways: on the basis of the idea of “eating” as violence and destruction peculiar to the Turkic languages, as well as on the basis of tracing translation of Persian expressions. The metaphorization of the pleasant or unpleasant taste of food does not possess any systematic characterization. *İç-* not subjected to metaphorization.

Keywords: vocabulary of the Turkish language, verbs of eating and drinking in the Turkic languages, metaphors in the Turkish language

Актуальные задачи лексической семантики вытекают из современного понимания сущности языка как постоянно развивающейся системы, основной целью которой является обеспечение коммуникации и которая способна выразить всю совокупность знаний и представлений человека об окружающем мире. Лексикологические исследования призваны максимально выявить всю информацию о сочетаемости и семантических особенностях наименований объектов разного рода, скрытую в подсознании носителей языка и необходимую для правильного построения высказываний, что является условием адекватного взаимопонимания коммуникантов. Результаты такого рода исследований на материале как родственных, так и неродственных языков открывают пути для разработки лексико-семантической типологии языков, в которой «описание лексических систем разных языков велось бы под единым углом зрения, по единому плану, с тем чтобы результаты описания отдельных языков оказались бы сопоставимы в целом и можно было бы делать обобщения и прогнозы для всего семантического поля» [Плунгян, Рахилина 2007: 13]. Подобные лексико-семантические исследования на материале тюркских языков внесут несомненный вклад в изучение особенностей понимания и отражения естественных явлений в мышлении человека.

Материалами для настоящего исследования послужили стандартные высказывания, зафиксированные нами в современной турецкой речи (бытовая устная речь, устная и письменная литературная речь), материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества [TDK], а также материалы корпуса турецкого языка [TSC]. За основу исследования взяты значения двух глаголов, выделенные в [TDK] (14 значений *ye-* и 4 значения *iç-*), однако ввиду различий между российской и турецкой лексико-графическими традициями мы отказались от их прямого перечисления.

1. Типологические особенности глаголов «есть» и «пить»

Питание является объективной частью жизни человека и животных и подразумевает попадание определенных продуктов внутрь их тела через рот. Глаголы, отражающие этот процесс, присутствуют во всех языках, но при этом их состав может различаться по количеству — от единого для «есть» и «пить» в некоторых австралийских языках [Newman 2009: 4; Aikhenvald 2009: 102] до нескольких классифицирующих в зависимости от места, где происходит прием пищи [Newman 2009: 7], или от необходимости немедленного употребления или возможности хранения продуктов [Rice 2009: 117]; в сферу их сочетаемости может входить только человек или также и животные, а при использовании разных глаголов «животный» глагол в отношении человека может отрицательно характеризовать манеру еды [Rice 2009: 113]. В указанных и других исследованиях в рамках единого подхода в [The Linguistics 2009] рассматриваются глаголы «есть» и «пить» в языках разных групп (тюркские языки не анализируются, есть один пример из турецкого), включая такие их характеристики, как особенности агентов, характер их взаимодействия и его изменение в ходе процесса, активная зона процесса, степень приложения силы, социокультурная значимость, пути метафоризации, особенности концептуализации и др. Основным различием между процессами «есть» и «пить» признается необходимость размельчения твердой пищи с помощью зубов в первом случае и отсутствие существенных усилий — во втором [Newman 2009: 2]. Наряду с этим в разных языках для включения названий различных продуктов в сферу сочетаемости одного или другого глагола могут учитываться дополнительные культурно обусловленные факторы, например, сочные фрукты сочетаются с «пить» в одном из западноафриканских языков [Jaggar, Amharic 2009: 229]. Общей семантической чертой этих глаголов является то, что «потребитель» фактически является не только агентом действия, но и подвержен влиянию этого действия через возникающие телесные ощущения [The Linguistics 2009: VIII].

«Есть» и «пить» часто представляются типичными переходными глаголами [Næss 2009: 28], однако в языках отмечаются различия в сочетаемости и значениях такого рода глаголов между использованием безобъектно и с прямым дополнением, а при безобъектном использовании переходных глаголов в фокусе оказывается влияние совершаемого действия не на пациенс, а на агенс [там же: 35, 40—41], и на передний план выступают специфические семантические компоненты: «есть» понимается как «прием пищи» (*meal*) (*I've eaten already*), а «пить» связывается с алкогольными напитками (*John drinks*).

Основными путями метафоризации признаются ощущения потребителя пищи — усилия по ее размельчению, вкус (чаще — приятный, особенно в отношении напитков [Newman 2009: 9—10]), сытость как удовлетворенность [там же: 10—11, 14], а также «поглощение» одним участником ситуации другого (например, «есть» → «красть» в некоторых папуасских языках [там же: 17], «есть» → «слушать» в китайском [там же: 9]). К метафоризируемым неприятным ощущениям относятся болезненные [там же: 12], физическое разрушение, травмирование, подавление [там же: 16]. Грамматикализация глаголов «есть» и «пить» встречается достаточно редко [Newman 2009: 1; Hook, Pardeshi 2009: 153].

Статистических данных о частотности семантических переходов исследуемых глаголов в [Newman 2009] не представлено. В «Каталоге семантических переходов» [CSSh] зафиксированы переходы: ‘есть’ → ‘насыщаться’, ‘разесть’ — по 4 языка; ‘есть’ → ‘разрушать’, ‘болеть’, ‘потреблять’ — по 2 языка; ‘есть’ → ‘совокупляться’ — 1 язык; ‘есть’ → ‘думать’ — 1 язык; ‘пить’ → ‘курить’ — 8 языков; ‘пить’ → ‘сосать’ — 7 языков.

2. Глаголы «пить» и «есть» в турецком языке (ТЯ)

В современном турецком обществе отношение к еде в целом можно охарактеризовать как культовое. Для каждого региона характерна аутентичная кухня, предполагающая строгое соблюдение кулинарных рецептов и обеспечение определенных вкусовых ощущений. В ТЯ присутствуют два основных глагола, стандартно описывающих процесс питания человека: *ye-* ‘есть’ в прямом значении используется в отношении твердой или содержащей небольшое количество жидкости пищи, а *iç-* ‘пить’ — в отношении напитков, супа, табачных изделий и лекарств.

Следует отметить, что *ye-* и *iç-* характеризуют только процесс потребления продуктов — ни чувство голода или жажды, ни чувство насыщения и утоления жажды, т. е. физиологическое состояние человека до и после еды и питья, с их помощью выразить невозможно, и для его характеристики используются такие лексемы, как: *acık-* (от А:Ч ‘голодный’ [ЭСТЯ 1974: 208—210]) ‘испытывать чувство голода, проголодаться’, *susa-* (СУВСУН ‘жажда’ [ЭСТЯ 1980: 352—353]) ‘испытывать чувство жажды’, *doy-* (ДОЙ- [ЭСТЯ 2003: 251—252]) ‘наедаться, насытиться, напиться’, *karn-ı doy-ur-* (живот-ACC наедаться-CAUS) ‘наедаться, насытиться’, *Karn-ım aç / tok* (живот-POSS1SG голодный / сытый) (ДОК [там же: 252—253]) ‘Я голоден / сыт’; специального лексического или фразеологического средства для выражения утоленной жажды в ТЯ не имеется.

Оба глагола регулярно образуют понудительные формы с помощью залоговых показателей — *ye-dir-* ‘кормить чем-л., заставляя есть’, *iç-ir-* ‘поить чем-л., заставляя пить’, в сочетании с которыми дативом обозначается лицо-потребитель; это синтаксическое явление отмечено в [Næss 2009: 31—32].

Ye- и *iç-* могут использоваться безобъектно, в сочетании с названием объекта, оформленным или не оформленным показателем аккумулятива (последнее в грамматиках ТЯ трактуется как неформальный аккумулятив или как номинатив), а также в сочетании с аблативом, в случае если действие направлено не на весь объект в целом, а на его часть.

Анализ ситуации с выражением значения ‘есть’ затруднен в ТЯ двумя факторами. Во-первых, глагол *ye-* используется как самостоятельно, так и в составе сложного глагола *yemek ye-* (еда есть) ‘есть’. Во-вторых, существует ряд правил синтаксиса, к которым относятся: обязательность показателя аккумулятива у прямого дополнения, отделенного от глагола или отглагольного имени другими членами предложения, кроме некоторых частиц; обязательность показателя аккумулятива у личных и указательных местоимений, а также существительных с посессивными показателями в функции прямого дополнения; устойчивая тенденция к опущению именной части сложных глаголов и использованию только глагольной части в значении всего сложного глагола.

3. Основные значения, сочетаемость и производные лексемы глагола *ye-*

Глагол *ye-* в разных фонетических вариантах присутствует в ряде тюркских языков [ЭСТЯ 1974: 333—335]. Наряду с описанием процесса потребления твердой пищи для многих тюркских языков отмечаются различные вторичные значения, отражающие совершение некоего насилия над объектом воздействия: ‘уничтожать’, ‘погубить’, ‘истреблять’, ‘поглощать’, ‘присваивать’ и др. [там же].

Турецкое *ye-* в равной степени относится как к человеку, так и к животным, потребляющим пищу визуально сходным с человеком образом:

- (1) *Tirtul yaprak ye-r* (интернет)
гусеница лист есть-AOR
‘Гусеница ест листья’.

В ТЯ имеется несколько существительных, образованных от *ye-* и отмеченных для других тюркских: *yemiş* ‘фрукты, плоды, ягоды’, *yem* ‘корм’ [там же]. Наиболее употребительна и обладает широким спектром значений лексема *yemek* [там же] 1. ‘прием пищи, трапеза’ (*öğle yemeğ-i* (полдень еда-POSS3SG) ‘обед’, *akşam yemeğ-i* (вечер еда-POSS3SG) ‘ужин’); 2. ‘еда, продукт(ы) питания’; 3. ‘блюдо’ (например, *patlıcan yemeğ-i* (баклажан еда-POSS3SG) ‘определенным образом приготовленное домашнее блюдо из баклажанов с некоторым количеством соуса’); также *yemek yap-* / *pişir-* (еда делать / готовить) ‘готовить еду’.

Yemek как прием пищи соотносится прежде всего с обедом:

- (2) *Yemek-te ne ye-di-n?* (устн.)
еда-LOC что есть-PST-2SG
‘Что ты ел на обед?’.

В отношении других приемов пищи правильно:

- (3) *Kahvaltı-da / Akşam (yemeğ-i-nde) / Sahur-da / İftar-da ne ye-di-n?* (устн.)
завтрак-LOC / вечер (еда-POSS3SG-LOC) / сухур-LOC / ифтар-LOC что есть-PST-2SG
‘Что ты ел на завтрак / на ужин / утром перед заговением / во время вечернего разговения?’.

Yemek предполагает именно приготовление пищи и по этой причине как собирательное ‘продукт(ы) питания’ обычно не используется в отношении завтрака. *Kahvaltı* стандартно переводится как ‘завтрак’ и обычно возводится к *kahve alt-ı* (кофе низ-POSS3SG) букв. ‘под кофе’, однако может использоваться, особенно в речи старшего поколения, также в значениях ‘полдник’, ‘перекус’, так как указывает не на время приема пищи, а на ее характер — чаще всего чай со стандартными готовыми продуктами, такими как брынза, колбаса, сыр, масло, хлеб, варенье и др. Противопоставленность «основательной еды»-*yemek* перекусу-*kahvaltı* может отражаться в следующем диалоге:

- (4) — *Yemek ye-di-n mi? — Kahvaltı yap-tı-m* (устн.)
еда есть-PST-2SG Q — завтрак/перекус делать-PST-1SG
‘— Ты поел / пообедал? — Перекусил’.

В современном ТЯ, особенно среди молодежи, в отношении промежуточных приемов пищи более активно используются слова *at-ış-tır-* (бросать-RCP-CAUS) ‘перекусывать’, *at-ış-tır-ma-lık* (бросать-RCP-CAUS-NMLZ-DRV) ‘продукты, предназначенные для перекуса’.

В отличие от перечисленных выше производных от *ye-* существительных, *yi-yecek* (есть-FUT/PC) ‘еда, продукт питания’, ‘предназначенный для еды’, видимо, представляет собой достаточно позднее образование и в современном языке замещает арабское заимствование *gıda* с тем же значением:

- (5) *Yiyecek ne var?* (устн.)
еда что иметься
‘Какая еда есть?’, ‘Что можно поесть?’;
- (6) *Gıda insan-ı besle-yen madde-ler* (“Yeni Türkçe Lügat” (1927))
пища человек-ACC питать-PC вещество-PL
‘Пища — это вещества, питающие человека’.

В отличие от словаря 1927 г. в современном онлайн-словаре османского языка [Luggat] в пояснениях приводимых заимствований стандартно используется *yiyecek*. Замена *gıda* на *yiyecek* связана с общеязыковой тенденцией к директивной замене иноязычных лексических заимствований на тюркские слова. Кроме того, утилитарность *yiyecek* контрастирует с наличием у *gıda* значения ‘духовная пища’: *gıda* — “*Zihni ve kalbi olgunlaştıracak Kur'an ve iman ilmi ve Allah'a ibadet ve taat*” ‘Коран и наука о вере, религиозные обряды и действия, призванные развивать ум и сердце’ [TDK].

Противопоставленность «приготовленной» пищи *yemek* продуктам *yiyecek* и *gıda* выражается в том, что в отношении последних двух не используются глаголы *yap-* ‘делать’, *pişir-* ‘готовить’.

Глагол *ye-* при безобъектном использовании указывает на намерение совершить / совершение / несомнение агенсом действия в отношении некоего определенного объема пищи. В таких случаях на передний план выступает семантический компонент результата действия и легко может быть подобран окказиональный синоним:

- (7) *Ne zaman yi-yeseğ-iz?* (устн.)
что время есть-FUT-1PL
‘Когда будем есть?’ (например, о готовящейся или находящейся на столе еде — окк. синоним: *başla-* ‘начинать’);
- (8) *Yi-yelim mi artık?* (устн.)
есть-OPT1PL Q уже
‘Давай уже есть, что ли?’ (о готовящейся или готовой еде — окк. синоним: *başla-* ‘начинать’);

- (9) — *Ye-di-n mi? — Az bir şey kal-di* (устн.)
 есть-PST-2SG Q — мало один вещь оставаться-PST
 ‘(Ты) поел / съел? — Немного осталось’ (окк. синоним — *bitir-* ‘закончить’);
- (10) ... *ye-mez-se-n darıl-ır-ım biçim-i-nde*
 есть-AORNEG-COND-2SG обижаться-AOR-1SG форма-POSS3SG-LOC
zorla-ma-lar-a gir-mek sakınca-li-dir [TSC]
 заставлять-NMLZ-PL-DAT входить-NMLZ опасность-EXS-IND
 ‘... опасно пытаться заставлять, мол, если ты это не съешь, я обижусь’ (окк. синоним — *bitir-* ‘закончить’);
- (11) ... *ye-mez-se-n ye-me de-di-m ben de* [TSC]
 есть-AORNEG-COND-2SG есть-NEG говорить-PST-1SG я тоже
 ‘а я сказал: не съешь, так не съешь’, ‘а я сказал: не хочешь есть, и не надо’ (окк. синонимы: *bitir-* ‘закончить’, *iste-* ‘хотеть’).

Все приведенные примеры использования *ye-* относятся к сфере устной речи и, несмотря на отсутствие у глагола прямого дополнения, соотносятся с определенным объемом пищи.

В сочетании с названиями продуктов без показателя аккузатива глагол указывает на факт потребления / непотребления агенсом указанного продукта:

- (12) — *Et ye-di-n mi? — Ye-me-di-m* (устн.)
 мясо есть-PST-2SG Q — есть-NEG-PST-1SG
 ‘— Ты ел мясо? — Не ел’;
- (13) *Et ye-me-m. Vejetaryen-im* (устн.)
 мясо есть-AORNEG-1SG вегетарианец-1SG
 ‘Я не ем / не буду есть мясо. Я вегетарианец’.

Использование в сочетании с *ye-* названий продуктов с показателем аккузатива указывает на полный охват объекта, т. е. некоего количества еды, действием:

- (14) — *Et-i ye-di-n mi? — Biraz ye-di-m* (устн.)
 мясо-ACC есть-PST-2SG Q — немного есть-PST-1SG
 ‘— Ты мясо съел / доел? — Немного поел.’

Аналогичным образом вопрос

- (15) — *Yemeğ-i ye-di-n mi?* (устн.)
 еда-ACC есть-PST-2SG Q
 ‘Ты поел?’

включающий не название продукта, а обобщающее *yemek*, может быть задан, например, коллеге на работе в отношении стандартного производственного обеда или матерью ребенку в отношении оставленного ему обеда. При замене в (15) прямого дополнения с показателем аккузатива на прямое дополнение без показателя аккузатива снимается указание на известный собеседникам прием пищи: ‘Ты уже обедал?’.

При том что в отношении кровососущих (т. е. визуально питающихся не схожим с человеком образом), а также жалящих насекомых чаще используется не *ye-*, а *ısır-* ‘укусить, кусать’, *sok-* ‘совать, всовывать’, ‘жалить’, полный охват объекта действием также отражается в выражении

- (16) *Sivrisinek-ler çocuğ-un kol-lar-ı-nı ye-miş* [TDK]
 комар-PL ребенок-GEN рука-PL-POSS1SG-ACC есть-PRF
 ‘Комары искутали ребенку руки’,

хотя аккузатив в данном случае обусловлен также и формально — наличием у прямого дополнения possessивного показателя. В примере (16) возможна замена объекта действия на *çocuğ-u* (ребенок-ACC) — ‘искутали ребенка’, а для дополнительного акцентирования степени воздействия — использование устойчивого выражения *ıy-ıp bitir-di-ler* (есть-PC заканчивать-PST-PL), ср. (32).

Использование названий продуктов с показателем аблатива указывает на направленность действия на часть объекта, что является стандартным для ТЯ синтаксическим явлением:

- (17) — *Aynı et-ten sen ye-di-n mi?* (В. Manav “Kaуı Beyı Ertuğrul”)
 тот.же мясо-ABL ты есть-PST-2SG Q
 ‘— Ты тоже ел / пробовал это мясо?’.

Использование глаголов «есть» с показателем аблатива в [Newman 2009] не рассматривается.

Все приведенные выше примеры использования глагола *ye-* объединены значением «попадания пищи внутрь агенса».

В отличие от этого сложный глагол *yemek ye-* (еда есть) указывает на прием пищи как на трапезу; он может иметь обобщающее значение (21) или подразумевать прежде всего обед или же ужин (18), (20). Существительное *yemek* фактически представляет собой не оформленное показателем аккузатива прямое дополнение, и, вследствие сохранения глаголом *ye-* своей семантики, этот сложный глагол не может присоединять прямое дополнение, т. е. является непереходным.

В отличие от (7), в случае, если собеседники проголодались, но речь не идет об определенном, известном им объеме пищи, вопрос должен быть задан в форме:

- (18) *Nerede / Ne zaman yemek yi-yeceğ-iz?* (устн.)
 где / что время еда есть-FUT-1PL
 ‘Где / Когда мы будем есть / обедать / ужинать?’.

В соответствии с общим правилом отстоящее от глагола прямое дополнение должно оформляться показателем аккузатива:

- (19) *Yemeğ-i nerede / ne zaman yi-yeceğ-iz?* (устн.)
 еда-ACC где / что время есть-FUT-1PL
 ‘Где / Когда будем есть / обедать?’.

В отношении продолжающегося приема пищи возможно только *yemek ye-*:

- (20) — *Ne yap-ıyор-sunuz? — Yemek yi-yor-uz* (устн.)
 что делать-PRS-2PL — еда есть-PRS-1PL
 ‘Что делаете? — Едим / Обедаем / Ужинаем’.

Об аппетите, например, ребенка, нужно спросить также с использованием *yemek ye-*:

- (21) *İyi yemek yi-yor mu?* (устн.)
 хорошо еда есть-PRS Q
 ‘Ест хорошо?’.

Как указывалось выше, в ТЯ наблюдается, особенно в устной речи, устойчивая тенденция к опущению именной части сложного глагола (например, *kaldır-* ‘поднимать’ используется в значении ‘убирать, ликвидировать’ вместо *orta-dan kaldır-* (середина-ABL поднимать)), чем можно объяснить использование в (22) вместо *yemek ye-* в отношении приема пищи только *ye-*, а именно такое понимание обусловлено лексически — наличием обстоятельства места:

- (22) — (*Geçen hafta sonu senin sırandı.*) *Ama dışarıda ye-di-k* (Ö. Öze “Çaylak ile Filozof”)
 но снаружи есть-PST-1PL
 ‘(На прошлой неделе была твоя очередь (в контексте: готовить)). Но мы ели в ресторане / кафе’.

Именная часть сложного глагола может также опускаться при использовании обстоятельства образа действия:

- (23) *İyi ye-di-k* (устн.)
 хорошо есть-PST-1PL
 ‘Хорошо поели!’;
- (24) — *Yalnız mı ye-di-n? — Evet, yalnız* (устн.)
 одинок-о/-ий Q есть-PST-2SG — да одинок-о/-ий
 ‘— Ты обедал один? — Да, один’.

В противоположность (24) для построения вопроса, касающегося того, в одиночку ли субъект потребил весь объем пищи (*Ты один всё с-ьел?*), требуется использование переходного *ye-* с прямым дополнением, оформленным показателем аккузатива — *hep-si-ni* (весь-POSS3SG-ACC), *bu-nu* (это-ACC), *tüm-ü-nü* (весь-POSS3SG-ACC) и др.

В отличие от безобъектного использования глагола *ye-*, в примерах (22)—(24) подобрать адекватный occasionalный синоним не представляется возможным, но возможно использование сложного глагола *yetek ye-* в усеченном виде.

Таким образом, причина возникновения сложного глагола *yetek ye-* заключается в ярко выраженной переходности *ye-*, когда требуется обязательное заполнение семантической валентности объекта действия, и только при использовании *yetek ye-* в полном или усеченном виде в фокусе оказывается влияние совершаемого действия на агенс.

4. Метафоризация глагола *ye-*

Глагол *ye-* активно используется главным образом в устной речи в значительном количестве устойчивых выражений, которые можно объединить в пять групп исходя из пути метафоризации.

К первой группе относятся выражения, в которых «потребителем» является субъект действия, а «поеданию» подвергаются несъедобные объекты, в большинстве своем связанные с деньгами:

- (25) *haram* / *rüşvet ye-* [TDK]
запрещенное.исламом / взятка есть
‘брать запретное / взятки’;
- (26) *Bu adam benim yüz bin lira-m-ı ye-di* [TDK]
это человек мой сто тысяча лира-POSS1SG-ACC есть-PST
‘Этот человек истратил мои 100 тыс. лир’;
- (27) *Miras-ı sen ye-di-n, zahmet-i ben çek-iyor-um...* (M. Ş. Esendal [TDK])
наследство-ACC ты есть-PST-2SG забота-ACC я тянуть-PRS-1SG
‘Наследство промотал ты, а проблемы решаю я’;
- (28) *Çalış-mı-yor, baba-sı-nın para-sı-nı yi-yor* (устн.)
работать-NEG-PRS папа-POSS3SG-GEN деньги-POSS3SG-ACC есть-PRS
‘Он не работает, проматывает деньги своего отца’.

Во второй группе выражений, содержащих негативную оценку действий человека или другой силы, объектом действия является человек или части тела (ср. русск. *пожирать*):

- (29) *Bu dert o-nu yi-yor* [TDK]
это беда он-ACC есть-PRS
‘Эта беда его гложет’;
- (30) *Biz-i ye-mek, sana mı kal-dı?* [TDK]
мы-ACC есть-NMLZ тебе Q остаться-PST
‘Ты, что ли, нас собрался обмануть?’;
- (31) *Biz-i ye-me* [TDK]
мы-ACC есть-NEG
‘Не обманывай нас’, букв. ‘Не ешь нас’;
- (32) *(bir-i-ni) yi-yip bitir-* [TDK]
(один-POSS3SG-ACC) есть-PC заканчивать
‘прикончить кого-либо (морально, материально и пр.)’;
- (33) *akl-i-ni peynir ekmek-le ye-* [TDK]
ум-POSS3SG-ACC брынза хлеб-EXS есть
‘выжить из ума’, букв. ‘съесть свой ум с брынзой и хлебом’
- (34) *kafa-yı ye-* [TDK]
голова-ACC есть
‘сойти с ума’, букв. ‘съесть голову’;
- (35) *bir-bir-i-ni ye-* [TDK]
один-один-POSS3SG-ACC есть
‘сожрать друг друга’ (о людях);

- (36) (*bir-i-ni*) *çiğ çiğ ye-* [TDK]
 (один-POSS3SG-ACC) сырой сырой есть
 ‘сжрать кого-либо живьем’ (о человеке);
- (37) (*bir-i-nin*) *baş-ı-nın et-i-ni ye-* [TDK]
 (один-POSS3SG-GEN) голова-POSS3SG-GEN мясо-POSS3SG-ACC есть
 ‘проесть кому-нибудь плешь на голове’, букв. ‘съесть мясо на голове кого-л’.

В третьей группе все выражения строятся по модели «неприятное внешнее воздействие + *ye-*» ‘оказаться под воздействием некоего негативного внешнего фактора’, например, *darbe* ‘удар’ → *darbe ye-* ‘получить удар’. Характер внешнего воздействия может быть прямо указан: *dayak* ‘побои’, *yumruk* ‘кулак’, *tekme* ‘пинок’, *gol* ‘гол’, *bıçak* ‘нож’, *kurşun* ‘свинец, пуля’, *azar* ‘порицание, брань’, *ceza* ‘наказание, штраф’ и др. — для всех таких выражений можно привести свободные эквиваленты: *o-nu azar-la-di-lar* (он-ACC порицание-DRV-PST-PL) ‘его отчитали’, *o-na ateş et-ti-ler* (он-DAT огонь AUX-PST-PL) ‘в него выстрелили’, *onlar-a gol at-tı-lar* (они-DAT гол бросать-PST-PL) ‘им забили гол’ и т. д. Мотивировка другой части выражений менее очевидна: *kazık ye-* (кол есть) ‘быть обманутым, стать жертвой мошенника’, *fırça ye-* (щетка есть) ‘получить нагоняй’.

В связи с третьей группой устойчивых выражений необходимо отметить следующее. Во-первых, в таких выражениях нарушаются характерные для *ye-* в ТЯ субъектно-объектные отношения: «потребитель» в них является не агенсом, а пациенсом действия. Во-вторых, судя по [ЭСТЯ 1974: 334], из тюркских языков такое значение *ye-* отмечается только в ТЯ начиная с древнетюркского периода, а также в чувашском: «7. подвергаться чему-л., переносить — тур., ДТС (Древнетюркский словарь. — Е. Н.); терпеть, испытывать — чув., проигрывать — тур.». В [Федотов 1996] для чувашского *çi* ‘есть, кушать’ отмечается: «11. разг. переносить, терпеть. патак *çi* — выносить побои. мён, *çупкă çирён-и?* — что, получил пощечину?». Сравнение с рядом тюркских языков провести невозможно, так как в них в значении «есть» закрепились глаголы, производные от А:Ш ‘еда’ [ЭСТЯ 1974: 211].

В отношении первой и третьей групп можно предположить наличие иноязычного влияния — как минимум, в направлении активизации этого пути метафоризации. Аналогичный третьей группе путь метафоризации представлен в [Næss 2009: 155]: идентичные турецким примеры использования «есть» имеются в хинди-урду и маратхи, и их источником является персидский язык, под влияние которого Большой Хорасан и Индия попали в период господства Газневидов. Активизацию этого пути метафоризации для турецкого *ye-* нельзя исключить ввиду того, что как староанатолийско-турецкий, так и османский языки на протяжении нескольких столетий находились под значительным влиянием персидского языка и культуры.

Для персидского глагола [хёрдан] в [Dictionary-farsi] указаны значения: *to eat* ‘есть’, *to drink* ‘пить’, *to partake of* ‘принимать участие’, *to consume* ‘потреблять’, *to break (a fast)* ‘нарушать (пост)’, *to gnaw* ‘грызть’, *to corrode or erode* ‘разъедать’, *to wear away* ‘стирать’, *to receive* ‘получать’, *to appropriate dishonestly* ‘нечестно присваивать’, *to eat up* ‘съесть’, *to embezzle* ‘растрачивать’, *to hit* ‘ударить’, *to strike* ‘нанести удар’, *to misappropriate* ‘незаконно присвоить’, а также функция вспомогательного глагола (переводы наши. — Е. Н.). Исходя из значений [хёрдан] *to appropriate dishonestly*, *to misappropriate* ‘нечестно, незаконно присваивать’ и того, что в устойчивых выражениях первой группы, кроме (26), в качестве прямого дополнения используются арабо-персидские заимствования, можно предположить, что в ТЯ они сформировались именно под влиянием персидского. Схожих значений не указывается, например, для чувашского *çi* [Федотов 1996] и тувинского *чии-* [Тувинско-...], далеких от персидского влияния.

Во второй группе, в отличие от первой и третьей групп, вероятнее всего, отразилось значение, отмеченное для эквивалентов *ye-* в разных тюркских языках — ‘уничтожать’, ‘погубить’ как следствие представлений о поедании как о разрушении. По этой причине восходящими ко второй группе можно считать также следующие два примера:

- (38) *Bu iş 5 saat-im-i ye-di* [TDK]
 это работа 5 час-POSS1SG-ACC есть-PST
 ‘Это дело заняло у меня 5 часов’;
- (39) *Yapım-ı-na başla-n-an bu yapı gün-de 5 ton çimento yi-yor* [TDK]
 строительство-POSS3SG-DAT начинать-RFL-PC это здание день-LOC 5 тонна цемент есть-PRS
 ‘На начавшееся строительство этого сооружения в день уходит 5 тонн цемента’.

С другой стороны, в (38) и (39) мог получить развитие семантический компонент «поглощение», который прослеживается во вторичном значении производного глагола *ye-dir-* (есть-CAUS) ‘заставлять кого-л. съесть что-л.’ → ‘пропитывать что-л. чем-л., медленно вмешивать что-л. во что-л.’ (например, масло в тесто). Также можно предположить, что в связи с этим тур. *ye-* не имеет значения ‘разъедать’, достаточно распространенного в других языках, в том числе в тюркских (например, в чувашском *çi* «З. есть, разъедать, разрушать» [Федотов 1996]).

Вкусовые ощущения в связи с *ye-* метафоризируются двойко. С одной стороны, в некоторых выражениях в полном соответствии с [Newman 2009: 2] еда связывается именно с приятным вкусом. Так, выражение

- (40) *Ye-r-im sen-i* (устн.)
 есть-AOR-1SG ты-ACC
 ‘Я тебя съем’

заключает в себе не угрозу, а симпатию, которая отражена также в ряде ласковых эпитетов и обращений, связанных прежде всего со сладким вкусом (*tat* ‘вкус’ → *tatlı* ‘вкусный, сладкий, приятный, милый’, *tatlı-m* (сладкий-POSS1SG) ‘мой сладкий’ (обращение); *şeker-im* (сахар-POSS1SG) ‘мой сладкий’ (обращение)).

Приятный вкус пищи отражается также в выражениях:

- (41) *Parmak-lar-ı-nı (birlikte) ye-r-sin* [TDK]
 палец-PL-POSS3SG-ACC (вместе) есть-AOR-2SG
 ‘Пальчики оближешь’, букв. ‘Съешь пальцы (вместе с)’;
- (42) *Ye-me de yan-ı-nda yat* [TDK]
 есть-NEG тоже бок-POSS3SG-LOC ложиться
 ‘очень приятный, очень хороший’, букв. ‘Не ешь его, а рядом лежи’.

Последнее выражение первоначально использовалось в отношении вкусной и внешне привлекательной еды, в настоящее время используется (главным образом женщинами) также в отношении других типов объектов [Başarırsıramaları].

В противоположность этому в двух высоко употребительных выражениях в основе метафоризации лежит неприятный вкус «потребляемого продукта»: *bok ye-* (дерьмо есть), публичная неприемлемость которого породила его субститут *ayva ye-* (айва есть), а использование в нем названия фрукта можно предположительно объяснить вяжущим вкусом айвы или ее сухостью, затрудняющей проглатывание:

- (43) *İşte şimdi bok / ayva ye-di-k* (устн.)
 вот сейчас дерьмо / айва есть-PST-1PL
 ‘Вот теперь мы влипли!’.

Незначительное количество и соотнесенность с противоположными вкусовыми ощущениями выражений, в которых метафоризируется вкус пищи, позволяют утверждать, что они не носят концептуального характера.

5. Основные значения, сочетаемость и производные лексемы глагола *iç-*

Глагол *iç-* также представлен во многих тюркских языках в основном значении ‘пить’ [ЭСТЯ 1974: 391—392]. Использование в ТЯ ‘пить’ в отношении супа связано с культурно-специфическими особенностями пищи — в данном случае с его традиционной пореобразной или близкой к ней консистенцией.

В ТЯ *iç-* является единственным глаголом для описания потребления любых видов табачных изделий: *sigara iç-* (сигарета пить) ‘курить; курить сигареты’, *puro / pipo iç-* (сигара / трубка пить) ‘курить сигару / трубку’. Использование глаголов «пить» в отношении табачных изделий достаточно распространено в языках разных групп (например, [Newman 2009: 10; Næss 2009: 30; Amberber 2009: 30] и др.) и связывается с испытываемыми приятными ощущениями.

Безобъектное использование *iç-* может быть симметрично ситуации с *ye-*: в отношении известного коммуникантам объема определенной жидкости (например, в отношении предлагаемого собеседнику конкретного стаканчика чая, чашки кофе и т. п.) или табачного изделия *iç-* может связываться с намерением субъекта потребить их.

- (44) — *İç-er mi-sin?* — *Hayır, teşekkür ed-er-im, yeni iç-ti-m* (устн.)
 пить-AOR Q-2SG — нет благодарность AUX-AOR-1SG новый пить-PST-1SG
 ‘— Будешь? — Нет, спасибо, только что пил’ (возможно также в отношении предлагаемой собеседнику сигареты).

Кроме того, как и «пить» в ряде других языков, при безобъектном использовании *iç-* соотносится с употреблением алкогольных напитков [ТДК], и, в отличие от усеченного *yemek ye-* → *ye-*, в данном случае не требуется распространение высказывания с помощью обстоятельства:

- (45) *İç-ti-n mi?* (устн.)
 пить-PST-2SG Q
 ‘Ты выпил?’ (также ‘Ты допил?’).

Причиной такого семантического перехода признается то, что при безобъектном использовании переходных глаголов в фокусе оказывается влияние совершаемого действия не на объект, а на агенс, а также социальный характер употребления алкогольных напитков во многих странах [Næss 2009: 40—41].

Ситуация с использованием *iç-* с прямым дополнением, оформленным или не оформленным показателем аккумулятива, симметрична *ye-*:

- (46) *Süt iç-ti-n mi?* (устн.)
 молоко пить-PST-2SG Q
 ‘— Ты пил молоко?’;

- (47) *Süt-ü iç-ti-n mi?* (устн.)
 молоко-ACC пить-PST-2SG Q
 ‘— Ты выпил / допил молоко?’ (например, об оставшемся количестве молока).

İç- с объектом с показателем аблатива, как и в случае *ye-*, может использоваться в значении охвата действием части объекта и указывает на сомнения говорящего в качестве продукта:

- (48) *Bu süt-ten iç-ti-n mi?* (устн.)
 это молоко-ABL пить-PST-2SG Q
 ‘Ты пробовал / пил это молоко?’.

В отношении напитков в ТЯ не имеется обобщающего наименования, аналогичного *yemek* ‘еда’, и в ответе на вопрос о характере занятия лица обязательно указание на вид напитка / супа:

- (49) — *Ne yap-ıyor?* — *Çay / kahve / su iç-iyor* (устн.)
 что делать-PRS — чай / кофе / вода пить-PRS
 ‘— Что он делает? — Пьет чай / кофе / воду’.

Для безалкогольных напитков в качестве замены арабского заимствования *meşrubat* используется существительное *içecek* (пить-FUT/PC) ‘безалкогольный напиток’, ‘предназначенный для питья’:

- (50) *gaz-li içecek-ler* (термин)
 газ-EXS напиток-PL
 ‘газированные напитки’;

- (51) *İçecek ne var?* (устн.)
 напиток что иметься
 ‘Что можно попить?’, ‘Какие есть напитки?’.

Вероятно, вследствие своей неологичности *içecek* плохо сочетается с *iç-* — в [TSC] обнаружено только с определением:

- (52) *soğuk / sıcak / kafein-li içecek iç-* (интернет)
 холодный / горячий / кофеин-EXS напиток пить
 ‘пить холодный / горячий / кофеиносодержащий напиток’.

В отношении алкогольных напитков в ТЯ используется производное от *iç-* существительное *içki*, представленное также в ряде тюркских языков и, предположительно, первоначально соотносившееся с настоями и лекарствами [ЭСТЯ 1974: 392]. Аналогичный семантический переход отмечается и для некоторых других языков [Newman 2009: 10]. В современном ТЯ активно используется также производное

прилагательное *içki-li* (алкогольный.напиток-EXS) ‘выпивший’, употребительность которого, в отличие от персидского заимствования *sarhoş* ‘пьяный’, обусловлена отсутствием указания на значительную степень опьянения.

Степень лексикализации сложного глагола *içki iç-* ‘употреблять алкогольные напитки’ значительно выше, чем у *uemek ye-*: *içki* не может быть отделено от *iç-* знаменательными частями речи и не может присоединять показатель аккузатива.

6. Пути метафоризации *iç-*

Как в ТЯ, так и во всех во всех исследуемых в [Newman 2009] языках глаголы «пить» демонстрируют несравнимо меньшее, чем *ye-*, количество значений и путей метафоризации. Количество устойчивых выражений и фразеологизмов с *iç-* крайне ограничено, и строятся они на основе метафоризации не глагола *iç-*, а названий напитков и сущностей, представляемых как напитки:

(53) *şehadet şerbet-i-ni iç-* [TDK]
 часть.в.борьбе щербет-POSS3SG-ACC пить
 ‘часть в борьбе за Родину, за веру’;

(54) (*bir şey-in*) *üst-ü-ne bir bardak (soğuk) su iç-* [TDK]
 один вещь-GEN верх-POSS3SG-DAT один стакан холодный вода пить
 ‘отказаться от бесперспективных планов’, букв. ‘запить что-либо холодной водой’;

(55) *ant iç-* [TDK]
 клятва пить
 ‘принести клятву’,

где *ant* — тюрк. ‘клятва’ [ЭСТЯ 1974: 151]; однако и здесь возможно влияние персидского языка, так как в [Персидско-... 1985: 274] указывается персидское выражение [gālām хордān] ‘клясться, давать клятву’, где [хордān] — ‘есть, пить, потреблять’.

7. Выводы

1. Турецкие глаголы *ye-* и *iç-* демонстрируют значительное типологическое сходство со своими иноязычными эквивалентами с точки зрения семантики и грамматического оформления объекта действия.

2. Глагол *ye-* в ТЯ является переходным и требует заполнения семантической валентности прямого дополнения лексически или контекстуально. Переходный характер *ye-* привел к образованию непереходного сложного глагола *uemek ye-*, который указывает только на совершение акта приема пищи безотносительно к объекту воздействия.

3. Хотя сложный глагол *uemek ye-* в целом характеризует акт приема пищи, соотносительность существительного *uemek* прежде всего не с готовой к употреблению, а со специально приготовляемой пищей ситуационно сужает сочетаемость *uemek ye-*.

4. Негативная коннотация подавляющего большинства устойчивых выражений с *ye-* носит системный характер. Это частично связано с семантикой глагола «есть» в тюркских языках, во вторичных значениях которого метафоризировано осуществление некоего насилия над объектом воздействия, в данном случае — пищей. Формирование некоторых устойчивых выражений могло стать результатом влияния персидского языка.

5. Метафоризация вкуса пищи в устойчивых выражениях с *ye-* не носит в ТЯ концептуального характера.

6. Использование глаголов «пить» в сочетании с названиями табачных изделий характерно для многих языков. Специфической чертой *iç-* в ТЯ является культурно обусловленное использование в отношении супа.

7. При использовании в усеченной форме сложного глагола *içki iç-* → *iç-* сохраняется соотносительность *iç-* с алкогольными напитками.

8. Сложный глагол *içki iç-* лексикализован в большей степени, чем *uemek ye-*.

9. Глагол *iç-* в ТЯ не метафоризируется.

10. Сочетаемость *ye-* и *iç-* с аблативом для выражения охвата действием части объекта является характерной чертой многих переходных глаголов в ТЯ.

С семантической и типологической точек зрения было бы крайне интересно сравнить развитие эквивалентов и синонимов рассмотренных глаголов в других тюркских языках.

Глоссы

1 — первое лицо	IND — изъявительное наклонение
2 — второе лицо	LOC — местный падеж (локатив)
3 — третье лицо	NEG — отрицание
ABL — отложительный падеж (аблатив)	NMLZ — имя действия
ACC — винительный падеж (аккузатив)	OPT — желательное наклонение (оптатив)
AOR — аорист (настоящее-будущее время)	PC — причастие
AORNEG — негативный аорист	PL — множественное число
AUX — вспомогательный глагол	POSS — посессивный показатель
CAUS — понудительный залог	PRF — перфект (прошедшее заглазное время)
COND — условная модальность	PRS — настоящее время
DAT — дательный падеж (датив)	PST — прошедшее время
DRV — словообразовательный показатель	Q — вопросительная частица
EXS — показатель, указывающий на наличие признака	RCP — взаимно-совместный залог
FUT — будущее время	RFL — возвратный залог
GEN — родительный падеж (генитив)	SG — единственное число

Литература

- Персидско-... 1985 — Персидско-русский словарь в 2-х т. / М. Н. Османов, Д. Х. Дорри, Л. Н. Киселева и др. Том 2. М., 1985. {Persian-Russian dictionary in 2 volumes / M. N. Osmanov, J. H. Dorri, L. N. Kiseleva, etc. Vol. 2. Moscow, 1985.}
- Плунгян, Рахилина 2007 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. К типологии глаголов 'летать' и 'прыгать' // Ред. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 739—748. {Plungjan V. A., Rakhilina E. V. To the typology of the verbs 'fly' and 'jump' // Eds. Majsak T. A., Rakhilina E. V. Lexical typology of predicates denoting motion in a liquid medium. Moscow, 2007. P. 739—748.}
- Тувинско-... — Тувинско-русский словарь // <https://tuvinsko-russkij-slovar.slovaronline.com>, 2020. {Tuvan-Russian dictionary // <https://tuvinsko-russkij-slovar.slovaronline.com>, 2020.}
- Федотов 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Чебоксары, 1996 // samahsar.chuvash.org/dict/2.html {Fedotov M. R. Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 volumes. Cheboksary, 1996 // samahsar.chuvash.org/dict/2.html}
- ЭСТЯ 1974 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {Sevortian E. V. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels. Moscow, 1974.}
- ЭСТЯ 1980 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М., 1980. {Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letters "V", "G", and "D". Moscow, 1980.}
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003. {Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letters "L", "M", "N", "P", and "S". Moscow, 2003.}
- Aikhenvald 2009 — Aikhenvald A. Y. 'Eating', 'drinking' and 'smoking': A generic verb and its semantics in Manambu // Ed. J. Newman. The Linguistics of Eating and Drinking. Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 91—108.
- Amberber 2009 — Amberber M. Quirky alternations of transitivity: The case of ingestive predicates // Ed. J. Newman. The Linguistics of Eating and Drinking. Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 45—63.
- Başarisıramaları — <https://www.basarisiralamaları.com/yeme-de-yanında-yat-deyiminin-anlami/>, 2020.
- CSSh — The Catalogue of Semantic Shifts (CSSh) // datsemshift.ru/shifts, 2020.
- Dictionary-farsi — www.dictionary-farsi.com, 2020.
- Hook, Pardeshi 2009 — Hook P., Pardeshi P. The semantic evolution of EAT-expressions: Ways and byways // Ed. J. Newman. The Linguistics of Eating and Drinking. Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 153—172.
- Jaggar, Amharic 2009 — Jaggar P. J., Amharic M. B. Metaphorical extensions of 'eat' ⇒ [overcome] and 'drink' ⇒ [undergo] in Hausa // Ed. J. Newman. The Linguistics of Eating and Drinking. Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 229—251.
- Luggat — Luggat Osmanlıca Türkçe Sözlük // <https://www.luggat.com>, 2020.
- Næss 2009 — Næss A. How transitive are eat and drink verbs? // Ed. J. Newman. The Linguistics of Eating and Drinking. Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 27—43.

Newman 2009 — *Newman J.* A cross-linguistic overview of ‘eat’ and ‘drink’ // Ed. *J. Newman*. *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 1—26.

Rice 2009 — *Rice S.* Athapaskan eating and drinking verbs and constructions. // Ed. *J. Newman*. *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 109—152.

ТДК — Официальный сайт Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) // www.tdk.gov.tr, 2020 (In Turkish).

The Linguistics 2009 — *The Linguistics of Eating and Drinking* / Ed. *J. Newman*. Amsterdam/Philadelphia, 2009.

TSC — The Turkish Corpus // www.tscorpus.com, 2020.

А. А. Петров. История изучения тунгусо-маньчжурских языков в России (очерки и исследования). СПб., 2019. 172 с.

Бурькин Алексей Алексеевич, Институт лингвистических исследований РАН; albury@mail.ru

Настоящая публикация представляет собой обзор новой книги А. А. Петрова, посвященной истории изучения тунгусо-маньчжурских языков в России с XVIII до начала XXI в. Справочные пособия такого типа по тунгусо-маньчжурским языкам и другим языкам народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России не издавались более 70 лет, и они особенно актуальны в связи с увеличением объема публикаций по этим языкам; причем многие из этих публикаций — региональные издания университетов и сибирских научных центров.

Основную часть книги составляет литература по тунгусо-маньчжурским языкам, относящаяся к XX в. Она разделена на три периода: дореволюционный период (1900—1917), советский период (1917—1991) и российский постсоветский период (1992—2000). В этом есть определенная логика: биографии большинства исследователей старшего поколения укладываются в один период, и каждый период отражает определенные тенденции во взглядах на предмет и задачах исследования.

В книгу включен ряд приложений справочного характера. Благодаря им книга А. А. Петрова может использоваться как удобный учебник для студентов профильных вузов, как пособие для курсов повышения квалификации учителей тунгусо-маньчжурских языков и для самостоятельной работы педагогов, а также как пособие для иностранных исследователей, у которых могут быть сложности с российской библиографией по предмету.

Книга А. А. Петрова однозначно полезна как настольный справочник по литературе, посвященной тунгусо-маньчжурским языкам, хотя, конечно, исследователи биографий ученых и каких-то специальных проблем изучения тунгусо-маньчжурских языков будут обращаться к другим источникам, обеспечивающим специальные запросы.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, биографический справочник, библиографический справочник

A. A. PETROV. ISTORIYA IZUCHENIYA TUNGUSO-MANCHZHURSKIH YAZYKOV V ROSSII (OCHERKI I ISSLEDOVANIYA) [THE HISTORY OF THE STUDY OF THE TUNGUS- MANCHU LANGUAGES IN RUSSIA (SKETCHES AND RESEARCHES)] (SAINT-PETERSBURG, 2019. 172 PAGES)

Aleksey A. Burykin, Institute of Linguistic Studies, RAS; albury@mail.ru

This publication is a review of a new book by A. A. Petrov devoted to the history of the study of the Tungus-Manchu languages in Russia from the 18th century till the beginning of the 21st century. Reference books of this type on the Tungus-Manchu languages and other languages of the peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia have not been published for over 70 years, and they are especially relevant due to the increase in the volume of publications on these languages, a significant part of which are regional publications of universities and Siberian scientific centers.

The main part of the book is the literature on the Tungus-Manchu languages dating back to the 20th century. It is divided into three periods: the pre-revolutionary period (1900—1917), the Soviet period (1917—1991), and the Russian post-Soviet period (1992—2000). There is a certain logic in this: the biographies of most researchers of the older generation fit into one period, and each period reflects certain trends in views on the subject and asks of the study.

The book includes a number of supplements for reference. These applications make the book by A. A. Petrov a convenient textbook for students of specialized universities, a guide for refresher courses for teachers of the Tungus-Manchu languages and independent work of teachers, and a guide for foreign researchers who may have difficulties with the Russian bibliography on the subject.

A. A. Petrov's book is unambiguously useful as an everyday reference book of literature on the Tungus-Manchu languages, although, of course, researchers of biographies of scientists as well as researchers of some special problems of studying Tungus-Manchu languages will turn to other sources that provide special requests.

Keywords: Tungus-Manchu languages, biographical reference book, bibliographic reference book

История и историография изучения языков народов России — комплексная научная дисциплина, принадлежащая не только языкознанию, но и этнографии, а с учетом персоналий XVIII — первой трети XX вв. и собственно истории, включая как историю регионов, изучавшуюся специалистами, так и историю научных центров, среди которых виднейшую позицию занимает Санкт-Петербург. В самом деле, первое поколение ученых, исследовавших языки и культуру народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, являло собой как языковедов, так и этнографов, описывавших материальную и духовную культуру, а также социальную организацию народов. Стремительные социальные и культурные изменения, затронувшие хозяйство и быт северных народов и сильнейшим образом повлиявшие на языковую ситуацию, превратив их языки в «угрожаемые», сжали во времени периодизацию результатов лингвистических и этнографических исследований российского Севера в целом и тунгусо-маньчжурских народов в частности, разбили итоги наблюдений на множество отдельных временных отрезков. В этой стихийной периодизации ныне невозможно разобраться по существу без историографических очерков и подробных библиографических справочников. Увы, этот жанр, бывший некогда весьма популярным [Вдовин 1954; Горцевская 1959; Вдовин, Терещенко 1959], ныне почти не имеет продолжения (см., впрочем, [Владыкина 1999, Бурыкин 2000а]), и рецензируемый труд здесь выглядит счастливым исключением.

Как пишет сам автор, «многие сведения пришлось собирать буквально по крупицам из разрозненных источников (записок и дневников путешественников, историко-этнографических работ, трудов собственно лингвистических, словарей и справочников)» (с. 3—4). И автор прав: за последние 70 лет, со времени издания брошюры В. А. Горцевской, были изданы и этнографические источники XVII — начала XX вв., и разнообразные библиографические справочники, не всегда отличавшиеся полнотой, и этнографические труды, освещавшие также проблемы и факты языков. Сложнейшей задачей здесь является учет разнообразных, чаще всего малотиражных, местных изданий, выпускавшихся в Якутске, Магадане, Хабаровске, Южно-Сахалинске и менее крупных городах и поселках. Именно это и делает библиографическую часть книги очень ценной.

В книге в качестве введения к некоторым разделам дана подробная характеристика деятельности ученых, путешествовавших по Северу и Сибири. Пожалуй, не повезло только Г. Миллеру, новые издания сочинений которого (после 1941 г.) [Миллер 1996, 2005, 2006] остались без внимания автора.

Раздел книги, посвященный изучению тунгусо-маньчжурских языков в XX в., разбит на три части. В науке о языках этих народов выделяются три периода: досоветский (1900—1917), советский (1917—1991) и постсоветский (1991—2000). В этом есть свой резон: время жизни большинства исследователей, чьи труды стали классикой науки (В. И. Цинциус, О. П. Суник, В. А. Аврорин и др.), укладываются в какой-либо один период, и это удобно для читателей, хотя возникающие разрывы, например в научном творчестве С. М. Широкогорова (1887—1939), затрудняют поиск информации.

Сведения о публикациях отдельных авторов даны единым списком, собственно, составляющим текст книги, что несколько необычно, но не может быть поставлено в вину автору, поскольку не затрудняет чтения.

Приложения к книге составляют четыре раздела: 1) «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утвержден распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р)» (с изменениями от 18 мая 2010 г.) (выборка автора) (с. 136—138); 2) «Краткие историко-этнографические сведения о тунгусо-маньчжурских народах и их письменности» (с. 139—142); 3) «Исследователи Севера» (с. 143—162); 4) список сокращений (с. 163—167). С этими приложениями книга А. А. Петрова превращается в удобный учебник для студентов профильных вузов и пособие для курсов повышения квалификации учителей тунгусо-маньчжурских языков и самостоятельной работы педагогов.

Понятно, что узкие специалисты обязательно найдут в любом труде какие-либо недостатки, тем более если усилия автора ориентированы на библиографический материал. Некоторые неточности и пропуски имеются и в обсуждаемой монографии.

Анализ языковых материалов по народам Сибири XVII—XIX вв. так или иначе связан с проблемами идентификации отдельных примеров, а иногда и засвидетельствованного языка в целом. Так, в свое время выяснилось, что шаманские заклинания, зафиксированные Я. И. Линденау в Удском остроге у эвенков, оказались не эвенкийскими, а эвенскими [Бурыкин 1997]. Приведенные в книге А. А. Петрова числительные, записанные Н. Витзенем как эвенские (с. 6—7), больше похожи на эвенкийские, в них нет специфически эвенских форм *уйун* '9' и *мян* '10': вместо них встречаются знакомые нам эвенкийские формы *егин* '9' и *дян* '10', хотя формы числительных второго десятка *омундзиан* 'одиннадцать' и им подобные не встречаются ни в эвенском, ни в эвенкийском языках, включая диалекты. Автора стоит похвалить за бережное отношение к ранним материалам: если бы не оно, эти интереснейшие факты могли бы долгое время оставаться без анализа.

При внимании к трудам ученых XVIII—XIX вв. (с. 9), как мы уже отметили, нет указаний на новые издания трудов Г. Миллера. Ничего не сказано о новом издании «Путешествий» М. А. Кастрена на русском языке [Кастрен 1999], и, что важно, нет информации о русском переводе грамматики М. А. Кастрена, опубликованном как Приложение к тунгусско-русскому словарю Е. И. Титова [Титов 1926]. Как рассказывала В. И. Цинциус, по оригиналу и переводу этой грамматики лингвисты-североведы до 1960-х гг. сдавали кандидатский экзамен по иностранному (немецкому) языку. Упомянутая на с. 71 книга «Маак Р. К. Виллойский округ Якутской области. Ч. III. Изд. 1-е. СПб., 1887. 192 с.» была переиздана в сокращенном, но не теряющем ценности для гуманитариев виде [Маак 1994].

Оказалась упущенной очень ценная в научном и персональном аспектах статья В. И. Цинциус «В. Г. Богораз как исследователь эвенского языка» [Цинциус 1967]. Интересны новые материалы о Е. Р. Шнейдере [Ипполитова 2012: 58—64].

В библиографическом справочнике такого типа, какой представляет собой рецензируемая монография, должны обязательно присутствовать некрологи ученых и сборники, посвященные их памяти и научной деятельности [Таксами 1971; Сем 1985].

В книге не учтен ряд публикаций М. Д. Симонова и Г. В. Гулимовой по фонетике эвенкийского языка, а также диссертация Г. Л. Радченко по фонетике нанайского языка (см. обзор в [Бурькин 2000б]). Пропущена представляющая интерес для истории науки работа [Юргин 1974а, б] — одна из первых работ по эвенкийской топонимике, буквально затравленная титулованными специалистами.

На с. 39 неудачно выражение «Сергей Михайлович Широкогоров издал в Японии свой эвенкийско-русский и русско-эвенкийский словарь» — С. М. Широкогоров скончался в 1939 г., материалы для издания были предоставлены его вдовой Е. Н. Широкогоровой, в этом словаре нет русско-эвенкийской словарной части, а есть только индекс. Нет указаний на посмертно опубликованную статью С. М. Широкогорова “Tungus literary language” [Shirokogoroff 1991], ставшую предметом полемики в российском тунгусоведении.

Нет сборника эвенских текстов «Иркэнмэл, Өйиндэ, Мэтэлэ» (сост. А. А. Данилова. Якутск: Розовая чайка, 1991. 46 с.), часть ценных текстов которого готовится к переизданию.

К с. 61: С. И. Шарина еще и защитила кандидатскую диссертацию с тем же названием.

К с. 108: «Краткий эвенско-русский словарь» В. И. Левина был переиздан в 2006 г. в Санкт-Петербурге [Левин 2006], снабженный красочными фотографиями и тремя приложениями (отв. за выпуск Ульяна Васильевна Канюкова, научный консультант М. С. Толстова). Главное, в этом словаре изменена графика: латиница заменена современной кириллицей.

Досадно, что в книге при описании работ известных ученых нет ссылок на персональные библиографические справочники, например, упущено издание [Кэптукэ 1991].

Совершенно не учтены вызвавшие продолжающуюся дискуссию работы А. Ф. Старцева по этнонимии ороков [Старцев 2015, 2018] и публикации по дискуссии вокруг этнонима *ороки* и их этногенеза.

Почему-то в рассмотренной автором литературе нет диссертации и двух монографий А. А. Бурькина по топонимике восточной Сибири [Бурькин 2006, 2013], где многие тунгусские этимологии ряда топонимов меняются на чукотско-камчатские.

Мы уже говорили о том, что подобные справочные издания должны с максимальной полнотой включать местные публикации по частным проблемам. К сожалению, в книге нет информации о брошюрах «Вопросы истории, литературы и языка. Бюллетень научно-технической информации» (Якутск, ЯФ СО АН СССР; вышло не менее 8 выпусков), в котором публиковались статьи по эвенкийскому и эвенскому языкам. Сведения об этих бюллетенях есть в кн.: Издания Института языка, литературы и истории, 1937—1983 гг. Якутск, 1985. 68 с.

Несмотря на недостатки — а рецензии для того и существуют, чтобы устранять их, — книга А. А. Петрова является заметным вкладом в лингвистическое тунгусо-маньчжуроведение. Она может быть рекомендована специалистам — языковедам, фольклористам и этнографам, а также преподавателям вузов и школ, а также студентам.

Литература

Бурькин 1997 — Бурькин А. А. Тунгусские шаманские заклинания XVIII века в записях Я. И. Линденау // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура / Отв. ред. Е. А. Окладникова; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). Вып. 5. СПб., 1997. С. 123—146. {Burykin A. A. Tungus shamanistic spells of the 18th century in the records of Ya. I. Lindenau // Systemic studies of the relationship between the ancient cultures of Siberia and North America: Spiritual culture / Ed. E. A. Okladnikova. Iss. 5. Saint-Petersburg, 1997. P. 123—146.}

Бурыкин 2000а — *Бурыкин А. А.* Рец. на: Учебные пособия для школ малочисленных народов Севера: Начальные классы. Библиографический указатель. 1927—1994 / Сост. В. А. Владыкина. М., НИИ НПО, 1999. 102 с. // ЯЛИК (Языки. Литература. История. Культура). 2000, 39, апр. С. 12—13. {*Burykin A. A.* Review on: Textbooks for schools of small peoples of the North: Primary classes. Bibliographic index. 1927—1994 / Comp. V. A. Vladykina. M., NII NPO, 1999. 102 p. // Languages. Literature. History. Culture. 2000, 39, April. P. 12—13.}

Бурыкин 2000б — *Бурыкин А. А.* Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2000. С. 150—180. {*Burykin A. A.* The study of the phonetics of languages of small peoples of the North of Russia and problems of development of their written language (review) // Language and speech. Vol. 3. Part 1. St. Petersburg, 2000. P. 150—180.}

Бурыкин 2006 — *Бурыкин А. А.* Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона. СПб., 2006. {*Burykin A. A.* Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of the study of the onomastic space of the region. St. Petersburg, 2006.}

Бурыкин 2013 — *Бурыкин А. А.* Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока XVII—XIX веков. СПб., 2013. {*Burykin A. A.* Proper names as a historical source based on the materials of Russian documents on the discovery and development of Siberia and the Far East of the 17th — 19th centuries". St. Petersburg, 2013.}

Владыкина 1999 — *Владыкина В. А.* Учебные пособия для школ малочисленных народов Севера: Начальные классы. Библиографический указатель. 1927—1994. М., 1999. {*Vladykina V. A.* Textbooks for schools of small peoples of the North: Primary classes. Bibliographic index. 1927—1994. Moscow, 1999.}

Ипполитова 2012 — *Ипполитова А. Б.* Из эпистолярного наследия Е. Р. Шнейдера: семейная переписка 1922—1929 гг. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Книга 1. СПб., 2012. С. 58—64. {*Ippolitova A. B.* From the epistolary heritage of E. R. Schneider: family correspondence 1922—1929 // Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Materials of the international scientific conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of the outstanding Russian archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov. Book 1. St. Petersburg, 2012. P. 58—64.}

Кэптукэ 2001 — *Кэптукэ Г. И.* Галина Ивановна Варламова-Кэптукэ: биобиблиогр. указ. Якутск, 2001. {*Keptuke G. I.* Galina Varlamova-Keptuke: biobibliographic index. Yakutsk, 2001.}

Левин 2000 — *Левин В. И.* Краткий эвенско-русский словарь. СПб, 2006. {*Levin V. I.* Short Even-Russian dictionary. St. Petersburg, 2006.}

Маак 1994 — *Маак Р. К.* Вилуйский округ Якутской области. Ч. III. Изд. 2-е. М., 1994. {*Maak R. K.* Vilyuysky district of the Yakut region. Part. III. 2nd edition. Moscow, 1994.}

Миллер 1996 — *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. Избранное / Сост. А. Б. Каменский. М., 1996. {*Miller G. F.* Essays on the history of Russia. Selected / Comp. A. B. Kamensky. Moscow, 1996.}

Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. III. М., 2005. {*Miller G. F.* History of Siberia. Vol. III. Moscow, 2005.}

Миллер 2006 — *Миллер Г. Ф.* Избранные труды. М., 2006. {*Miller G. F.* Selected works. Moscow, 2006.}

Сем 1985 — *Сем Л. И.* Памяти Клавдии Александровны Новиковой // Известия СО АН СССР. 1985, 2. С. 70—71. {*Sem L. I.* In Memory Of Claudia Alexandrovna Novikova // Bulletin of the Siberian Branch of the AS USSR. 1985, 2. P. 70—71.}

Старцев 2015 — *Старцев А. Ф.* Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток, 2015. {*Startsev A. F.* Oroks — orocens, not the Uilta! On the problem of ethnogenesis of the Oroks of Sakhalin. Vladivostok, 2015.}

Старцев 2018 — *Старцев А. Ф.* Проблемы этногенеза и этнической истории ороков Сахалина // Россия и АТР. 2018, 4. С. 5—7. {*Startsev A. F.* Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Sakhalin Oroks // Russia and the Asia-Pacific region. 2018, 4. P. 5—7.}

Таксами 1971 — *Таксами Ч. М.* Глафира Макарьевна Василевич [некролог] // Сов. этнография. 1971, 5. С. 184—186. {*Taksami Ch. M.* Glafira Makarievna Vasilevich [obituary] // Soviet Ethnography. 1971, 5. P. 184—186.}

Титов 1926 — *Титов Е. И.* Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926. {*Titov E. I.* Tungus-Russian dictionary. Irkutsk, 1926.}

Цинциус 1967 — *Цинциус В. И.* В. Г. Богораз как исследователь эвенского языка // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 353. Л., 1967. С. 90—95. {*Tsintsius V. I.* V. G. Bogoraz as a researcher of the Even language // Scientific notes of the A. I. Herzen LGPI. Vol. 353. Leningrad, 1967. P. 90—95.}

Юргин 1974а — *Юргин К. И.* Эвенкийские гидронимы. Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1974. {*Yurgin K. I.* Evenki hydronyms. PhD thesis. Tomsk, 1974.}

Юргин 1974б — *Юргин К. И.* Эвенкийские гидронимы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1974. {*Yurgin K. I.* Evenki hydronyms. Summary of a PhD thesis. Novosibirsk, 1974.}

Shirokogoroff 1991 — *Shirokogoroff S. M.* Tungus literary language // Asian Folklore Studies. 1990, 50. P. 35—66.

Düysenälï Abdïläšïm. Eski Kazak žazba tïli
[The Old Kazakh written language]
(Beijing, 2015. 230 pages)

Jumabay Uldanay, Institute of Empirical Linguistics, Goethe University (Frankfurt am Main); jumabai.uldabay@gmail.com

The paper presents a review of Düysenälï Abdïläšïm’s monograph “The Old Kazakh Written Language” (“Eski Kazak Žazba Tïli”), which is written in Kazakh and published in Beijing in 2014. The monograph is a linguistic description of the documents of the Kazakh Khanates written in the period from the first half of the 18th century until the early 19th century. The Old Kazakh documents were mostly written by Kazakh Khans and Sultans and sent to Chinese emperors of the Qing dynasty and to officials in charge of the border. Currently all the documents are preserved in the First Historical Archives of China in Beijing. The monograph is designed as a manual for university students studying Kazakh philology. The significance of the book lies in its being the first and only book providing a comprehensive linguistic description of the Old Kazakh historical documents. The monograph is divided into three chapters. The phonetics and writing system of the Old Kazakh documents are studied in the first chapter. Chapter 2 investigates the nominal morphology, in which five word classes: nouns, adjectives, pronouns, numerals, and function words have been discussed. The last chapter presents lexical terms for temporal units. The review provides a short description of all chapters and points out that the usage of the term “Turki” is more appropriate for defining the language of the presented documents than the term “Old Kazakh Written Language”, since it manifests prevalence of non-Kazakh features.

Keywords: Old Kazakh Written Language, Modern Kazakh language, Old Kazakh documents, Qing Dynasty, Kazakh Khanate, phonetics, morphology, word classes

DÜYSENÄLİ ABDİLÄŞİM. ESKİ KAZAK ŽAZBA TİLİ
[ДЮЙСЕНАЛИ АБДУЛАШИМ. СТАРОКАЗАХСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ]
(ПЕКИН, 2015. 230 С.)

Улданай Жумабай, Институт эмпирической лингвистики Университета имени И. В. Гёте (Франкфурт-на-Майне);
jumabai.uldabay@gmail.com

В работе представлен обзор монографии Дюйсенали Абдулашима (Düysenälï Abdïläšïm) «Староказахская письменность» (“Eski Kazak Žazba tïli”), написанной на казахском языке и опубликованной в Пекине в 2014 г. Монография представляет собой лингвистическое описание документов казахских ханств, написанных в период с первой половины XVIII в. и до начала XIX в. Староказахские эпистолярные документы являются письмами, написанными казахскими ханами и султанами и отправленными китайским императорам династии Цин и ответственным за границу чиновникам. В настоящее время все документы хранятся в Первом Историческом архиве Китая в Пекине. Монография предназначена в качестве учебного пособия для студентов вузов, изучающих казахскую филологию. Ее значимость обусловлена тем, что она является первой и единственной книгой, дающей полное лингвистическое описание староказахских исторических документов. Монография разделена на три большие главы. В первой главе изучается фонетика и система письменности староказахских документов. Во второй главе исследуется морфология именных частей речи, среди которых выделяются пять классов слов: существительные, прилагательные, местоимения, числительные и функциональные слова. В последней главе представлены лексические термины, обозначающие единицы времени. В рецензии дается краткое описание всех глав и указывается, что использование термина «язык тюрки» более уместно для обозначения языка, на котором написаны эти исторические документы, чем термин «староказахский письменный язык», поскольку язык данных документов имеет большое количество неказахских особенностей.

Ключевые слова: староказахский письменный язык, современный казахский язык, староказахские документы, династия Цин, казахское ханство, фонетика, морфология, классы слов

1. Introduction

In 2005, Professor Erkin Awghaly at the Minzu University of China received two documents from the First Historical Archives of China of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing. These old documents turned out to be in Turkic written in Arabic script. Among Chinese written sources of the time of the Qing Dynasty, there are numerous documents concerning the political and economic relations between the Qing Dynasty and the Kazakh Khanate. However, most of them are written in Chinese. Documents written in a language other than Chinese are fewer. In 2006 and 2009, Awghaly published these two documents one after another with a description of their language and a Modern Kazakh translation (see [Awghaly 2006, 2009]). His publications attracted the keen attention of scholars both in China and in Kazakhstan.

Awghaly gave his student Düysenalı Abdiläšim the task of collecting and studying Kazakh documents preserved in the First Historical Archives of China in Beijing. Abdiläšim wrote his doctoral dissertation on this topic. As he was studying in Kyoto, his study “Historical research on the Kazakh documents of the 18—19 century” was written in Japanese and completed in 2010. Düysenalı Abdiläšim is currently professor at the Minzu University of China and is doing research on Old Kazakh documents and Kazakh philology.

According to Abdiläšim [Abdiläšim 2016: 35—42], the collected documents are letters, mostly written by Kazakh Khans and Sultans and sent to Chinese emperors of the Qing dynasty and to officials in charge of the border. There are also letters sent by imperial envoys to Russian authorities. Abdiläšim attributes these documents to three main geographical areas: those of the Left Khanate, those of the Right Khanate, and those of the Western Khanate. There are 25 letters from the Left Khanate, 109 letters from the Right Khanate, and 17 letters from the Western Khanate. By now, altogether 151 letters have been found by Abdiläšim. Among them, the earliest 17 documents were written in the *tod* (‘clear’) script. They came from different Khanates: seven letters from the Left Khanate, nine from the Right Khanate, and one from the Western Khanate. They were written during the period 1757—1780. The other documents were written in the Arabic-based Chaghatay script. According to Noda and Onuma [Noda, Onuma 2010: 11], the earliest letters were written in 1757 by Ablai-Khan to the Chinese emperor of the Qing dynasty. The latest one was written in 1828 to the Chinese emperor of the Qing dynasty by the ruler of the Right Khanate Altınsarıq, one of the descendants of the Sultan Abulfeyz. Noda and Onuma [ibid: 3—4] state that the identification of the language is still an open question, because the texts bear features of several different Turkic varieties: the South-Eastern, or Karluk, Turkic group and of the North-Western, or Kipchak, group. Furthermore, the language differs greatly from Modern Kazakh. Mawkanuli and Martin [Mawkanuli, Martin 2012: 69] argue that the letters¹ “were handwritten in Turki and include vernacular Turkic forms as well as Russian loan words, marking them linguistically rich and challenging sources of analysis”. Here the term Turki refers to “a variety of Chaghatay with typical Kipchak features and reflecting the spoken varieties of the steppe region”.

Düysenalı Abdiläšim’s book under review here, “Eski Қазақ Жазба тілі” ‘The Old Kazakh Written Language’, is written in Kazakh and published in Beijing. It is a linguistic description of the above-mentioned Old Kazakh documents, designed as a manual for university students studying Kazakh philology. The book aims to present linguistic features of the Kazakh documents of the Kazakh Khanates written in the period from the first half of the 18th century until the early 19th century. The significance of the book lies in its being the first and only book to provide a comprehensive linguistic description of the Old Kazakh historical documents. As mentioned above, these Kazakh documents are letters written by Kazakh Khans and Sultans to the heads of the Russian Empire and the representatives of the Qing Dynasty, or to their local governors. There are also a few letters written by Kazakh Biys (judges). His second book, “Research on Kazakh Documents in the First Historical Archives of China”, was published in 2016 in Kazakh. It analyzes additional 67 letters with their copies, their Latin transcriptions and modern Kazakh translations. Facsimiles of some letters have been also attached. This book will hopefully be reviewed separately in the near future.

2. Brief description of sections

In the introduction, the author describes the Kazakh literary language and the main historical periods of its development. He then explains the reasons why he applies the name “Old Kazakh” to the Kazakh literary language, starting from the establishment of the Kazakh Khanates (the middle of the 15th century) until the beginning of the 20th century. The Kazakh literary language of the given periods had been denoted differently by researchers: e.g., Kazakh-Chaghatay, Chaghatay-Kazakh, the Old written literary language, the Old Kazakh written literary language, and even Tatar. The author suggests that it would be appropriate to designate it as the Old

¹ Their paper “Nineteenth century Kazakh correspondence with Russian authorities: Morphemic analysis and historical contextualization” deals with a letter written by Kazakhs to Russian imperial officials in the year 1832.

Kazakh written language. His reasoning is that the letters have more Kazakh than Chaghatay or Tatar features. The Old Kazakh written language is based on the traditions of the Chaghatay language, and numerous Chaghatay features can be encountered in the early Kazakh sources from the time when the Kazakh Khanates were established. Along with the growing strength of the Kazakh Khanates, more and more Kazakh spoken features were used in the written language. Over time, the official Kazakh written language was established.

The Kazakh documents comprise two categories. The first includes the Western documents, written by the Khan of the Junior Zhuz Abul Khair (Kazakh: Äbilkäyir) and his descendants and sent to the Russian Empire and its local governors in order to establish political and economic relations. Most of the preserved letters are nowadays dispersed in archives in Moscow, St. Petersburg, Kazan, Tashkent, Orenburg, and Almaty. Some of these letters have been published by Kazakh scholars in Kazakhstan (see [Äbilkäšimov 1988]). Äbdiläšim refers to these publications and cites one letter. The second category contains the Eastern documents, written by Kazakh Khans and Sultans, such as Ablai, Arbulfeyz, and their descendants, to Chinese Emperors of the Qing Dynasty and local Chinese governors after the middle of the 18th century. These documents are preserved in the First Historical Archives of China in Beijing.

The archive actually possesses copies, not the original manuscripts themselves. The author mentions that he discovered several mistakes in the documents, but it is far from clear whether the mistakes were in the original documents or were made by the copyists.

The book contains 64 digitalized (computer typed) versions of the documents written in the period 1732—1828. Most of the documents published in the book are Eastern ones, i.e. letters sent to China. There is only one Western letter.

The first chapter is devoted to phonetics. The author describes the alphabet of the documents, based on the Chaghatay-Arabic script. There are 33 characters and eight diacritic signs *fatha*, *kasra*, *žamma*, *sukün*, *tašdīd*, *tanwīn*, *hamza*, *madda*. Some of the characters are used only for Arabic and Persian loanwords. Although the script includes special characters for some typical Turkic sounds (such as *p*, *č*, *g*), they are practically never used in the documents. The character /b/ (↔) is used to represent both *b* and *p*, the character *j*² (ج) covers both *j* and *č*, and the character *k* (ك) is employed to represent both *k* and *g*. The nasal uvular sound *ŋ* is represented by the combination of the characters *n* and *k*. The nine Kazakh vowels are expressed by only four characters, three of which also having consonantal values; i.e. the character *o* (o) is used to render *o*, *ö*, *u*, *ü*, *ū* (in word-internal position), and *w*, *v*; the character *e* (e) is used for *a*, *ä*, *e*, and *h*; the character *y* (y) represents the sounds *e*, *i*, *ī*, and *y*. Only the character *a* (a) is used exclusively to render vowels *a*, *ä*, and *ā*.

Further, the author gives a relatively complete description of the sound system of the documents. Thus, according to him, the Old Kazakh written language has nine vowel phonemes, like Modern Kazakh, and 25 consonant phonemes. He gives a detailed phonetic description of each phoneme and its usage and illustrates them with examples from the documents.

The second chapter is devoted to nominal morphology. Here, the author describes five word classes occurring in the Old Kazakh written language: nouns, adjectives, pronouns, numerals, and function words. The description is organized in five sub-chapters.

In the sub-chapter devoted to nouns, Äbdiläšim first describes derivational suffixes that build both derived denominal nominal stems (-čI, -IİK, -čIK, -dAš, -čA, etc.) and derived deverbal nominal stems (-GUčI, -(U)w, -čIİK, -KIn, -mA, -(I)š); e.g. *egincī* ‘farmer’, *esänlik* ‘health’, *üyčik* ‘small house’, *yoldaš* ‘friend’, *qalmaqča* ‘the Kalmuck language’, *tutkučī* ‘ruler’, *awruw* ‘sick person’, *tilänčilik* ‘begging’, *kačkun* ‘escaper’, *tuyma* ‘family’, ‘natural’, *uxšaš* ‘same’.

Inflectional suffixes that are attached to nouns to express various grammatical categories, such as plural, possessive, case, and person markers are then presented.

The plural marker is the all-Turkic *-lAr*; e.g. *Qazaqlar* ‘the Kazakhs’, *szlār* ‘you:PL’. In comparison with Modern Kazakh, the Old Kazakh plural marker has several characteristics that do not exist in Modern Kazakh. For instance, in Modern Kazakh, the plural suffixes are not added to nouns already having the semantics of quantity and to numerals having values more than two. The Old Kazakh written language allows such combinations; e.g. *köp kišilar* ‘many persons’, *mij yilqilar* ‘a thousand horses’, *üč hānlarumuz* ‘our three Khans’. The third person plural possessive affix *-lArI* can be used to define more than one possessor or as an honorific form expressing respected possessor(s); e.g. *atalarī Abū al-hayr hān* ‘their father Abul Khair Khan’ and *oylilarī Nūr’alī* ‘Your son Nurali’. The possessive category is expressed by such forms as 1SG *-(U)m* ~ *-(I)m*, 2SG *-(U)ŋ* ~ *-(I)ŋ* (informal), 2SG *-(U)ŋIz* ~ *-(I)ŋIz* (formal), 3SG *-(s)I*, 1PL *-(I)mIz* ~ *-(U)mIz*, 2PL *-lArIŋ* ~ *-lArUŋ* (informal), 2PL *-lArIŋIz* ~ *-lArUŋIz* (formal), 3PL *-lArI*, signaling person and number of the possessor; e.g., *ayamyā* ‘to my elder brother’ (DAT), *ataŋ* ‘your father’ (NOM), *söziŋizya* ‘to your words’ (DAT), *balasın* ‘his son’ (ACC),

² In the edition, the sign *j* is used to transliterate this character. We are using here a Turcological transcription.

qolimizya ‘to our hand’ (DAT), *kişilariñni* ‘your people’ (ACC), *işlariñizgá* ‘to your works’ (DAT), *yoldaşları* ‘his/her/their friends’ (NOM). It is worth mentioning that suffix harmony is not consistent. The last syllable of the stem cannot determine the quality of a following suffix with respect to rounded-unrounded, or “labial”, harmony. For example, the rounded *ö* in *söz* ‘word’ followed by the second person unrounded possessive suffix *-iñiz*: *söz-iñiz* ‘your (formal) word’ instead of *söz-üñiz*, since both morphological variations *-uñiz* and *-üñiz* are existent in the language. The unrounded vowel *i* in *yarlıy* ‘command’, on the other hand, is followed by the rounded variant of the second person (formal) possessive suffix *-uñiz*: *yarlıy-uñiz* ‘your (formal) command’, as well as in *balalar-uñni* ‘your children’s’. However, in some cases, the last syllable of the stem and a following suffix displays the “labial sound harmony”, e.g. *köñlüñiz* ‘your (formal) feel’. Due to the fact that the letters were written by different people, the variation can reflect dialectal features.

Seven case markers occur in the documents. The genitive case has the marker *-nıñ*; e.g. *Qazaqñıñ hāñi* ‘the Khan of the Kazakhs’, *iñeniy jañ juñ*³ ‘the general of the Ili’. Abdılāşım also gives examples in which other forms of the genitive are used or the genitive is used in a non-canonical way. The dative case markers are *-GA*, *-A*, *-nA*, e.g. *pādsāhka* ‘to the king’, *bizlārā* or *bizlārgā* ‘to us’, *Buḥāra šaharına* ‘to the city Bukhara’. The accusative case markers are *-nı*, *-du*, and *-n*, e.g. *bir yigitni kaytarıñ* ‘returning a young boy’, *hatimdu yibardım* ‘I sent my letter’, *künñi köziñ* ‘(to see) the eye of the sun’. In some cases, the direct object bearing a possessive marker is in the nominative, e.g. *tamıam saldım* ‘I sealed my stamp’. The locative case marker is *-da*; e.g. *ekı yoldaşı ilān bu küñda* ‘in these days with his/her two friends’, *tur degān yer-iñizda* ‘on the place where you ask to stop’. The ablative case is *-dın* and *-Dan*; e.g. *on beş yaşımdın* ‘from my 15 years’, *ata babamızdan* ‘from our ancestors’, *altın etaktān* ‘from the golden skirt’. The instrumental case is *-ın*, but it is seldom used, e.g. *ötkān kışın segiz hātün birlān on baynı ustadı* ‘he arrested eight women and ten men last winter’. The semantics of the instrumental case is also expressed by the postpositions *bılān*, *pılān*, *birlān*, *birlā*, e.g. *öz qolım birlā hat mohrumñi bastım* ‘I sealed my stamp with my own hands’. The personal markers on nominal predicates are *-mın*, *-mız*, *-sız*, e.g. *men hānmın* ‘I am a king’, *jawmız* ‘we are enemies’. The copular particle *-dur* is also used in the third person, e.g. *bizgā sonday duşmāndur* ‘they are such enemies for us’. This particle is not in use in Modern Kazakh.

The second sub-chapter is devoted to adjectives starting with denominal suffixes forming adjectives: *-lı*, *-sız*, *-G³I* (*G* has three variants of *k*, *k*, *g*), *-lık*, *-Day*; e.g. *fāydalı* ‘useful’, *şansız* ‘countless’, *tışkı* ‘outside’, *yahşılik* ‘good’, *künday* ‘like the sun’. There are also affixes copied from Persian, such as *bī-*, *nā-*, *-bān*, etc.; e.g. *bīgūnāh* ‘innocent’, *nārāzı* ‘unsatisfied’, *mehrbānlu* ‘kind’. The comparative is formed with *-rAK*, e.g. *alısrak* ‘rather far’, *keçgiprak* ‘being rather late’. Superlatives are formed with the particle *bek*, e.g. *bek katıy* ‘hardest’, *bek köp* ‘the most’.

The third sub-chapter describes numerals. The cardinal numbers are *bir* ‘one’, *ekı* ‘two’, *üç* ‘three’, *tört* ‘four’, *beş* ‘five’, *altı* ‘six’, *yetı* ‘seven’, *sekiz* ‘eight’, *toķiz* ‘nine’, *on* ‘ten’, *kırık* ‘forty’, *altmış* ‘sixty’, *yüz* ‘hundred’, *mıñ* ‘thousand’, etc. Ordinal numerals are derived with *-InçI*, e.g. *ekinçı* ‘second’, *üçünçı* ‘third’, *altınçı* ‘sixth’. Collective numbers are derived with *-Aw*, e.g. *üçaw* ‘three together’, *törtaw* ‘four together’. Approximate expressions are formed with juxtaposed numerals, e.g. *bir ekı* ‘one or two’, *on beş yigirmi* ‘15 or 20’. Fractions are expressed by the lexemes *yarım*, *yartı* ‘half’, e.g. *mıñ yarım* ‘one thousand and a half’.

The fourth sub-chapter is devoted to pronouns. The personal pronouns are *men/ben* ‘I’, *sen* ‘you:SG’, *siz* ‘you:SG (formal)’, *u/ol* ‘he, she, it’, *biz/bizlār* ‘we’, *siz/sizlār* ‘you:PL (plural/formal)’, *alar/anlar* ‘they’. In Old written Kazakh, there is no second person informal plural form such as Modern Kazakh *sender* ‘you (plural)’. The declension of some pronouns differs from the above-mentioned case paradigm, similar to Modern Kazakh (table 1).

Table 1. Personal pronouns in the documents

	<i>men/ben</i>	<i>sen/siz</i>	<i>ol</i>	<i>biz/bizlār</i>	<i>sizlār</i>	<i>anlar</i>
nom.	<i>men/ben</i>	<i>sen/siz</i>	<i>ol</i>	<i>biz/bizlār</i>	<i>sizlār</i>	<i>anlar</i>
gen.	<i>menıñ</i>	<i>sizniñ/sizüñ</i>	<i>anıñ</i>	<i>bizniñ/bizlārniñ</i>	<i>sizlārniñ</i>	<i>anlarnıñ</i>
acc.	<i>meni/beni</i>	<i>sizni</i>	<i>anı</i>	<i>bizni/bizlārni</i>	<i>sizlārni</i>	<i>anlarnı</i>
dat.	<i>maga/bağa</i>	<i>sizgā</i>	<i>oga</i>	<i>bizgā/bizlārgā</i>	<i>sizlārgā</i>	
loc.	<i>bendā</i>					
abl.	<i>bendın</i>	<i>sendın</i>	<i>andan</i>	<i>bizdın/bizlārdın</i>		<i>olardın/anlardın</i>

The demonstrative pronouns are *bu*, *bukım*, *oşbu/oşpu/aşbu*, ‘this’ indicating close proximity. Other demonstrative pronouns, such as *ol*, *oluq*, *oşul*, *şu*, *şol*, *şoluq* ‘that’, express distance. The case forms of *bu* and *ol* are:

³ *Jañ juñ* is a loanword from Chinese *jiāng jūn* ‘general’.

bunı (ACC), *munda* (LOC), *mundın* or *bunlardın* (ABL); *anıñ* (GEN), *aña* (DAT), *anı/olarnı* (ACC), *anda* (LOC), *andın* (ABL). The Old written Kazakh reflexive pronoun is *öz* 'self'. Collective pronouns are quantifiers, *barça*, *bäri*, *kullı*, *hame*, *jamı* 'all, whole'. Interrogative pronouns are *kim* 'who', *neçük* 'how', *kaçan* 'when', *qaysı* 'which one', *qayuw* 'which'. Among them, the pronoun *qaysı* often occurs with the copular particle *-dur* and the interrogative pronoun *kim*, the latter is then used as a relative pronoun; see *kim* as a relative pronoun in *qaysıdur kim Muxammad Raxım hänyä qarayanlaryä* 'to those who are submitted to the Muhammad Rahim'. The pronoun *qayuw* occurs with the interrogative pronoun *kim* employed as a relative pronoun, e.g. *qayuw kim ol uluy nasblu Harunyazı sultän* 'that one who is the senior official Harungazi Sultan'. Indefinite pronouns have many sub-classes and are often based on interrogative pronouns: existential *kimsä* 'someone', quantitative *bırneçä* 'some', *neçä wa neçä* 'many', etc. Universal indefinite pronouns are built by indefinite pronouns in combination with *här* 'every', e.g. *härkim* 'everybody', *härqaysı* 'everyone', *här qayuw* 'everything', *härбір* 'each', *här zamän* 'every time'. There are no negative pronouns; the negative semantics ('nobody', 'nothing' and the like) is expressed by interrogative or indefinite pronouns together with the negative particle *hıç*; e.g. *hıçбір* 'nothing', *hıçkim* 'nobody', *hıcnärse* 'nothing'. Notice the negative semantics can be expressed by *hıçбір*, *hıçkim*, etc. if the predicate is negated, e.g. *hıcnärse alyanı yok* 'he takes nothing', *hıcnärsesini kaldırmadılar* 'they left nothing'.

The fifth sub-chapter deals with function words. Three types are distinguished: (i) postpositions, i.e. function words assigning case, *üçün* 'for', *arqılı* 'through', *xaqında*, *toyruşında* 'about', *soñ* 'after', *berı* 'since', *kün ilgri* 'one day ago', 'before', etc.; (ii) coordinators, used to combine noun phrases and clauses, e.g. *yenä* 'and', *bılän* 'and, with', *wa*, *ham* 'and', *alayda*, *läkin*, *ammä* 'but', *ya*, *yaki*, *yake* 'or'; (iii) function words occurring in dependent clauses, *şol sabablı* 'therefore, so', *şonıñ üçün*, *anıñ üçün* 'so', *agar*, *agarçä*, *agardä* 'if', etc.

The last chapter describes some lexical word classes. The author presents terms for weekdays, months and seasons, and for other temporal units used in the language. The terms for the weekdays are identical with those in Modern Kazakh. However, Persian terms for months are frequently used. Some Arabic month terms are also occasionally employed. The season names are identical with those in Modern Kazakh, except for the Persian loanword *bahär* 'spring'; e.g. *ya'nı oşbu ötmış bahär fasılāñ başındın ta oşbu zamānyāçä* 'well, that is, from the beginning of last spring until now'. The author also mentions that original Kazakh animal names associated with the 12-year cycle are rarely used in the Eastern letters sent to representatives of the Qing Dynasty. As for the Western documents, they often used Arabic numbers. The exact date of writing does not often occur in the letters; the date is lacking from the Eastern documents, e.g. *taxrır olundı Kıryız-Kazak yurtında kawstıñ yawmında 1809 sana yılda* 'this was written in November 1809, in the Kirghiz-Kazakh area'.

The appendix contains typed versions of the 64 letters in the Arabic script without a Latin transcription or translation.

3. Conclusions

Although the language used in the documents is considered by Abdiläšim to be Old written Kazakh that is evolved and established on the basis of the Kipchak and Chaghatay written languages, it is still an open question what Turkic varieties it represents. The texts demonstrate several South-Eastern Turkic characteristics; for instance, lack of the pronominal *n* and devoicing of suffix-final *-G*, along with some South-Western elements such as the copular verb *ol-* 'to be' instead of North-Western *bol-* 'to be'. Furthermore, the first-person singular form *ben* is used along with *men* 'I'. But one point is clear to us: the variety of ways in which the letters are quite different from Modern Kazakh and supposedly also from varieties spoken by Kazakhs of that period. Probably, the texts were meant to be Chaghatay, which was considered to be the Standard written Turkic variety in Turkic-speaking Central Asia. Since the language of the documents manifests majority of non-Kazakh features, following Mawkanuli and Martin [Mawkanuli, Martin 2012], we prefer to use the term *Turki* instead of *Old Kazakh Written Language*.

Summing up, the reviewed book does not only publish the Old Kazakh documents collected by the author in recent years, but also analyzes the language of the documents. We hope that Abdiläšim's books will draw the attention of scholars who are studying Chaghatay and Kazakh philology.

Abbreviations

1 — first person	ABL — ablative	LOC — locative
2 — second person	ACC — accusative	NOM — nominative
3 — third person	DAT — dative	PL — plural
	GEN — genitive	SG — singular

References

Ábdilášim 2016 — *Ábdilášim Düysenalı*. Zhunǵo birinshi tárixi muraǵatında saǵtalyan Qazaqsha qujattar {Research on Kazakh documents in the First Historical Archives of China}. Beijing, 2016.

Ábılqasımov 1988 — *Ábılqasımov Babaş*. 18—19 ғасырдағы Қазақ әдеби тілінің жазба нұсқалары {Written samples of 18th and 19th centuries literary Kazakh}. Almaty, 1988.

Awghaly 2006 — *Awghaly Erkin*. 一件清代哈萨克租牧地文书的研究 (yī jiàn qīng dài hāsàkè zū mù dì wénshū de yánjiū) {The Study of a Document about the Kazakhs' Pasture Lease} // 民族研究 (Mínzú yánjiū) {Ethnic Studies}. 2006, 5. P. 70—73.

Awghaly 2009 — *Awghaly Erkin*. 阿布赉汗后的清哈关系 — 一件清代哈萨克文书的释读 (Ābù lài hàn hòu de qīng hā guānxi — yī jiàn qīngdài hāsàkè wénshū de shídú) {Qing-Kazakh Relation after Ablai Khan: A Kazakh Document from Qing Period} // Eds. *Ding jing, Zhang and Yakup, Abdurishid*. 突厥语文学研究 — 耿世民教授八十华诞纪念文集 (Tūjué yǔwén xué yánjiū — gēngshímín jiàoshòu bāshí huádàn jìniàn wénjí) {Studies in Turkic Philology: Festschrift in Honour of the 80th Birthday of Professor Shimin, Geng}. Beijing, 2009. P. 21—26.

Mawkanuli, Martin 2012 — *Mawkanuli Talant, Martin Virginia*. Nineteenth century Kazakh correspondence with Russian authorities: Morphemic analysis and historical contextualization // *Turkic Languages*. 2012, 16. P. 68—79

Noda, Onuma 2010 — *Noda Jin, Onuma Takahiro*. A collection of documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo, 2010.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >